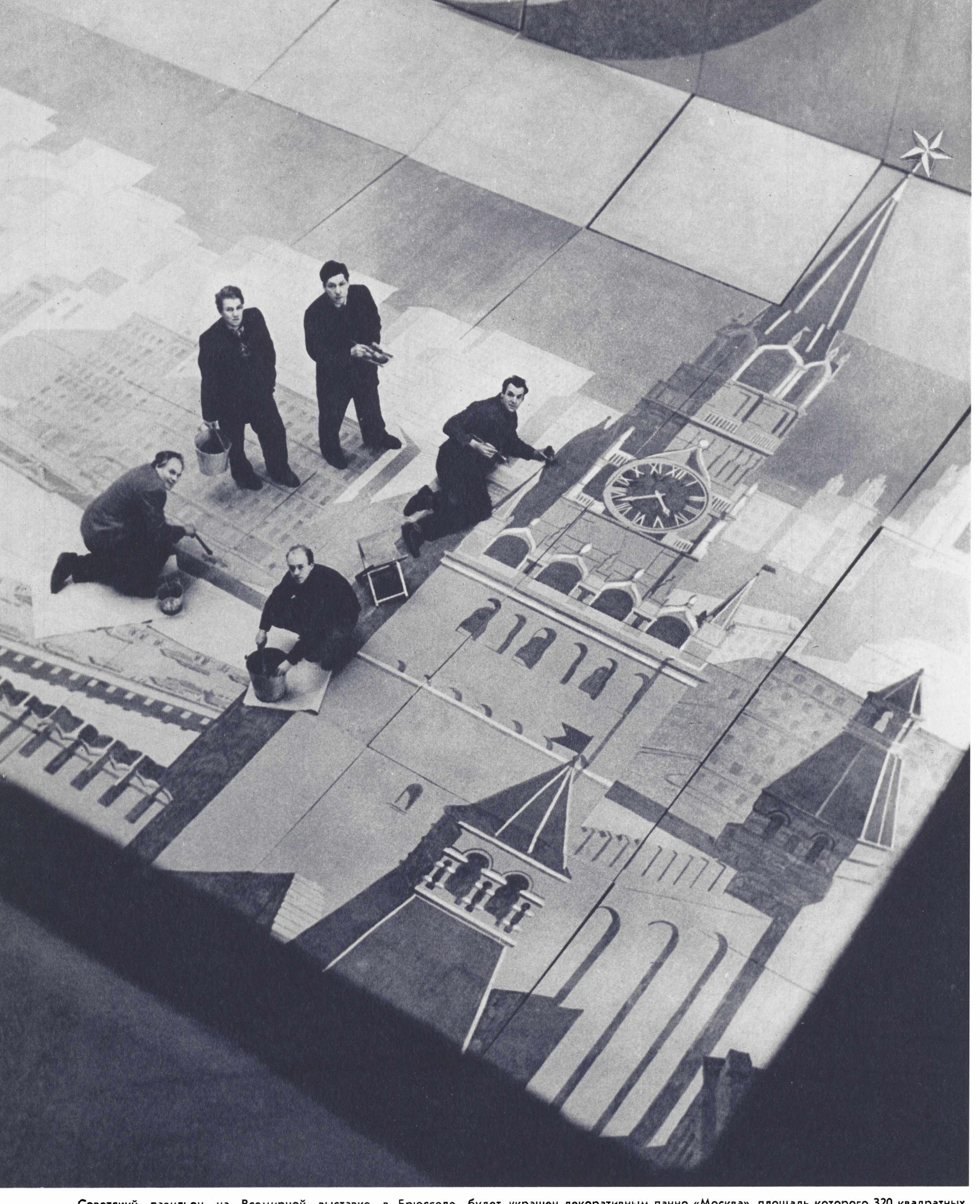

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Советский павильон на Всемирной выставке в Брюсселе будет украшен декоративным панно «Москва», площадь которого 320 квадратных метров. Панно написано на 80 отдельных щитах. Это облегчает транспортировку и монтаж его на центральной стене павильона в Брюсселе. На снимке: художники И. Л. Бруни, А. В. Васнецов, А. Д. Гончаров, Б. А. Мессерер, В. Б. Эльконин наносят последние мазки на щиты.

Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: **И. И. Бродский.** Портрет Алексея Максимовича Горького.

Государственная Третьяковская галерея.

На последней странице обложки: Будапешт. Колонна на площади Героев.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 13 (1606)

36-й год издания

23 МАРТА 1958

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЕДИНОДУШИЕ

В минувшее воскресенье советские люди выбирали депутатов в Верховный Совет СССР. Большой этот день стал днем нового торжества советской демократии, могучей демонстрацией нерушимого единения Коммунистической партии, Советского правительства и народа.

В Сообщении Центральной избирательной комиссии говорится, что в выборах приняло участие 133.796.091 человек, что составляет 99,97 процента от общего числа избирателей. За кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, выставленных блоком коммунистов и беспартийных, голосовало в избирательных округах по выборам в Совет Союза 99,57 процента и в избирательных округах по выборам в Совет Национальностей —99,73 процента избирателей, участвовавших в голосовании. Таковы цифры убедительной, полной и безраздельной победы народного блока коммунистов и беспартийных. Миллионы советских людей, опускавших свои бюллетени в избирательные урны, говорили словами поэта:

— Очень правильная
эта,
наша
Советская власть.

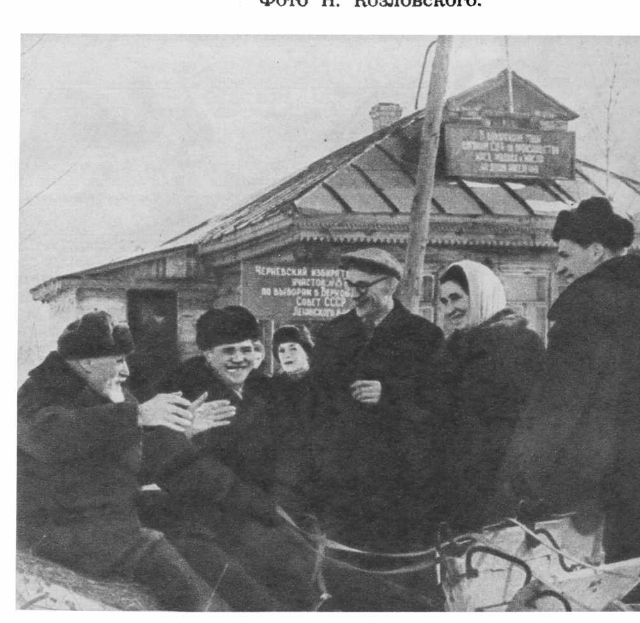
Ленинград. У избирательных участков № 8/373 и № 9/384 Кировского избирательного округа.

Фото Б. Уткина.

Киев. Идет выдача бюллетеней на избирательном участке № 98/98.

Фото Н. Козловского.

Московская область. После голосования. Колхозники сельхозартели «Большевик», Ленинского района, беседуют с 85-летним кузнецом, ныне пенсионером, Сергеем Васильевичем Мамочкиным.

Фото А. Геринаса.

← Москва. Избирательный участок № 91 Киевского избирательного округа. Голосуют старейший производственник, член КПСС с 1918 года, слесарь Николай Андреевич Падалкин с женой Марией Матвеевной.

Фото М. Савина.

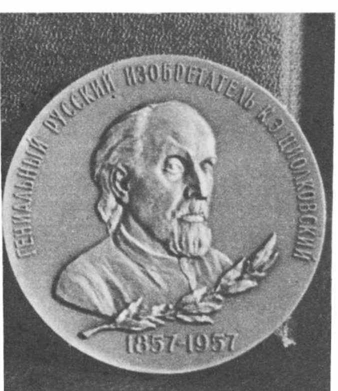

18 марта в Москве начался Международный конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского. В конкурсе примут участие 80 молодых музыкантов, представляющих 23 страны. Прослушивание будет проходить в три тура.

На снимке: участники конкурса скрипачей знакомятся друг с другом: играет Вильям Дэсмонд Брэдли (Австралия); его слушают Энрике Карлос Боседи (Аргентина), Ян Бин-сун (КНР), Харриэт Вингрин (аккомпаниатор), Джойс Флислер (США).

Фото Ф. Короткевича.

Ленинградский Монетный двор выпустил две новые памятные медали: одну в ознаменование запуска в СССР первого в мире искусственного спутника Земли, вторую в память гениального русского изобретателя К. Э. Циолковского.

На днях в Хэмпстидском кинотеатре в Лондоне с большим успехом был показан индийско-советский фильм «Пардеси» («Афанасий Никитин»). На просмотре присутствовали посол СССР в Англии Я. А. Малик, главы ряда иностранных миссий. Среди гостей были лорд Эттли с супругой, лорд П. Лоуренс и артисты английского кино.

На снимке: посол СССР в Великобритании Я. А. Малик после просмотра фильма «Пардеси» беседует с Х. А. Аббасом.

Фото Сиднея Вивера.

Народ Туниса отстаивает независимость своей молодой республики. На снимке: многотысячная демонстрация жителей города Туниса под лозунгом: «Пусть французские войска уйдут из нашей страны!».

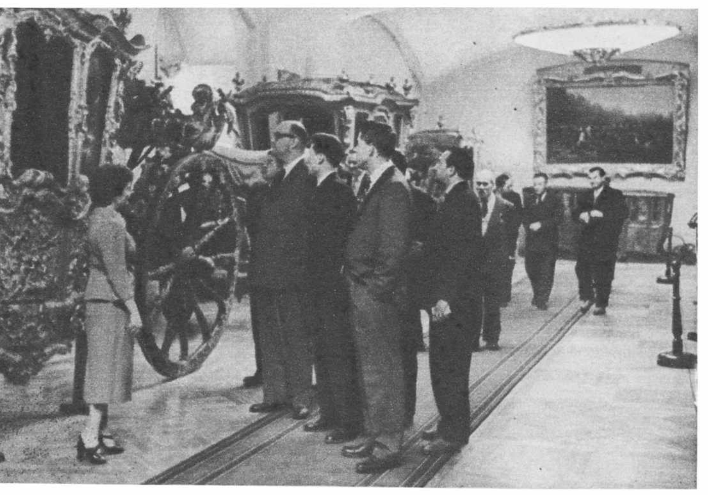
Фото из журнала «Пари матч».

16 и 17 марта во Дворце спорта состоялись товарищеские международные встречи по хоккею с шайбой между сборными командами США и советскими хоккеистами. Обе встречи закончились победой советских хоккеистов.

На снимке: момент игры сборной команды Москвы с американскими спортсменами.

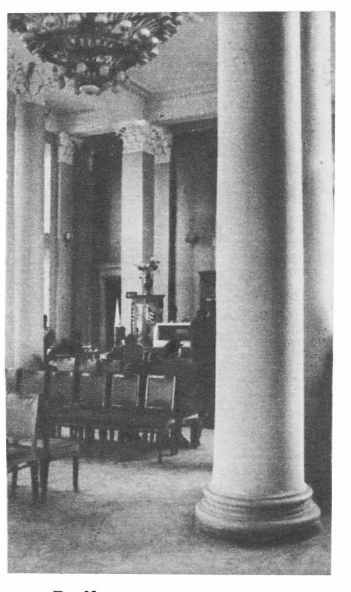
Фото А. Бочинина.

В Советском Союзе находились представители США, прибывшие в нашу страну, чтобы ознакомиться с ходом избирательной кампании и выборами в Верховный Совет СССР. В делегацию входили профессор Р. Скэммон, профессор С. Блэк и главный редактор журнала «Форчун» Х. Доновэн. Американские гости совершили поездку по стране.

На снимке: гости из США во время осмотра Кремля.

Фото А. Сербина.

В Краснодаре открыт новый вокзал автомобильной станции. Это один из самых больших, красивых и благоустроенных автовокзалов РСФСР.

Комфортабельные быстроходные автобусы идут отсюда в Ростов, Ставрополь, Кисловодск, Новороссийск, Майкоп, во многие другие города и станицы Краснодарского края.

Фото И. Зайцева.

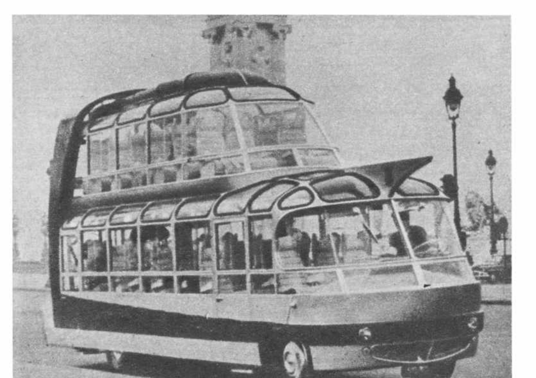
Это городок Санкт-Гоарсхаузен в Западной Германии. Он расположен на берегу Рейна. Недавно сильное таяние снега и большие осадки привели к тому, что рейнские воды во многих местах затопили правый берег реки.

Фото агентства ДПА.

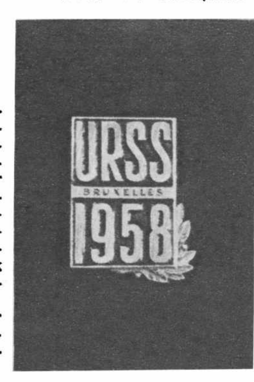
На улицах Парижа появился новый автобус для туристов — «Ситирама». Автобус оборудован магнитофоном, на лентах которого записан рассказ гида о достопримечательностях Парижа.

Фото агентства Интерконтиненталь

Для Всемирной выставки в Брюсселе будет выпущен нагрудный значок-сувенир. В конкурсе на лучший проект художественного оригинала значка приняло участие около 60 художников. Первую премию получил молодой художник Всесоюзной торговой палаты С. И. Боролин.

Памятный значок будет изготовляться на Ленинградском Монетном дворе.

В Свердловске, на плотине городского пруда, открыт памятник-бюст уральскому писателю Павлу Петровичу Бажову. Бронзовый бюст П. П. Бажова работы скульптора М. Манизера установлен на гранитном пьедестале.

Фото И. Тюфякова.

В навигацию 1958 года впервые пойдет по Волге новый теплоход «Михаил Кутузов». Он построен на верфи в городе Висмаре (Германская Демократическая Республика).

Речные экспрессы этой серии имеют широкие прогулочные палубы, уютные каюты, просторные, со вкусом отделанные вестибюли и салоны.

На снимке: теплоход «Михаил Кутузов».

Фото С. Булега.

Москву посетил издатель журнала «Зиг-Заг», депутат чилийского парламента Рауль Альдунате. Гость из Чили в редакции журнала «Огонек» беседовал с советскими литераторами. На снимке (слева направо): Е. Поповкин — главный редактор журнала «Москва», Рауль Альдунате, Н. Грибачев — главный редактор журнала «Советский Союз», В. Чернышов — член редколлегии газеты «Советская Россия».

БУМ ПРИШЕЛ К КОНЦУ

Снова, как в годы кризиса, выстраиваются очереди на биржах для безработных.

Несколько месяцев американские экономисты состязались в прогнозах: наступил ли конец буму? Реальна ли угроза безработицы?

Ныне безработица уже шествует по стране, задевая одни предприятия и промышленные районы, серьезно поражая другие. Американские газеты и журналы, потратившие не одну тысячу страниц на описание картин «процветания», вынуждены начать разговор о безработице как национальном бедствии, которое продолжает расти, подминая под себя все новые отрасли промышленности. Разумеется, эти описания менее красочны, чем повести о «вечной высокой конъюнктуре»: они ведутся с оговорками, робко. Вот к каким литературным образам прибегает, например, Гарольд Шредер, экономический эксперт штата Нью-Йорк:

«Нет и речи о том, чтобы наша экономика шаталась, как пьяная... Все мы, так сказать, собрались на вечеринке и хорошо выпили. К счастью, хозяин закрыл бар к часу ночи. Поэтому с нами не случилось ничего особенного: просто, возвращаясь домой, мы не смогли правильно развернуть машину на опасном вираже. И мы проснулись в больнице, но не с переломанными костями. Нам просто нужен хороший отдых. Я не говорю о том, что произошло бы, если бы бар оставался открытым до 3-х часов ночи...»

Однако экономисты, привыкшие мыслить в более «трезвом» плане, прямо говорят, что шатания американской экономики зависят не только от осмотрительности «хозяина бара», то есть правительственной финансовой политики, на которую намекал Гарольд Шредер.

В февральском номере журнала «Лайф» опубликована статья Эрнста Хэвемана, в которой автор говорит с похвальной прямотой: «Ирония всей истории промышленности заключается в том, что каждое поколение предпринимателей пыталось отменить законы экономики... И потом впадало в патетическое негодование, когда убеждалось, что это не удалось».

Хэвеман анализирует, что же произошло в американской промышленности за период с октября 1957 года, и продолжает:

«Некоторые склонны ругать советские спутники, поколебавшие доверие к американской науке. Другие ищут объяснения в жесткой политике банковского учетного процента. Но действительное объяснение заключается в том, что промышленный бум, как всякий бум, начиная с зари индустриального производства, приходит к своему естественному и неизбежному концу».

Хэвеман приводит мнение одного из высокопоставленных американских экономистов, который сетует на то, что с развитием спада никто ничего не может уже поделать.

В том же номере журнала «Лайф» напечатан фотоочерк под заголовком «Экономические затруднения одного города». Это рассказ о том, как безработица входит в дома рабочих крупного завода «Катерпиллер» в Пиорин (штат Иллинойс), выпускающего тракторы и машины для строительства дорог.

Мы публикуем два снимка из этого фотоочерка.

Рабочий поселок завода Катерпиллер. Тут уже почти в каждом доме есть безработные. Фамилии их указаны на фотографии.

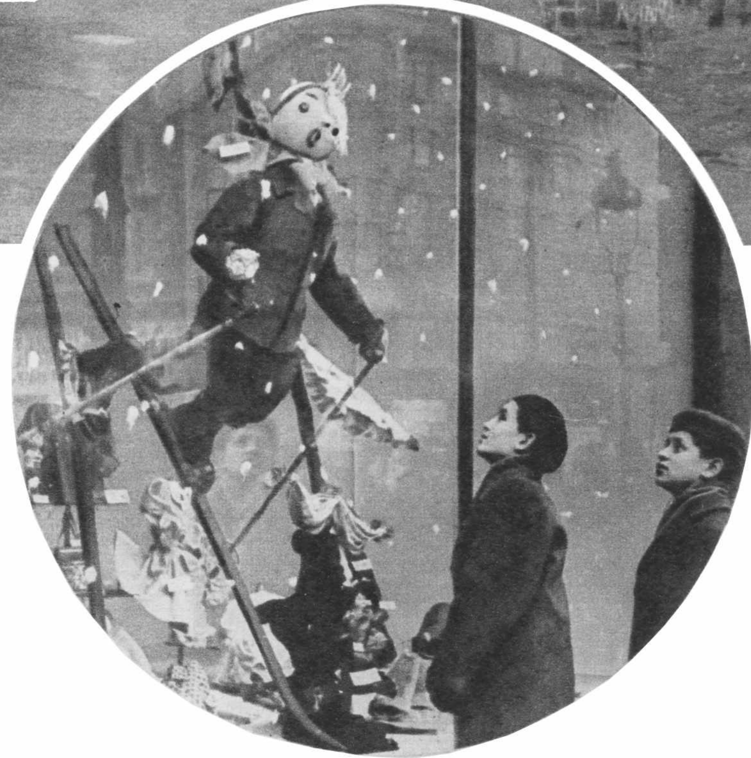
ПРЕДВЕСЕННИЙ БУДАПЕШТ

Я. ФОМЕНКО Фото Б. КУЗЬМИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Говорят, Будапешт удивительно красив летом. Охотно присоединяемся к такому мнению, хотя сами мы видели его только зимой. Но это нисколько не мешало нам с интересом присматриваться к его жизни и достопримечательностям.

В первый же день, перед вечером, когда чуть подморозило и поредел туман, мы увидели стрельчатое здание парламента. Его заостренные шпили вонзались в хмурое небо. По Дунаю, затушевывая четкое отражение зданий в спокойной воде, плыли льдины. На правом берегу белели кромки не успевшего растаять за день снега. Зима явно была на исходе.

У витрины спортивного магазина остановились два школьника. Они разглядывали рекламного лыжника. Пожалуй, это был единственный зимний пейзаж, какой нам довелось увидеть в Будапеште. Снег падал крупными хлопьями, лыжник с таким увлечением летел с горы, что расплющил нос о стекло.

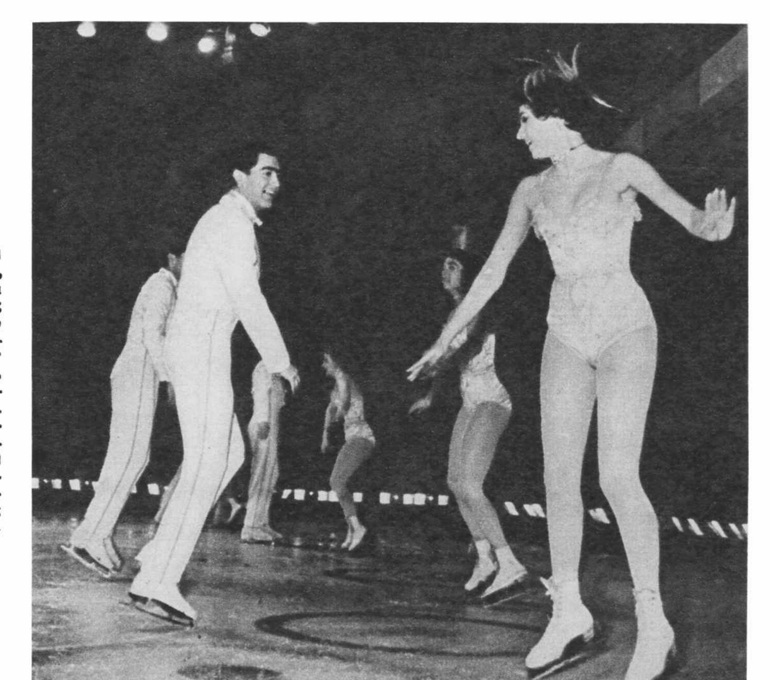
Собственно, зимы в нашем понятии в Будапеште почти не бывает. Нынешний год она и в Москве-то была отнюдь не классической, а в Будапеште температура резко менялась и днем и ночью. На следующее утро мы вышли на улицу и окунулись в такой туман, что в пяти шагах еле-еле различали прохожих. Знаменитые мосты, соединяющие Буду и Пешт, висели над молочно-голубой бездной.

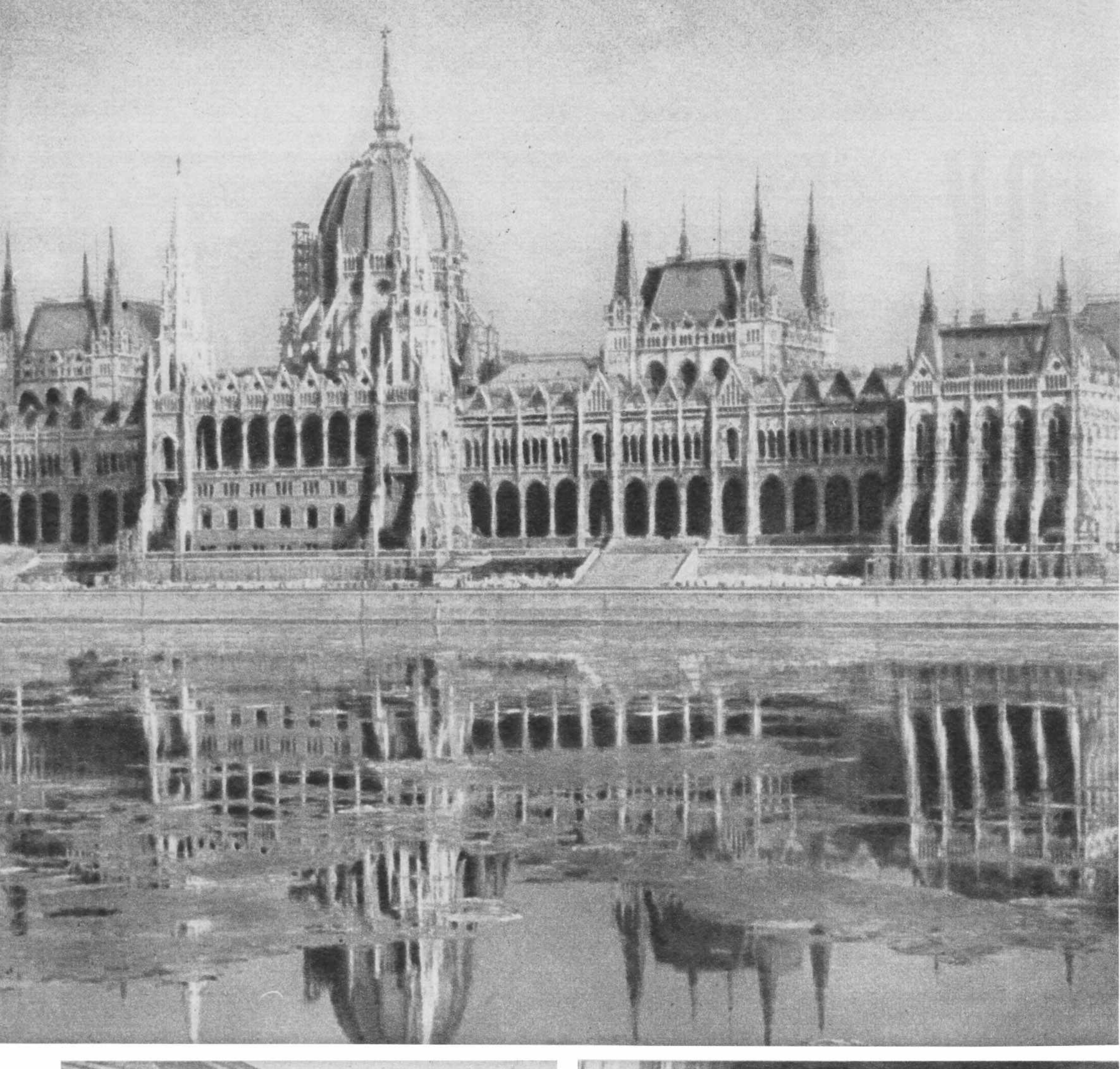

К счастью, подул восточный ветер, туман стал рассеиваться, и вскоре мы смогли без труда отличить трамвай от автобуса; трамваи в Будапеште желтого цвета. Вблизи можно было разглядеть даже лица людей. Вот эта девушка — отправитель. Есть такая должность на будапештском коммунальном транспорте. Обязанность отправителя — следить за посадкой, помогать инвалидам, престарелым, матерям с детьми. Без свистка отправителя вожатый не тронет с остановки. Первый свисток означает: «Готовьсь!» Второй: «Поехали!»

Мы, кажется, поторопились, говоря о единственном зимнем пейзаже. Это тоже вполне зимняя сценка, хотя действие происходит на искусственном льду: мы присутствуем на балетном представлении под названием «Ледяной коктейль». Будапештцы считают, что их «коктейль» вкуснее и лучше парижского и венского...

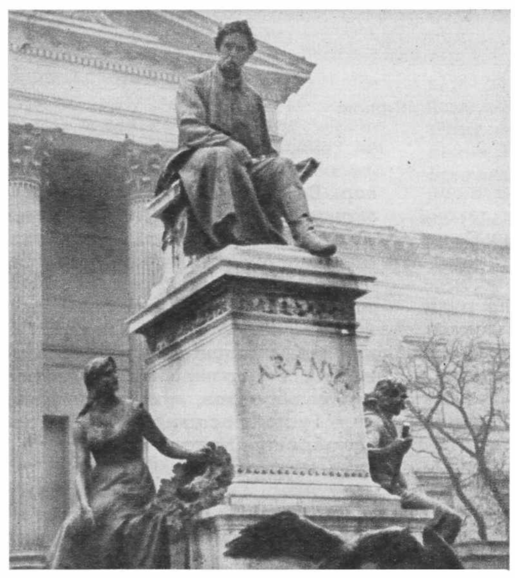

Солнце пробило облака, туман и осветило косыми лучами один из уголков бульвара. Правда, оно всего лишь каких-нибудь пять минут поиграло зайчиками на лужицах и снова скрылось.

Часами можно любоваться полетом быстрокрылых чаек над Дунаем. Без устали они кружатся у мостов, хватают на лету крошки хлеба, а иногда, осмелев, берут угощение прямо из рук...

Погода прояснилась настолько, что даже издалека хорошо видны детали памятника великому венгерскому поэту Яношу Арань, воздвигнутого у здания Национального музея. На этом месте в октябре 1956 года бесчинствовали банды мятежников. Здание пострадало от пожара, но теперь уже восстановлено, как и подавляющее большинство домов Будапешта.

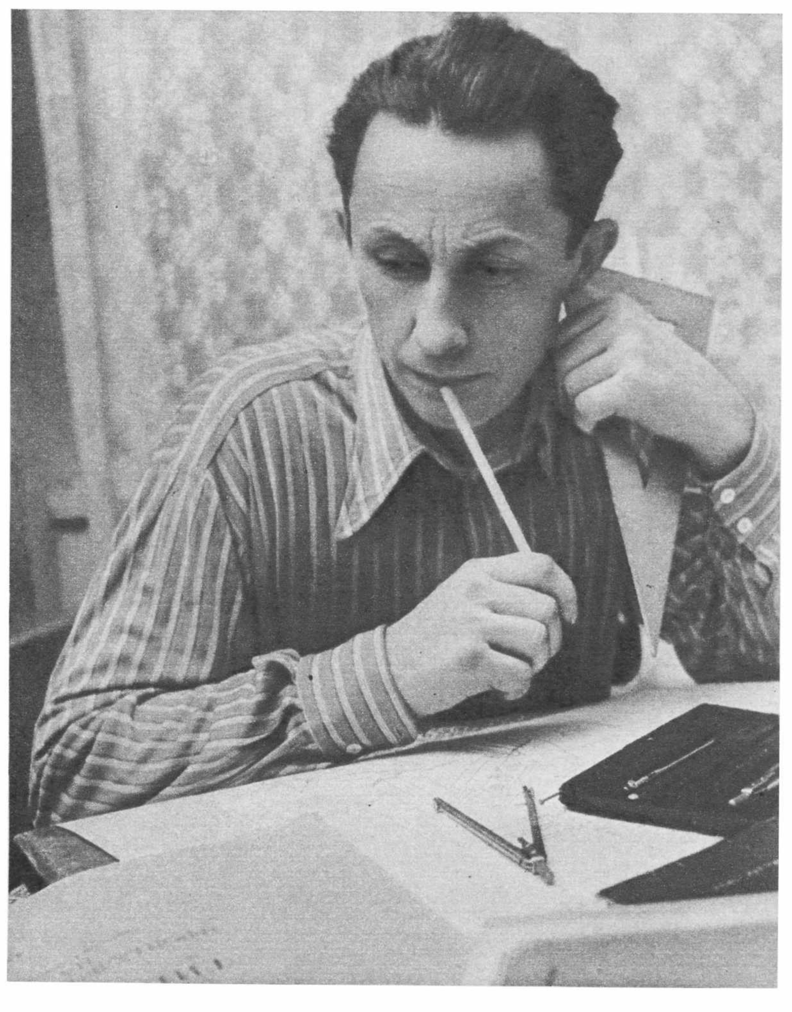
В Будапештском университете шли экзамены. Мы убедились, что венгерские студенты так же, как их коллеги в других странах, волнуются перед вызовом в кабинет экзаменатора и радуются, когда сдадут зачет. Правда, некоторые стараются скрыть свои чувства. Вот этот, например, юноша уверяет товарищей, что он не боится даже «двойки».

← В столице Венгрии много рынков. И на всех полно продуктов. Как видите, это участок молочных продуктов, а есть и овощные, мясные, хлебные, крупяные, фруктовые и битой птицы.

БЕЗ ПРИХВАТОК

А. Я. Чижов.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото Я. Рюмкина.

В прифронтовой полосе армейские журналисты ориентировались обычно по значкам на полевой карте, по следам гусениц на дороге или по лаконичным надписям на столбиках, вроде: «Хозяйство Петрова» или «Хозяйство Николаева». Существуют характерные приметы для ориентировки корреспондента, пишущего сегодня о людях большого фронта нашего времени — фронта ликвидации жилищной нужды. Если башенный кран отъехал от строительного участка и машины возят сюда уже не кирпичи и не блоки, а, например, кипы широких светло-серых листов сухой штукатурки или полные кузова алебастра,— значит, корпус готовится к сдаче и тут обязательно встретишь отделочников.

По этим и другим немудреным признакам я без труда нашел на юго-западе Москвы громадный серый дом с еще слепыми, забрызганными известкой стеклами, со штабелями припорошенных снегом облицовочных плиток у подъемников, поднялся по лестнице, где еще пахло цементным раствором, и вскоре увидел человека, которого искал,— Александра Яковлевича Чижова.

Кончался рабочий день. Было без пяти пять.

— Скоро,— кивнул мне Чижов.

Смуглое сухощавое лицо его выражало спокойную сосредоточенность: он последний раз промерял рейкой по вертикали и горизонтали наклеенные на стену листы «регипса» — так на языке строителей называется сухая штукатурка.

Шабаш! Чижов пошел мыть руки. До меня долетали фразы кончавших работу штукатуров: «Какая кинокартина в клубе? Не пойти ли на каток? Нет, пожалуй, лучше посидеть у телевизора: говорят, интересная будет передача».

В эту минуту я услышал и другой разговор. Кто-то из начальников спрашивал нормировщика:

— Три минуты шестого, а они уже пошли.

— Так ведь чижовцы! У них всегда так.

Видно было, что руководители не очень довольны.

— Вы сегодня выполнили задание? — спросил я Чижова, когда мы вышли из корпуса.

— Даже перевыполнили! — Чижов внимательно посмотрел на меня, словно угадывая мои мысли.— У некоторых начальников психология... как бы сказать, уставевшая. С их точки зрения так: раз передовая бригада,— значит, «вкалывай» побольше. А зачем? Можно и десять часов пробыть на участке, а сделать меньше, чем за восемь. Он, конечно, с нас не требует, чтобы перерабатывали. Но ему, видишь, все-таки неприятно: ни минуты лишней не задержались после пяти. А у нас в бригаде это закон. — Он помолчал и добавил с неожиданной страстностью: — Разве для того покончили мы на участке с кустарщиной, чтобы опять перерабатывать?

Мне уже приходилось прежде встречаться с этим известным среди строителей Москвы бригадиром-рационализатором. Говорили мы тогда больше о литературе и искусстве, чем о делах строительных. Однажды я увидел Чижова в писательском клубе на вечере, где обсуждались книги о рабочем классе. Весь вечер просидел он в углу зала, не пропуская ни одного выступления. Помню, как назавтра, когда я приехал к Чижову на участок и стал докучать ему всякими техническими расспросами, он, не выпуская из рук инструмента, продолжая равномерно набрасывать на стену лепешки раствора, вдруг спросил:

— Скажите, а кто эта женщина,— помните, говорила, что в художественном произведении не нужно описывать производство?

— Критик.

— Критик?! — удивился Чижов.— Ну, я бы с ней поспорил!

Подлинная интеллигентность этого скромного, несуетливого человека лет тридцати пяти, бывшего кадрового армейца, студента вечернего строительного техникума, заключалась не только в том, что он любил литературу и разбирался в ней так же, как в театре, живописи и боксе. Главной чертой его духовного облика был творческий поиск.

Бригада Чижова кончила рабочий день.

Весь рабочий инструмент в чижовской бригаде был не такой, как в других, а переделанный на свой лад: сокол (щиток, на который набирается раствор) укороченный, более удобный для руки рабочего; нож для резки листов сухой штукатурки особенный, с двумя остриями и с двухсторонней заточкой. Здесь штукатуры не размешивали раствор в ящике палкой, как это еще, к сожалению, можно часто увидеть на наших стройках, а обслуживались специальной машиной — гипсомешалкой. Пока эта машина существует в единственном экземпляре. Придумал ее Александр Чижов.

Машину строили в мастерских треста «Мосотделстрой» № 2 в Раменках. Утром Чижов сам отвез в Раменки алебастр и все, что требовалось для испытаний. Потом он признавался жене и близким:

— Не хотел звать никого. Неудачи боялся: а вдруг лопасти не станут перемешивать?

Впрочем, был с ним один человек — прораб Сергей Степанович Николаев. Знал его Чижов еще по армии. Сейчас вместе в техникуме. Он, верный друг, сильно помог в разработке узлов гипсомешалки.

На руках вынесли машину из мастерских во двор. Установили в уголке за корпусом, заправили. Лопасти завертелись. На Чижова и Николаева полетели мокрые серые комья...

— Выбрасывает! Плохо!

Им заляпало рубашки, брюки, но они не замечали. Обескураженные, встревоженные, стояли возле своей машины. Она не должна была выбрасывать раствор. Весь смысл гипсомешалки — экономить время и материалы. А если половина «заводки» разбрасывается, то на кой черт такую механизацию?!

Неужели они неправильно рассчитали обороты вала, не тот поставили редуктор? Проверили. Нет, все правильно: то самое число оборотов, что требуется.

— Густо поставили...— задумчиво обронил Николаев.

— Лопасти?

— Ага...

Да, пожалуй, слишком много лопастей поставили — и по вертикали и по горизонтали. Думали, так лучше будет перемешивать. А выходит, перестарались.

— Сергей Степанович, я вертикальные, пожалуй, сниму.

— Ну-ка, попробуй...

Чижов вытащил штырек — лопасти сразу легко снялись.

Снова включили мотор. Машина загудела ворчливо, но комья уже не летели.

— Порядок!

Машина Чижова позволяет экономить на каждом приготовлении раствора пятнадцать минут. Пятнадцать минут! Подсчитайте, сколько это даст, когда гипсомешалки появятся на всех стройках, и не только московских! Подсчитайте, сколько это означает досрочно сданных метров жилой площади, приближенных новоселий!

Через несколько дней довелось мне побывать в другом строящемся корпусе того же района Москвы, где работала другая известная бригада штукатуров — Александра Стукалова.

Про Стукалова все наперебой говорили: гвоздь-парень, огонь, нормы все время перевыполняет!

Невысокий коренастый человек в валенках с галошами почти ни минуты не сидел на месте. То он бегал вниз на улицу — ругаться с шоферами или с теми, кто плохо подавал к подъемнику алебастр; то искал монтера, чтобы подключили в секцию воду. Чувствовалось, что бригадир Стукалов действительно боевой, напористый, болеет за свое дело. Но беда заключалась в том, что само дело поставлено было здесь полукустарно.

К растворному ящику с одного конца этажа подтаскивали вручную ведра воды, с другого — на носилках алебастр.

— Больше пяти ведер в ящик не вольешь,— невесело сказал один из бригады Стукалова.— Только сделаешь заводку, листа три наклеишь — и опять готовь раствор.

— Да еще текут ящики,— заметил другой.— А почему? Мы ведь дрелью размешиваем. Ящик узкий, вот и задеваешь за стенки...

— Как же в таком случае вам удается перевыполнять нормы?

— А мы... прихватываем.

— Прихватываете?

— Ага, вечерок прихватим, а то и воскресный день. Нам ведь запретить не могут.

— Запретить, конечно, не могут. Но хорошо ли это? Вам вечером бы на каток, или в клуб, или над книжкой посидеть...

— Верно. Да не выходит что-то!

Толковал я с молодым штукатуром Виктором Фетисовым. В деревне, где Фетисов жил до Москвы, удалось ему окончить только пять классов; хотелось здесь, в столице, получить законченное среднее образование, но вот эти самые «прихватки» мешают: в общежитие поздно возвращаешься, только бы выспаться успеть.

Никого из членов бригады Стукалова не устраивало искусственное затягивание рабочего дня. Не устраивало оно и самого Александра Владимировича Стукалова. Не так давно он женился, по вечерам тянет в семью, а приходится задерживаться на участке.

Недоверчиво выслушал он рассказ о том, как по-новому организован труд в бригаде его товарища по специальности — Чижова.

Там темп диктуется машиной. Никакой кустарщины, никакого перетаскивания тяжестей вручную. Все очень просто и разумно.

Слушая, Стукалов нервно покуривал. Какая-то внутренняя борьба шла в парне. Потом он ревниво сказал:

— Зачем мне куда-то ездить смотреть? Без «прихваток» никто не обходится. Больше нашей бригады никто никогда не делал.

— Разве трудно выкроить вечер, чтобы позаимствовать хороший опыт?

— Времени и так мало... План надо выполнять!

Я рассказал, что Чижов получает письма из Воронежа, Курска, Харькова и других городов. Узнали там строители про гипсомешалку, просят прислать чертежи. Им интересно, а вот ему... Тогда Стукалов призадумался, нехотя пообещал:

— Ладно, завтра побываю у Чижова.

Назавтра я ждал Стукалова в корпусе, где работали чижовцы. Он не приехал.

Кто виноват, что этот безусловно способный бригадир рискует попасть из передовых в отстающие? Ведь никто из его ближайших руководителей не сказал ему по-товарищески:

— Слушай, Саша, рано ты успокоился. Рано решил, что уже всего достиг. Не обольщайся тем, что тебя часто хвалят на собраниях.

Никто не сказал. Я разговаривал с Борисом Ионовичем Несвижским, главным инженером Строительно-монтажного управления № 74, в которое входит бригада Стукалова. Он называл мне цифры, показывал вырезки из газеты с хвалебными отзывами о Стукалове, и только. Видимо, для товарища Несвижского «прихватки» — явление нормальное, и они его не тревожат. Довелось присутствовать и на собрании в СМУ № 74, когда Несвижский торжественно объявил, что бригада Стукалова вышла на первое место в соревновании и что в знак этого ей вручается вымпел. Звучали аплодисменты. А вот что было на душе у Стукалова в тот вечер? Почему сквозь зубы процедил он: «А что мне тот вымпел? На елку его вешать, что ли?» — этим никто не заинтересовался.

Вспоминаются горькие искренние слова одного из комсомольцев бригады Стукалова:

— Считаемся знатной бригадой!.. Пишут, фотографируют, а помогают мало. Начальство все хвалит за проценты, а пусть бы нам лучше ящики дали такие, чтоб не текли. И чтобы алебастр подвозили вовремя. Думаете, интерес нам, рабочим, терять минуты, часы?

Каждое время формирует свой стиль трудового героизма. Быть может, таких, как Александр Чижов, пока еще и не так много среди строительных рабочих. Но тем более поучителен для молодежи его пример.

Гипсомешалка.

На подземных трассах

И. Д. ГОЦИРИДЗЕ,

первый заместитель министра транспортного строительства СССР

ВОПРОС: Более четверти века назад партия и правительство постановили начать сооружение московского метрополитена. Не можете ли Вы рассказать о делах советских тоннелестроителей за минувшие годы?

ОТВЕТ: Вот одна характерная цифра: за последние пятнадцать лет было проложено одних лишь гидротехнических и железнодорожных тоннелей столько, что их длина равна протяженности всех тоннелей, вошедших в строй в царской России за шестьдесят лет.

Сегодня букву «М» в привычном москвичам и ленинградцам «метростроевском» начертании можно видеть на порталах тоннелей самого различного назначения. Буква «М» как бы напоминает, что столичный метрополитен является школой тоннельщиков, проникающих в недра земли на Крайнем Севере и в горах Тянь-Шаня, в отрогах Кавказского хребта и среди донских степей.

Помнится, как во время проектирования станции метро «Красные ворота», начальником строительства которой я тогда был, американский консультант Морган доказывал нецелесообразность и даже опасность разработанного нами трехсводчатого варианта.

— В Соединенных Штатах так не строят,— говорил он,— при трех сводах станция может осесть, поползти вниз, а соседние дома на Садовом кольце и улице Кирова попросту развалятся.

Однако наши подсчеты и выводы были поддержаны. И что же? Станция, как видите, свыше двух десятилетий действует вполне исправно, дома стоят спокойно. А Морган, недавно снова побывавший в Москве, получил возможность убедиться в том, что уже на заре советского метростроения наша молодая конструкторская мысль кое в чем даже опережала американскую.

Идеи смелого, но оправданного технического риска, заложенные в проект станции «Красные ворота», были наиболее полно воплощены в проекте станции «Маяковская». Любопытно, что Морган полагал, будто и проект станции «Маяковская» не удастся реализовать, и советовал остановить работы.

С тех пор многое изменилось в практике тоннелестроения. То, что раньше считалось рекордным, имеет ныне лишь исторический интерес.

Строители тоннелей в нашей стране все в большей степени осваивают индустриальные методы. Советская промышленность вооружила их такими машинами, которые позволяют год от года повышать производительность труда.

Советские щиты, укладчики, породопогрузочные машины экспортируются в Польшу, Венгрию, Чехословакию и нашли там хорошую оценку. Не так давно на чехословацкой шахте «Север» достигнут мировой рекорд скорости проходки — 1 020 метров в месяц. Погрузка породы при этом производилась советскими машинами «ПМЛ-5М».

ВОПРОС: Где в нашей стране в последнее время закончено строительство тоннелей?

ОТВЕТ: Посмотрим на карту Советского Союза. Вот новая железнодорожная линия Сталинск — Абакан. На этой трассе есть тоннель длиной в 2 380 метров. Обычный, так сказать, рядовой тоннель. Но вряд ли пассажиры поездов знают, с какими трудностями было сопряжено строительство. Во время очередного взрыва породы по образовавшейся трещине хлынули потоки из соседнего горного озера. Скольких трудов стоила борьба с водой, затопившей тоннель!

Перенесемся к Черному морю. На отрезке Сочи — Сухуми пробито много тоннелей, иные длиной до 800 метров. Одним из последних был завершен тоннель возле Нового Афона. Он прокладывался с помощью щита большого диаметра.

Проедем еще южнее, в Грузию. Чиатурские марганцевые рудники были связаны с Закавказской железной дорогой узкоколейкой. Ее пропускная способность была явно недостаточной. Началось строительство железнодорожной ветки в горах. При этом на протяжении 40 километров возникло 22 тоннеля от 50 до 320 метров каждый. Работы велись «на пятачке», в узком и крутом ущелье. Сплошь и рядом материалы и механизмы доставлялись с помощью канатных дорог.

ВОПРОС: Где в настоящее время ведется строительство тоннелей?

ОТВЕТ: На Кольском полуострове, за Полярным кругом, на предприятиях комбината «Апатит», быстро продвигается строительство железнодорожного тоннеля, по которому будут вывозить апатитовые руды. Общая его длина — 7,5 километра. Первая очередь в 2,5 километра должна быть закончена в 1959 году.

Уже начато строительство железной дороги через Восточные Саяны — второго звена Южно-Сибирской магистрали. Дорога эта длиной в 656 километров протянется через могучий горный хребет. На трассе будет 8 больших тоннелей. Сюда уже прибыли первые отряды строителей.

Неподалеку от Мингечаура, в Азербайджане, создается Хачинчайское водохранилище с тоннелем водосброса, чтобы оросить обширные площади засушливых земель. И здесь наши строители приступили к работе.

ВОПРОС: Каковы перспективы тоннелестроения в нашей стране?

ОТВЕТ: Советские ученые ищут новые приемы разрушения твердых пород, во много раз ускоряющие проходку шахт и тоннелей. Речь идет, например, об огневом (термическом) способе, о применении тончайших струй воды, бьющих со скоростью 500 и более метров в секунду, а также о токах высокой частоты. Надо полагать, что в недалеком будущем используем и атомную энергию.

Техника, которой оснащены сейчас наши стройки, позволяет успешно решать самые ответственные задания.

Многое из того, что не очень давно казалось научной фантастикой, ныне перешло в область реального. Перед проектировщиками уже как практическая задача встает, например, строительство тоннеля под дном Керченского пролива. Или тоннель под дном Каспийского моря, который сократил бы путь между Казахстаном и Закавказьем почти на полторы тысячи километров. Нас не смутит и задача создания тоннеля в Гималаях для того, чтобы соединить две дружественные великие страны — СССР и Индию — железнодорожным путем. Наличие такого тоннеля, говорят инженеры, принесло бы огромные экономические выгоды.

НОВАЯ СТРАНИЦА

Ив. КОСТИН

Фото Н. Козловского.

Прасковью Никитичну Ангелину мы застали на кухне полевого стана. Она хлопотала около плиты. В этот день начались полевые работы, бригадная повариха как на грех заболела, и Прасковья Никитична сама готовила обед для своей бригады.

Трактористы входили в дом, со вкусом полоскались возле умывальников и шли в столовую.

— Сейчас, сейчас,— торопилась Ангелина,— потерпите, пока немного лук поджарится! Антоша, режь хлеб! Ваня, давай из буфета тарелки...

Хороший бывает аппетит после проведенного в поле дня! Перекидываясь шутками, бригада дружно орудовала ложками и вилками. Старшие, такие, как Харлампий Спиридонович Васильев, например, которые сели на тракторы почти в одно время с Ангелиной, называли ее по имени, а большинство молодежи, ее ученики — Иван Михайлов, Антон Лазарев, Ефим Борлов и другие,— тетей Пашей.

Главная тема разговора — реорганизация МТС и все, что она несет с собой. Недавно Прасковья Никитична ездила в район, встречалась со своими избирателями. У всех одно мнение, такое же, что и у членов бригады: да, правильно сказала партия, сельскохозяйственная техника должна принадлежать колхозам.

— Сама жизнь подвела базу под такое решение вопроса,— говорила нам вечером у себя дома Прасковья Никитична.— Возьмем кадры механизаторов. Сколько нас было, когда наш колхоз, где мой отец был тогда председателем, получал «фордзоны»? И сколько было людей, которые знали машину? Только мой брат Иван, да и тот на ощупь разбирался в тракторе. Надо было, вот и разбирался. Не стоять же машине! От него и я научилась... А сколько теперь механизаторов в селе? Наверно, не одна сотня. Возьмите моих соседей: семью Василия Янева, моего двоюродного брата Кирилла, Илью Челпанова, Олега Гаврилюка, Ивана Михайлова. В каждой семье по трактористу, а то и по два.

В нашей бригаде у каждого по несколько специальностей. Сажай человека на трактор, на комбайн, на мотоцикл, ставь к слесарным тискам или на сварку — везде он будет на своем месте. Сами делаем любой ремонт, в том числе и капитальный.

Хорошо помню митинг, посвященный открытию нашей МТС. Стоим, кричим «ура» и «да здравствует», у всех блестят глаза от радости перед новыми «фордзонами». А ведь разве сравнишь тот «фордзон» с нашим «ДТ-54»? В нашей бригаде таких тракторов пять. Да две машины «Беларусь», да три «Универсала», да десять комбайнов, да семь тракторных плугов, да четырнадцать дисковых сеялок и столько же культиваторов. Есть что передать колхозам. И есть в чьи руки передать. А о пользе нечего и говорить. Она ясна. Одно поле требует одного хозяина.

Повариха заболела, и Прасковья Никитична Ангелина сама стала к плите.

Бригадир полеводческой бригады Герой Социалистического Труда И. Е. Пефтиев.

...Шесть часов утра. Прасковья Никитична снова на полевом стане.

Иней побелил поле. Но вскоре выкатилось солнце, закурился и стал сползать в низины туман, и жаворонок потянул в небо нити своих трелей. Ангелина обходила машины, прислушивалась к шуму моторов, давала трактористам последние указания. Тракторы один за другим выходили из ворот длинного здания гаража и, волоча за собой голубоватые струйки дыма, шли в поле закрывать влагу.

— Был я сейчас у Каракубского шляха,— сказал, придя на стан, бригадир первой полеводческой бригады Герой Социалистического Труда Иосиф Евстафиевич Пефтиев.— Думаю, завтра можно работать в той лощине.

— Дадим вам завтра две машины,— ответила Прасковья Никитична.— Управимся сегодня на участке огородной бригады и дадим.

Иосифа Евстафиевича связывает с трактористами не простое соседство, а крепкая дружба. В годы Великой Отечественной войны, когда Пефтиев был в армии, жена его умерла, и Прасковья Никитична помогла сыну Иосифа Евстафиевича Николаю стать трактористом.

У Прасковьи Никитичны это — обычное дело. Сколько молодых людей выучила она с тех пор, как село повернуло на путь новой жизни! Иосиф Евстафиевич не забыл и, наверное, никогда не забудет того, что она сделала для сына. В последние дни он особенно зачастил на тракторный стан, и все понимали, почему. Вот и сейчас он подошел к комбайнеру Михайлову и трактористу Челпанову и стал наблюдать, как они ставили на кукурузную сеялку «СШ-6» приспособление для механического перемещения мерной проволоки. Его обветренное лицо выражало внимание и живой интерес.

— Значит, еще сэкономим трудодни? Еще дешевле обойдется кукуруза,— сказал он Михайлову и похлопал рукой по приспособлению.

— Пять человек освобождает. Везет вам, Иосиф Евстафиевич!

— Почему «вам»? — усмехнулся Пефтиев.— Кончается «вы» и «мы», теперь будет только «мы». Нам везет...

Прасковья Никитична обходила поля, проверяла, как работали машины, и опять вернулась на стан.

— Мне пора, Антоша,— сказала она своему помощнику, и через несколько минут ее бричка уже скрылась за холмом.

Вскоре она была в кабинете директора МТС.

— Будем начинать,— сказал директор МТС Константин Федорович Цимиданов.

МТС готовилась к реорганизации, проверялось техническое состояние машин, процент их износа.

Всякий раз, когда главный инженер заглядывал в паспорт машины, называл сравнительно давний год ее выпуска, Дмитрий Лазаревич Коссе, председатель колхоза, смущался и тревожился. Прасковья Никитична успокаивала его: главное не в этой цифре, а в другом — каково состояние машины.

— Мы с тобой тоже не молоды, но разве мы еще не послужим народу? — улыбалась Ангелина.

— Разве только в машинах дело? — сказал, поднявшись с дивана, секретарь партийной организации МТС Иван Александрович Белкин.— В колхоз пойдут люди! И какие! Из бригады Прасковьи Никитичны парторганизация колхоза получит пятнадцать коммунистов.

— Я думаю, Дмитрию Лазаревичу не придется жаловаться на своих механизаторов,— говорит Ангелина.

Сидели долго, не торопились. Разговор большой, серьезный.

Так открывается новая страница в истории Старо-Бешева, где 28 лет назад никому не известная девушка Паша Ангелина первой в стране села за руль трактора.

ФИЛЬМ «ОЛЕКО ДУНДИЧ».
Производство Московской киностудии имени М. Горького и югославской киностудии «Авала фильм».

Сербский отряд под руководством Олеко Дундича пробирается на соединение с частями Красной Армии под командованием К. Е. Ворошилова.
Слева направо: Драгич — Люба Тадич, Олеко Дундич — Бранко Плеша, Галя — Татьяна Пилецкая.

В русском селе, в хате Старика. Слева направо: Олеко Дундич — Бранко Плеша, Старик — Михаил Жаров, Сноха — Марина Гаврилко, Палич — Драгомир Фелба, Дочка — Валентина Пугачева, Ваня-коногон — Юрий Соловьев.

«УДИВИТЕЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ». Производство Киностудии имени М. Горького и чехословацкой Барандовской киностудии. Поездка по Москве. Миша — Володя Силуянов, Пепичек — Томаш Седлачек, шофер такси — Н. Крючков.

«БРАТЬЯ». Производство Киностудии имени М. Горького и Корейской киностудии. В батисфере. Ман Чер — артист Син Се Мин.

КОСТЕР НА ВЕТРУ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

1

Говорят, что теперь этот город на Днепре живет в тени садов, дышит запахом роз и тамариска, слушает шум новосозданного моря, но я застал его еще в те времена, когда он только зачинался и представлял собой хаотическое сочетание асфальта и вязкого песка, изящных колоннад и безобразных времянок, первоклассных машин и выгребных уборных, молодых парков и захламленных пустырей.

Удивительная осень стояла тогда. Ночью вдруг растаял крупитчатый снег, запахло, как от разломленного арбуза, и влажный ветер с юга принес бархатистое осеннее тепло.

В один из таких дней, полных тепла и ветра, я зашел на строительство Дворца культуры. Там, у дощатого сарайчика, куда рабочие складывали инструмент, полыхал костер. Ярко-белое бездымное пламя металось из стороны в сторону, припадало к земле и опять взвивалось кверху, хлопнув на ветру, словно длинное полотнище. Вокруг, как я и ожидал, собрались рабочие. Эти сходки у костра, сложенного из щепного мусора и смоченной в мазуте пакли, происходили регулярно на стыке двух смен. Многие жили на стройке бессемейно и, приходя на работу раньше времени или не спеша возвращаться на железные койки своих общежитий, травили здесь под разговоры махру и табак. Когда я подошел, разговор имел оттенок легкой перебранки.

— Они робят на всенародной стройке, а що це таке, не разумеють,— бранил кого-то каменщик Микола Федчук.

— Брось, надоело! Это мы на каждом столбе читаем,— с ленцой и пренебрежением в голосе отозвался однорукий штукатур Ананий Волков.

И сейчас же другой штукатур, Гриша Астахов, рубанул кулаком воздух.

— Правильно, Микола Василич! А ты, Волков, молчал бы, если за длинным рублем сюда приехал.

— Верно, головастик,— усмехнулся Ананий.— В точку попал. А ты тут зачем?

— Я?

— Ты.

Кто-то предусмотрительно потянул Гришу за стеганку, и он ограничился одним лишь словом «Ш-штык!», выражавшим, судя по интонации, высшую степень презрения.

— А что? Я правду говорю, как умею,— сказал Федчук.— Я в Канаде из-под палки за шестерых робил, а они на всенародной стройке за себя сробить не могут.

— В Канаде? — удивился я.

Из местной газеты мне было известно, что Федчук работал сначала на гашении извести, потом в свои пятьдесят восемь лет пошел в ученики, стал каменщиком, усовершенствовал шаблоны для кладки кирпича и «теперь его портрет не сходит с доски почета». Так писала газета. О Канаде там не говорилось.

— Ты заведи его, заведи! Он такие эллипсы начнет выгибать — только держись,— посоветовал мне Ананий Волков.

— Эге ж! — улыбнулся Федчук.— Мной судьба забавлялась, как ветер листом. Из края в край кидала, и такое от нее я терпел, что рассказать — не поверите. Пришлось и тяжко, и горько, и солотко. Даже капиталистом был.

— Ты уж лишнего на себя не наговаривай,— с испугом сказал Гриша.

— А ей же богу!

— Вот и загнул бы чего-нибудь, чем зря собачиться,— посоветовал Ананий.

2

— Зачем загибать? Без брехни,— сказал Федчук.

— Родом я с Буковины, гуцул, а нас в то время богато тикало в Америку. Вы не подумайте, что во мне бес какой-нибудь зудливый сидел — нет! Смолоду я хозяйствовать любил, по колена в земле стоял, руки в нее по локоть завязил, и если бы не нужда, никогда бы меня оттуда не выколупнуть.

Первый раз стронулся я с места в двенадцатом году. Засевчик у нас был махонький, мертов в семье богато, вот батька и записал меня у вербовщика в Бразилию. Робил я там два года на маисовых плантациях, скопил кое-как на обратную дорогу и подался до дому. И куда меня только потом не кидало! В австрийской армии был, в русском плену был, в Канаде был, в Соединенных Штатах был...

— Да ты не скачи, как заяц! Валяй от печки,— перебил его Ананий.

— Ну, добре. Вернулся я из плена, женился, народил двух дочек, оглянулся на свое житье и дюже зажурился. Хата, гляжу, завалилась, кусать нечего, дочки мои брызны просят, а у меня одни буряки. Тут опять агент навернулся — вербует в Канаду лес валить. Думаю: бес с ним! Спытаю еще раз судьбу. Жинка по слабости пола, конечно, плачет, не пускает... У нее в Канаде батько и два брата сгинули. Но я хозяин: постановил и поехал. Было это в двадцать шестом уже...

— Какая же у вас тогда власть стояла? — полюбопытствовал Ананий.

— Румынская.

— Что же ты у нас-то не остался, когда в плену был? — с величайшим изумлением в голосе спросил Гриша.

— А мать? А батька? А хата? — не сразу ответил Федчук.— Во сне Буковину видел...

— Да не сбивай человека! Дай рассказать,— вступился за Федчука Ананий.

— Ну, как из Гавра до Квебека ехали,— про это и рассказывать нечего. Всю дорогу в трюме сидели,— продолжал Федчук.— В Квебеке выстроили нас на палубе, врач каждому веки завернул, потом сторожа в цивильном платье загнали всех по вагонам и повезли. Куда — никто не знает. Я уж тертый калач был. Думаю: не-ет, ученые мы по вербовке робить. И решился тикать. Был у меня лист — письмо — от соседа Маковчука до его брата в город Виннипег. Поезд как раз в том Виннипеге остановку сделал, я и тикал через окошко. Вышел на площадь, а та-а-ам!.. Автомобили гудят, трамы грохочут, люди, как муравьи, палкой потревоженные, бегают... Никак не разумею, куда мне идти. Словил какого-то дядю за рукав, сунул ему письмо: укажи, мол, добрый человек, где Маковчук живет. Он и указал — понял. Иду до Маковчука: так, мол, и так, имею от вашего брата лист.

«Какого брата? Нема у меня братов, и лист я не хочу».

«Как,— говорю,— нема братов? По твоей же роже видно, что ты самый что ни на есть Маковчук с-под Черновиц!»

Засмеялся.

«Ладно,— говорит,— иди до хаты, я шутил».

Переспал я у Маковчука, утром дал он мне пятнадцать центов, научил, как найти в городе офис — контору,— как спросить там работу, а напоследок сказал:

«До меня назад не ходи. Нема у меня никого брата».

— Вот штык! — вставил Гриша.

Федчук раскурил от щепочки мятую папироску, глубоко затянулся и вздохнул.

— И тут я оказался форменно битый... Нашел в городе тот самый офис. Стоит дом с колоннами, вроде театра, перед ним — площадка, а на площадке наро-о-оду... как лесу!

Вижу, какой-то человек на деревяшке манит меня пальчиком. Эге ж, думаю, работу дать хочет. Отошли мы с ним в закоулочек, вдруг он как секанет меня палкой по башке, да еще раз, да еще... Я и упал. Жинка моя! Дочки мои родные!.. Блукаю по городу, плачу, а назад в офис боюсь идти. Под вечер зашел в кафе покушать на свои пятнадцать центов. Гляжу, двое дядей по зеленому столу шары палками гоняют. Один посмотрел на меня и говорит:

«Бить будут».

Обрадовался я русской мове.

«Так я,— говорю,— уже битый!»

«Еще будут».

«Да за что, добрый человек? Скажи!»

«Дура! — говорит.— Ремень у тебя на штанах с австрийской бляхой, а тут этого духа после войны дюже не любят. Брось».

Ремень я, конечно, пожалел, повернул его бляхой внутрь, а человеку спасибо сказал. Стал он меня пытать, кто я, откуда, зачем приехал. Я ему все, как попу, рассказал.

«Дурень ты,— говорит,— Микола. Не знаю, что с тобой и делать. Ладно, идем со мной».

Привел он меня в какой-то дом. Сидят там круг стола люди, пьют горилку, едят руками биб [1]. У меня даже трясца в коленях сделалась от радости. Подошел к нам хозяин, сивый старичина, как голубь.

«Кто такой при тебе?»

«Возьми к себе краянца [2]»,— говорит Головатый (моего вожака Головатым звали).

Хозяин только рукой махнул.

«Не надо! Их тут до черта шляется».

«Все же...— просит Головатый.— Хоть на ночь».

«Ты кто?» — пытает у меня хозяин.

«Федчук».

«Федчуков много. По прозвищу как?»

«Криводышлый».

Как сказал я это, хозяин даже подскакнул.

«Да я ж,— говорит,— из-за твоего батьки в Канаду тикал, язви его в душу! Помнишь, побил я твоего батьку, а меня за это судить хотели?»

«Никак,— говорю,— не помню».

«Ну и добре! Садись кушать биб. Он у меня дармовой. Горилка за гроши, а биб к ней дармовой. Но сегодня для тебя и горилка дармовая. Пей!»

Посадил он меня за стол, поит, кормит, а сам все про родное село пытает. Даже заплакал, как сказал я, что вербу у криницы грозой побило... Потом повел меня спать. Наверху у него вроде нашего общежития было, только спали по двое на одной койке. Лег и я с кем-то. Утром вскинулся — тьфу! — лежит со мной кто-то серый, ледащий, изо рта дух нехороший. Хотел я потихоньку встать, а он тоже проснулся, взял с тумбочки пачку газеток, сует мне:

«Купи».

«Эх,— говорю,— добрый человек! Откуда ж у меня гроши на твою газетку?»

«А кто ты,— пытает,— такой, что у тебя грошей нема?»

«За ними,— говорю,— и приехал с Буковины».

Сосед мой только посмеялся.

«Я,— говорит,— здесь уже двадцать лет пропадаю, ничего доброго не бачил. Вот сейчас газетами кое-как перебиваюсь. А сам я, между прочим, тоже с Буковины, с села Лашкивка».

«Да ты,— говорю,— мой краянец. У меня жинка с Лашкивки».

«А как ее звать?»

«Санда Тодоровна».

«Сорохан?»

«Она».

Как кинется на меня тот человек — и ну целовать и ну плакать... Я думал, порченый какой, толкнул его, а он и говорит:

«Неужели, сынку, твое сердце не чует? Ведь я Тодор Сорохан, твоей жинке батька».

Тут и я заплакал.

«Что же мы,— говорю,— батька, будем делать?»

«А что,— говорит.— Утро давно, пора и снидать».

Шесть недель кормил он меня на свои гроши, а потом нанялся я за сходную цену к

---

[1] Биб — гуцульское кушанье.
[2] Краянец — земляк (укр.).

фермарю Мандрику на два года. Просил у него грошей вперед.

«У меня,— говорю,— батька грыжей мается, надо доктору платить».

Башкой только покрутил.

«Подождет батькина грыжа. Другие с ней до ста лет живут».

Так и не пришлось поправить батьку. Сожгли его и даже праху мне не дали. Дюже плакал я, что не осталось батькиной могилы. Страшно это. Был человек, и вдруг — фук! — нет ничевошеньки...

Федчук умолк.

Было слышно, как бьются о берег мелкие торопливые волны, стучат голые ветви платанов, и эти звуки ясно давали почувствовать, какая глубокая тишина стояла несколько секунд у костра.

— Когда же ты капиталистом-то был? — подозрительно спросил Гриша.

— Это особая история,— вяло откликнулся Федчук.

3

— Насмотрелся я там на их жизнь,— продолжал он, постепенно воодушевляясь,— и захотелось мне самому стать капиталистом.

— А, б-бодай тебя! — заявил по этому поводу Ананий.

— От Мандрика ушел я с грошами. Невеликие, конечно, гроши, но все же капитал! Задумал скупать на озерах у рыбаков рыбу, возить ее в городе по домам и иметь от этого барыш. Знакомый украинец Гнатюк предложил мне компанию сделать. И такой он широкий хлопец был — не захотел скупать рыбу, а будем, говорит, ее сами ловить. Заверили мы у нотаря договор, купили сеть, лодку, провиант, а когда гроши уже подошли, вспомнили, что рыбу-то возить нам в город не на чем. Стали шукать третьего компаньона с лошадью и повозкой. Нашли одного фермаря. Дюже бедный: в землянке живет. Пошли опять до нотаря, перевели договор на троих и подались на озеро. Глядим, а оно уже льдом встало. Ну, делать нечего. Срубили мы кемп [1], потом начали лед долбить и пускать под него сети. Ох, и тяжка ж эта работа! Сеть мерзнет, руки на ветру пухнут, со спины иней иголками сыплется. Но рыба идет! За неделю нашвыряли мы больше тонны рыбы, фермарь свез ее в город и продал не по три цента за фунт, как гадали, а по пяти. Капитал растет — и настроение у нас растет. Вот, думаю, какой я умный!

Поехал фермарь опять в город. Ждем его неделю, ждем другую... Рыба идет, а фермаря нема! Кончился у нас провиант, потом керосин. Гнатюк бранится.

«Слухай,— говорит,— Микола. Ну его к бису, вшивого фермаря. Ты стереги сеть, а я пойду до городу, куплю кобыленок и зараз назад буду».

Ушел. Я один на озере остался. А зима люту-у-ует, ветер сечет! Кушаю одну рыбу без соли, огонь кое-как держу, а Гнатюка будто черти поховали. Эх, думаю, не пропадать же мне тут! Испек на углях три рыбы, взял топор и пошел на солнце... В лесу мороз гукает, на деревьях каждая веточка инеем опушилась, поползли птахи малые, по сосновой коре шур-шур, шур-шур. Тихо, хорошо. Только ведь зимний день какой? Сверкнул — и нет его. Зашло солнце — кругом снег, лес, тьма... Засек я дерево, опять к нему точнехонько вышел: кружу, значит, на одном месте, как привязанный. Достал из кармана печеную рыбку, а она будто кость. Отогрел за пазухой, покушал и стал топором яму копать, чтоб согреться. Выкопал по пояс, залез в нее, кричу, плачу, пою, молюсь, жинку зову... Чую — кончаюсь...

Федчук запрокинул голову и некоторое время смотрел в небо, где, быстро меняя свои очертания, бежали облака, то тут, то там открывая широкие голубые проплешины.

— Как дождался я солнца, не помню. Пошел опять на него. Вдруг вижу — следы! Целый ряд. Одни огромные, с метр, другие маленькие, зверячьи. Они, может быть, и от лихого зверя, но я уже совсем ошалел: пру прямо по ним, из последних сил выбиваюсь. Слышу: впереди собаки затявкали. Посвистал я — выскочила из леса стая собачищ, а за ними человек с винтовкой, на снегоходах. Бросился я к нему и не добежал, в снег башкой зарылся.

Оказался он охотник, индеец. Привел меня до своей землянки, зайца облупил, зажарил, дал мне заднюю ногу, а я и укусить ее не могу. Тогда он лепешку испек. Потом накрыл меня шкурами, обнял и грел до самого утра... Добрый был человек, ох, добрый! Утром одного не пустил — провожал до другого охотника, а тот — до третьего, а уж этот — прямехонько до города.

Ну, в городе я, конечно, стал своих компаньонов шукать. Дознал, что фермаря в тюрьму упекли за то, что индейцам водку продавал, а Гнатюка со всеми грошами и след простыл... И стал я опять пролетарием.

Гриша вдруг засмеялся. Он был явно рад, что репутация Федчука осталась незапятнанной принадлежностью к эксплуататорскому классу.

— Ну, а после этого домой подался? — спросил один из рабочих.

— Не-е-е! После я еще пять лет блукал по свету,— отозвался Федчук.— На товарнике под вагоном в Штаты махнул, потом опять в Канаду вернулся — лес рубил, дорогу строил, могилы копал, коров доил... К этому делу я, между прочим, через тюрьму прислонился. Остался зимой без работы, а зима, ох, тяжка в Канаде! Ребята и надоумили в тюрьме зимовать. Хотел я полисмену в лицо плюнуть — раздумал. Обязательно бить будет, а там в полисмены не берут человека меньше ста пяти кило весом. Взял тогда кусок льда и ударил по витрине. Осудили меня на шесть месяцев, держали в тюрьме недолго, а потом послали на ферму коров доить. Там хорошо было. Хлеба давали килограмм, кормили три раза в день, молоко я таскал — и вышел к весне с толстой рожей. Потом по объявлению нанялся в город Ванкувер на строительство гидростанции...

— Ну, как там? — заинтересовались все сразу.

— Противу нашего? — Федчук помолчал.— Я тут такой счастливый! — Он оглянулся и, выбрав изо всех меня, одетого не по-рабочему, сказал: — Я имею такой же костюм, как у вас, и мы можем ходить рядом.

— Костюм... Это совершенно неважно...— смущенно пробормотал я.

— О, вы не разумеете! Там у меня не было костюма. А здесь, когда я поехал в отпуск до дому, я всем купил подарки: матери — хустку, жинке — чеботы, дочерям — велосипеды, а батьке — горилки. Себе я купил костюм за семьсот карбованцев и думал, что буду первый на селе. Ну, и что же? Думаете, был я первый? Нет! Я был последний. Теперь куплю костюм за две тысячи. А Ванкувер? Что Ванкувер! Там я жил в яме, робил заступом и был бедный... Недавно корреспондент привел меня под микрофон, и я стал говорить. «Слышишь, Мандрик? — говорил я.— Это я, Микола Федчук, который робил у тебя на ферме. Теперь я в Радянськом Союзе, на всенародной стройке, и уже получил премию, потому что стал изобретателем...»

Я и там был изобретателем. Робил на бумажной фабрике, стоял на дворе у транспортера, подвешивал к нему деревянные кубари. Как-то лопнула водяная труба — кубари сами и поплыли в дверь на фабрику. Я тогда пошутил инженеру: вот, мол, как вода за нас робит. А утром гляжу — канал роют. Транспортер сломали, стали цепкой кубари по каналу гнать. Восемнадцать рабочих — долой, только трех оставили. Пошли мы в унион — союз — жалиться. Фабрикант и указал на меня: вот, мол, кто во всем виноват. Хотели меня ребята бить, но я в ту же ночь тикал... После этого и до дому подался... В тридцать пятом году. Без грошей...

— В тридцать пятом я родился,— задумчиво сказал Гриша.

— Вот я и говорю, что ты головастик, лягушачья икра, а тужишься квакать! — вскипел вдруг Ананий Волков.— «За длинным рублем»! Мне, может, этот рубль во как нужен!.. Скажи, плохой я штукатур?

— Штукатур ты хороший,— признался Гриша.

— Ага! А как я этого достиг, знаешь? Я могу рассказать. Тоже с рыбой было дело, как у Федчука, хотя в капиталисты я не лез.

— Расскажи, Ананий,— попросил один из рабочих.

— Не буду.

— Ну вот! Растравил, а сам в кусты. Почему не будешь?

— Не буду — и точка. Все одно Гришка меня своими подначками собьет.

— Не дадим! Молчи, Гришук.

— Я молчу...

— Ну то-то! Смотри, ни гу-гу,— предупредил Ананий.

Маленькое сухое лицо его собралось мелкими морщинами, так что на месте глаз остались только узкие, слюдянисто блеснувшие в свете костра щелочки, и он рассмеялся.

4

— Я потому смеюсь, что очень забавный случай впереди будет,— пояснил Ананий.— С чего уж и начать, не знаю... Короче, пришел я с фронту без левой клешни и сразу упал духом. Детишков у меня теперь счетом восемь, а тогда шесть было. Но это, я скажу, все одно много. Чтобы прокормить такую саранчу, особо при моей штукатурной профессии, позарез две руки нужны. Вот я и задумался. А от задумчивости — что? Пьянство. Стал я, значит, пенсию свою дотла пропивать, а потом и барахлишко из дому потаскивать. Дотаскался — смотрю, ничего уж не осталось, и надо дальше чем-то промышлять.

До войны любил я рыбачить. Край наш Владимирский озерный, весь речками, как паутиной, повит: есть где рыбу взять, коль рыбак с головой. А у меня к этому делу сызмала талант был. Ну, и начал я той рыбой промышлять. Летом на червя ловлю, на букару, на ручейника; по перволедью — на блесну; зимой — на мормышку с мотылем. И так ловко насобачился одной рукой насадку делать, что рукатый за мной не угонится. К штанам на коленке у меня клееночка была пришита. Сейчас я на нее червя и мотыля вытряхну — цоп его крючком, и готово. Одно неспособно было: со льда на глубоких местах ловить. Никак одноручь леску не выберешь. Пихаешь ее и в рот и... вокруг шеи до пяти раз обвернешь, а конец все в лунке. Одно слово — неспособно.

Ловил я, однако, во всякое время достаточно. После выйду на базар, разложу рыбу на кучки: эта — десять целковых, эта — пятнадцать, эта — два червонца, а эта, для кошки,— и за рубль... Поначалу стыдился, глаза прятал, а потом и покрикивать стал: «А вот, гражданки, свеженькая! Подходи, налетай, не зевай!..»

Блеснил я как-то по перволедью на озере Мшара. Озеро это глубины непомерной, чистое, как слеза, и все сосновым бором обросло. Напал я на приглубное местечко — окунь берет редко, но такой черт: ото дна не оторвешь. Никак я с ним одной рукой не совладаю. Потом вижу: на льду еще рыбак появился. Ходит с пешней и все ближе да ближе ко мне подрубается. Подошел вплотную. Глядь — а он тоже без руки! Здорово, мол, приятель! Слово за слово — разговорились. Того Андрюхой зовут. Встали рядом. Я говорю:

«Давай, Андрюха, сообща ловить. Как у меня окунь возьмет, я с леской отбегу, а ты ее у самой лунки поддерни, чтобы за край не задела».

Так и приноровились. Если бы кто со стороны видел, живот надорвал. То я, то Андрюха сорвемся вдруг с места и бежим сломя голову от проруби — умора!

Спаялись мы с дружком — водой не разольешь. На всех озерах и реках вместе. А после рыбалки — в чайной. Еще пуще стал я запивать. Раньше хоть часть улова домой приносил, а теперь перестал: все начисто пропиваем.

Сидим как-то раз в буфете на станции, ждем поезда в город, пьем. Спустим тут же на станции килограмм рыбешки и опять пьем. Всю спустили, только я одну щучонку фунта на полтора ребятишкам оставил. Андрюха совсем уже готов, да и я порядком окосел. Вот в таком кураже сели мы в вагон; дружок и говорит мне:

«Дураки мы с тобой, Нанька. (Он меня Нанькой звал.) Корежимся всю зиму на моро-

[1] Кемп — лагерь (англ.).

наверно, с одной стенкой бился. А не прошло и году — весь дом снутри и снаружи в лучший вид произвел... Потом в стройремконтору поступил. Так-то вот...

А сюда я, точно, за длинным рублем приехал, потому что он моей саранче нужен. И дело, головастик, не в том, длинный он или куцый, а в том, что я при своей инвалидности могу его честно заработать.— Ананий повернулся к Грише и с грозной ноткой в голосе спросил: — Понял?

Гриша сконфуженно потупился.

— Случай-то забавный обещал,— напомнил кто-то.

— А как я его щукой по морде — разве не смешно? — удивился Ананий.

— Не очень...

— Ну и ладно. Вон смена кончилась. Пошли, ребята!

5

Вместе с ними я поднялся на строительные леса. Приближался вечер. Меловые обрывы за Днепром долго хранили фиолетовый отблеск заката, потом мертвенно позеленели в свете осенних сумерек и, наконец, как будто впитали в себя густую синь ночи. На берегу и на темной воде Днепра заблестели огни. Прямыми линиями они тянулись вдоль городских улиц, кольцами опоясывали котлованы, змеевидной гирляндой висели над эстакадой пульпопровода, кучей грудились на земснаряде и все сообща кидали на бегущие облака мутно-оранжевое зарево. Ветер словно мягкой лапой гладил по лицу.

Костер внизу все еще горел, и вокруг него сидели сменившиеся рабочие. Их фигуры — темные с одной стороны и красноватые — с другой — напоминали плакат давних революционных дней, который я видел в какой-то книге по полиграфии.

— Огнями любуетесь? — раздался сзади меня голос.

Я оглянулся. Кто-то стоял в ярко освещенном проеме окна, и мне с наружных лесов не было видно его лица.

— Кто это? — спросил я.

Он шагнул, словно из рамы портрета, и остановился рядом со мной. Это был Гриша Астахов.

Несколько минут мы продолжали молча смотреть на огни. Их было великое множество. И все — яркие и тусклые, ровные и беспокойно бьющиеся под рукой электросварщика, далекие и близкие, желтые и голубоватые,— дробясь и переливаясь, повторялись в мелких волнах Днепра.

— Когда-нибудь,— тихо сказал Гриша,— мы будем рассказывать нашим детям, как работали здесь их отцы.

Я улыбнулся. Было забавно услышать такие слова от семнадцатилетнего паренька, занимавшего в общежитии узкую железную койку, не имевшего ни дома, ни жены, ни детей, но так уж он, недавний выпускник ремесленного училища, штукатур, понимал значение и смысл своего труда, что заранее гордился им перед потомством.

зе, а можем жить, как у Христа за пазухой. Только нахальства набраться».

«Как это?» — спрашиваю.

«Проще репы. Вот сейчас увидишь».

Выпростал он свою культю, шапку долой и — бойким голосом:

«Добрые, сознательные граждане! Братья, сестры, папаши и мамаши! Подайте калекам на пропитание... Пой!» — шепчет мне.

Спьяну это смешно вроде казалось, я и гаркнул:

«Раскинулось море широко-о-о...»

Одежонка у нас была самая для случая подходящая: рвань рыбацкая. Стали граждане Андрюхе в шапку деньги сыпать. Прошли мы весь вагон. В тамбуре Андрюха деньги в карман начал пихать. А меня, не совру, вдруг затошнило даже.

«Андрюха,— говорю,— брось эти деньги сейчас же, а не то я в морду тебе дам».

«Дурак ты,— говорит.— Мы на них в городе сейчас выпьем. Пошли дальше, привыкнешь».

Чувствую — и сам я виноват, что поддался, и оттого еще пуще осерчал. На боку у меня в противогазной сумке щука болталась. Схватил я ее за голову да хрясь дружка по морде...

Конечно, будь у меня две руки, я бы его не тронул. Ну, а как мы в равном состоянии, то не зазорно было и по рылу ему разок съездить: не втравливай! У меня все-таки два ордена и четыре медали...

Домой я приехал сам не свой, аж дрожу весь. Две недели на озеро не ходил. Вот тут-то и встретился я со своей совестью. Глажу мальчонку по голове, а сам голову-то ему пригибаю, чтоб, значит, в глаза не смотрел.

Помаялся так, потерзался и поехал в Москву. Пришел там на протезную фабрику, показал мастеру кельму, сокол, терку — штукатурный свой инструмент — и говорю:

«Должен ты, трудовой человек, меня понимать. Погибаю через свою нетрудоспособность. Можешь сделать такой протез, чтобы я эти штуки держал?»

«А какую из них,— спрашивает,— тебе в левой руке нужно держать?»

«Вот эту»,— показываю на сокол.

«Обожди,— говорит,— померяю».

Мерял он меня всячески, как портной, а напоследок обнадежил.

«Сделаем»,— говорит.

Ну, сделал. Вернулся я домой, стал опять на озерах рыбачить, а по вечерам учился сокол держать. Наконец решил испытать себя.

«Давай,— говорю жене,— халупу свою штукатурить».

«Да что ты! — кричит.— Зачем ее штукатурить?»

«Молчи, дура! От клопов».

Набросал я на стену штукатурку, стал соколом подбирать и уронил, конечно. Если б бабы рядом не было, заплакал бы, как дите. Однако сдержался и снова. Месяца полтора,

„ЭКСПО-58"

Изабелла БЛЮМ,
член Всемирного Совета Мира

«ЭКСПО-58» — это сокращенное выражение прочно вошло в городской жаргон Брюсселя. Означает оно — «Выставка 1958 года». До открытия выставки остались считанные дни, а Брюссель все еще в азарте стройки: котлованы и траншеи на улицах, горы камня и песка у тротуаров, строительные леса на перекрестках. Многие дома стали похожи на средневековые крепости: они окружены рвами и сообщаются с внешним миром чуть ли не с помощью подъемных мостов. Заканчивается расширение магистралей и строительство туннелей, ведущих к выставке. По ним будет ежедневно нестись непрерывный поток в сотни тысяч посетителей. Старые брюссельские трамваи, те самые, которые положили начало этому роду городского транспорта во многих городах мира, сейчас деловито ныряют в туннели и появляются из-под земли где-то вблизи территории выставки.

Некоторые брюссельцы покряхтывают: им жалко привычных для глаза старых домов с их фламандскими фасадами и флюгерами. Ничего не поделаешь, строится большой продуманный комплекс автострад, которые и после выставки будут служить бельгийской столице. Столица прихорашивается, в ней много строят и за пределами выставочного города. И будьте уверены, к 17 апреля все будет готово!

Прогуляемся, однако, читатель, туда, где уже высятся дворцы-павильоны и вырастает город стали, стекла и алюминия — город выставки. Проедем по туннелям или широким мостам и выберем себе вход по душе.

Если вы предпочитаете сначала заглянуть в приемный центр, тогда пройдем через огромные ворота «Дворец XI». Можно избрать и вход «Бенилюкс», построенный в несколько претенциозном стиле. Если же вам хочется сразу попасть на заседание конгресса или на концерт в Большой аудитории, рассчитанной на две тысячи мест, ваш путь будет через ворота «Эспланады», легкие и гордые. Наконец, если вам не терпится увидеть Атомиум, к вашим услугам вход, носящий имя этого своеобразного сооружения.

Бельгийцы спрашивают себя: почему звезде— эмблеме выставки—придана такая странная, фантастическая форма? Не все брюссельцы стоят за социалистический реализм, но всем хотелось, чтобы была звезда как звезда. Вместо нее нас угостили звездой-уродом. Зато на здании одного из дворцов, которые остались еще с прошлой выставки, будет водружен голубь, как две капли воды похожий на голубя Пикассо. Наш вестник мира еще раз посмеялся над границами и административными рогатками: с крыши Дворца выставки он будет возвещать то, о чем мечтает сегодня все человечество.

* * *

Атомиум останавливает общее внимание исключительностью своей архитектуры. Многие архитекторы, сооружавшие национальные павильоны, искали такого конструктивного решения, при котором здание держалось бы на какой-то одной центральной опоре. Так был задуман и Атомиум: вся тяжесть его восьми огромных сфер должна была покоиться на центральной оси. Увы! Авария, случившаяся во время стройки, заставила построить дополнительные опоры, и сооружение сразу много потеряло в своей геометрической стройности. И все-таки Атомиум красив, красив, как поэма о расцвете человеческой творческой мысли.

Павильоны... Алюминий и стекло царят здесь. Несмотря на внушительные размеры, павильоны кажутся воздушными. Я задала себе вопрос: откуда это впечатление? Нет сомнения, оттого, что свет пронизывает их насквозь, и эти стеклянные стены как бы гостеприимно впускают внутрь окружающие деревья, газоны, облака.

И еще одна черта — бесконечное разнообразие павильонов, хотя все они и подчинены одной идее: воплотить в себе новейшую технику строительства. Приятно видеть, как каждая страна выгнула и связала металл и стекло на свой лад, в соответствии со своим национальным пониманием красоты. Советский павильон создает впечатление стремительности, оставаясь в то же время монументальным. Центральный зал павильона как бы создан для того, чтобы показать там большое, серьезное, прочное, грандиозное. За пределами здания Советский Союз выставит свои достижения в технике добычи нефти. С огромным нетерпением ждут бельгийцы, когда на телевизионном экране перед советским павильоном можно будет увидеть чудо нашего века — советские спутники.

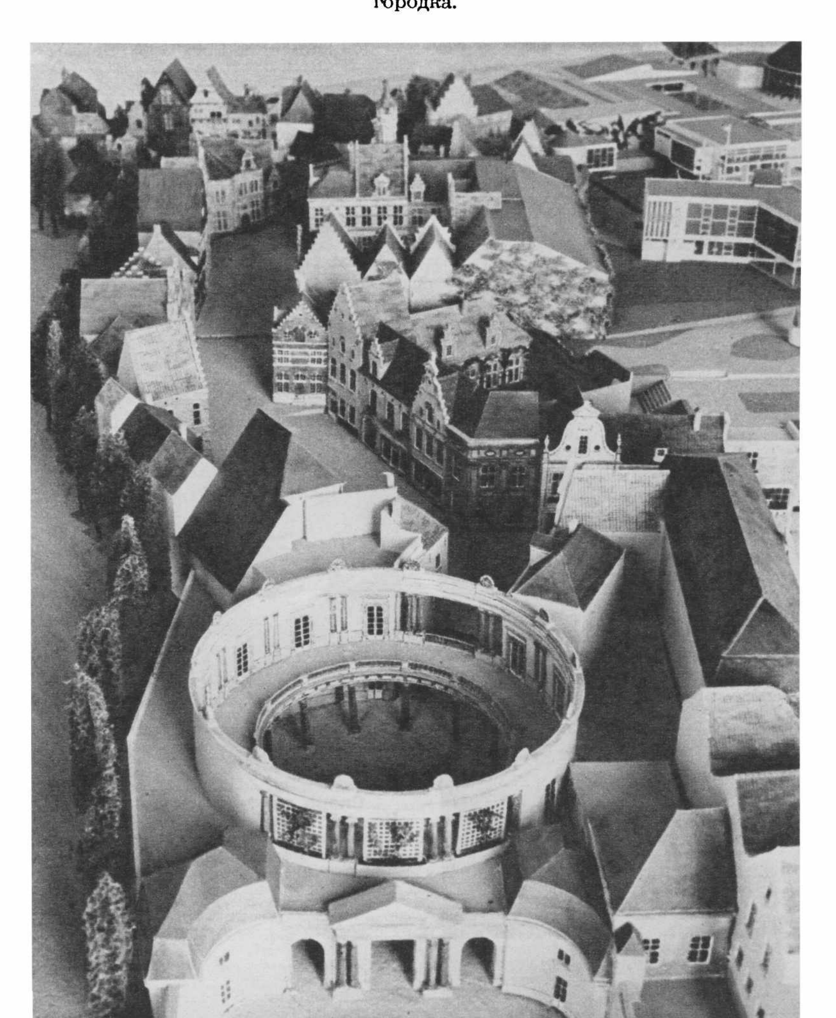
Американский павильон со своим бассейном и орнаментами, выполненными из металла, тоже производит большое впечатление.

Павильон Франции характерен своими распростертыми крыльями и высокой мачтой, опирающейся на центральный пилон.

Я неточно выразилась, сказав, что всюду господствуют металл и стекло: скандинавы использовали для своих сооружений всю прелесть дерева. Прекрасными деревянными скульптурами украшен и павильон Камбоджи.

Много фантазии, богатой и в то же время сдержанной, вложено в павильоны Латинской Америки. Сооружения арабских стран напоминают нам о том, что не везде еще на нашей планете народам дано щедро пользоваться металлом и стеклом.

Посетители Международной выставки в Брюсселе смогут увидеть специально построенный городок из 150 зданий, воспроизводящий архитектурные стили Бельгии от XVI до XIX столетия. В домах будет развернута экспозиция бельгийских художественных ремесел. На снимке — макет городка.

На выставке, разумеется, присутствует и Бельгия. Пишущей эти строки, естественно, хочется об этом специально напомнить. Бельгия — с ее индустрией, горным делом, транспортным машиностроением, легкой промышленностью, коммунальным строительством. На выставке найдет свое отражение и рабочее движение Бельгии. Ему отведено красивое здание из стекла.

Гордостью национальной истории Бельгии является великий гуманист Эразм Роттердамский, желавший, чтобы его считали гражданином мира, другом всех народов планеты. Поэтому бельгийцы избрали Эразма «патроном» Брюссельской выставки 1958 года. Когда-то соборам присваивали имена святых. Ныне в памяти людей часто встают бессмертные имена поборников мирного сосуществования народов, людей, осуждавших истребительные войны, разрушения, вражду. И другой ряд славных имен не раз будет помянут на выставке. Разве выставка 1958 года, где будут собраны самые смелые и фантастические завоевания науки и техники наших дней, не отдаст тем самым дань уважения гению Галилея, Коперника, Ньютона, Менделеева, Павлова и других великих людей науки!

Одна только мрачная тень наплывает на эту величественную картину. Трудно понять, почему бельгийцы не имели мужества сказать тем, кто хочет быть не гражданами всеобщего человеческого содружества, а «правителями мира»: «Нельзя открывать выставку величайших достижений разума нашей эпохи, отстраняя от участия в ней почти четверть населения нашей планеты!» Разве многовековая культура Китая наряду с великой цивилизацией Европы не принесла человечеству непреходящие ценности в области пластических искусств, философии, ремесел! Но нет, Китайская Народная Республика не будет представлена на выставке. Это порождает чувство стыда и возмущения...

И все-таки великая идея мирного сосуществования пробивает себе путь в этом городе науки, техники и культуры. Я видела прохожих, путь которых лежал мимо павильонов Советского Союза и Соединенных Штатов, расположенных близко друг от друга. На их лицах возникала улыбка надежды. В трамваях не прекращаются беседы о том, что на выставке нации мира смогут узнать друг друга, почерпнуть в ней то общее, что связывает воедино все человечество. Хочется верить, что выставка сыграет свою роль в борьбе народов за мир!

Мы живем на заре новой эры — эры атомной энергии. Человек, завоевавший Землю, стремится теперь завоевать космическое пространство. Но прежде чем штурмовать звездный мир, не правильно ли будет обернуться на путь, пройденный по грешной земле, и утвердить на ней непреложный закон мира в интересах всех ее обитателей...

Хочется в заключение обратиться к нашим советским друзьям. Их участие в выставке 1958 года много внесет в этот смотр достижений человечества, и прежде всего неистребимую волю к миру и дружбе между народами.

Брюссель, март.

В КРАЮ ДОНСКОМ

Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Помните популярную песню «Сторонушка, сторонушка, донской привольный край»? Донщина— воистину привольный и богатый край! Хлеб и рис, мясо и шерсть, фрукты и овощи получает с донских полей наша страна. Ростовский экономический район — один из крупнейших в РСФСР — поставляет народному хозяйству уголь и металл, комбайны и станки, электровозы и мощные паровые котлы, искусственное волокно и обувь, рыбу и консервы. Но главное богатство Дона — люди, самоотверженным трудом преобразующие природу, собирающие высокие урожаи, добывающие уголь, производящие станки, оборудование...

Мы расскажем сегодня о творческой интеллигенции донского края: растущих отрядах писателей, композиторов, художников, мастеров сцены, эстрады, цирка...

С Доном связаны биографии многих русских писателей. Здесь бывали и жили, писали о людях и природе нашего края Пушкин, Чехов, Горький, Серафимович, Тренев, Фадеев. Отсюда получили путевку в большую советскую литературу многие ныне известные писатели. В станице Вешенской донского края начал свою литературную деятельность выдающийся советский писатель Михаил Шолохов.

Иван Василенко, известный писатель, особенно любимый детьми,— коренной таганрожец. Его повести и рассказы — результат глубокого изучения жизни и трудовых дел земляков. Замечательные люди колхозной деревни живут на страницах нового романа «Белая криница» Георгия Шолохова-Синявского, дышащих ароматом донских пейзажей. Советские читатели хорошо знают другой его роман — «Волгины». Тесно связан и он со своими земляками — тружениками полей Неклиновского района. Любимо и творчество давнего певца донского казачества, автора многих исторических и эпических повествований, Дмитрия Петрова (Бирюка). Только что вышла в свет его новая книга «Юг в огне» — о годах гражданской войны на Дону.

Наш новый литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал «Дон» завоевал в крае и за его пределами популярность. Девяносто авторов впервые стали известны читателям по страницам этого журнала.

Кто бывал в Ростове-на-Дону, не мог не заметить в центре города салона Художественного фонда СССР. Более ста наших художников показали на областной выставке свои новые работы. Большая группа ростовских живописцев участвовала в художественной выставке Российской Федерации, а двадцать лучших работ были включены в экспозицию Всесоюзной юбилейной выставки в Москве.

В зной и стужу, летом и осенью повсюду можно встретить художника с его немудреным «хозяйством»: у рыбаков и металлургов, у горняков и комбайностроителей, у рисоводов и животноводов на Черных землях, у школьников и воинов.

На берегу Дона, в станице Кочетовской, живет писатель Виталий Закруткин, 50-летие со дня рождения которого ныне отмечают его почитатели и друзья. Полюбившиеся читателям романы «Плавучая станица» и «Сотворение мира» автор написал в родной станице.

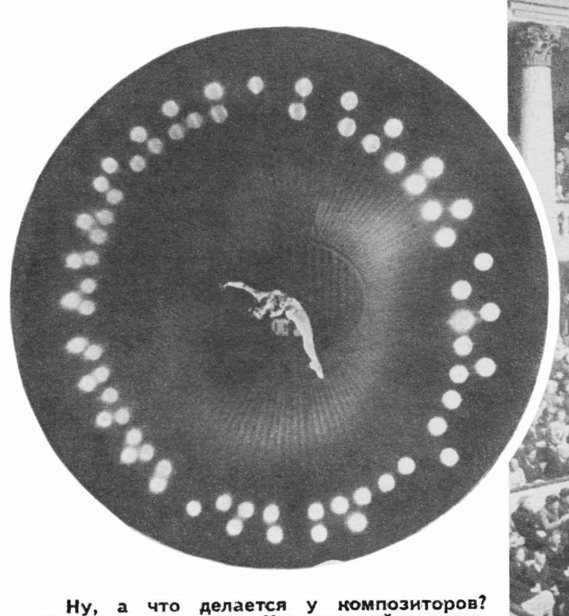
— Писатель обязан жить и работать среди тех и вместе с теми, о ком он пишет,— говорит Закруткин.— О них, товарищах по войне и миру, писал я в «Кавказских записках», в «Плавучей станице», в рассказах и очерках, о них писал и буду писать в еще не законченном романе «Сотворение мира», который считаю главным и любимым своим произведением... Я стараюсь участвовать в каждодневном труде героев моих книг, бываю на полевых станах, на рыбацких тонях. Ну, а в свободное время люблю поохотиться.

На хуторе Пухляковском станицы Раздорской живет Анатолий Калинин. Депутат областного Совета, писатель-коммунист, Калинин все самые значительные свои произведения написал в Пухляковском. Недавно он закончил повесть «Суровое поле», которая печатается в этом году в журнале «Молодая гвардия».

Скоро картина будет закончена, осталось положить последние мазки. Но так кажется автору. А что скажут друзья-коллеги? В мастерскую к художнику А. Чернышеву пришли художники Б. Спорыхин. Л. Смертин, В. Лень. Нет, видно, сомнения автора были напрасны: картина, безусловно, нравится.

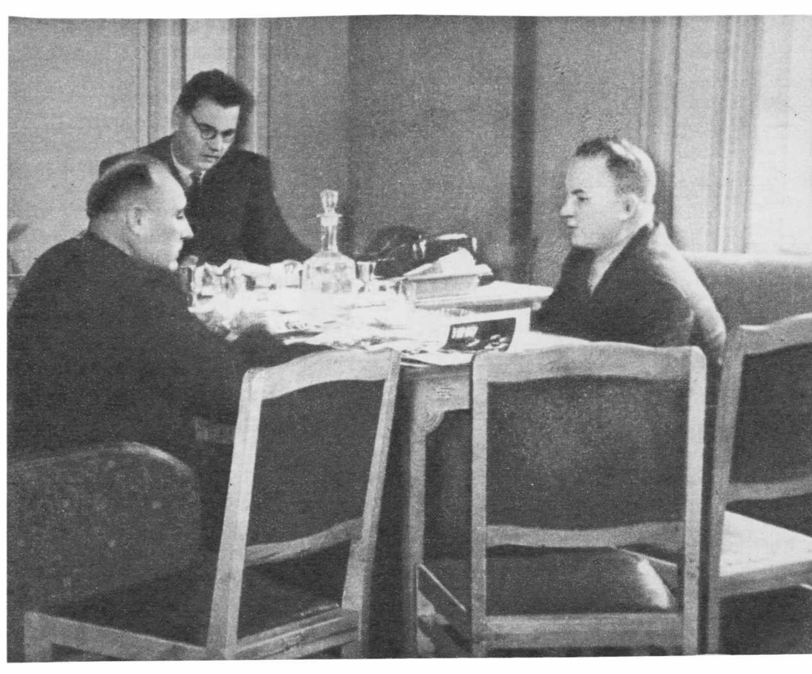

Ну, а что делается у композиторов? В минувшем году Харьковский театр оперы и балета имени Лысенко поставил оперу «Маскарад» — новое произведение нашего земляка, заслуженного деятеля искусств РСФСР А. П. Артамонова. Сейчас композитор заканчивает балет из жизни колхозного Дона.

А встретили мы Алексея Павловича на занятиях в областной культпросветшколе. Он передавал свое тонкое понимание музыки учащимся, приехавшим из станиц, хуторов, чтобы те несли музыку дальше, в народ.

Композитора И. Ипатова (он также и дирижер) мы сегодня увидели в Театре музыкальной комедии: он дирижировал новой опереттой «Марги» — своим произведением. Мы рады сообщить также, что наш композитор Т. Сотников работает над оперой «Русский характер» — по мотивам одноименного рассказа Алексея Толстого.

Это замечательное творение архитекторов, инженеров и рабочих — строителей,— новый цирк, возвышается в центре города.

Директор цирка Г. Алиев рассказывает:

— Сорок восемь тысяч квадратных метров — таков объем нашего здания. Зрительный зал вмещает 1 500 человек. Для отдыха оборудованы нарядно убранные фойе. Закулисная часть — целое пятиэтажное здание: тридцать артистических комнат, большой репетиционный зал, столовая, медицинский пункт, комната отдыха. Не забыты и наши четвероногие артисты: для них есть пять боксов.

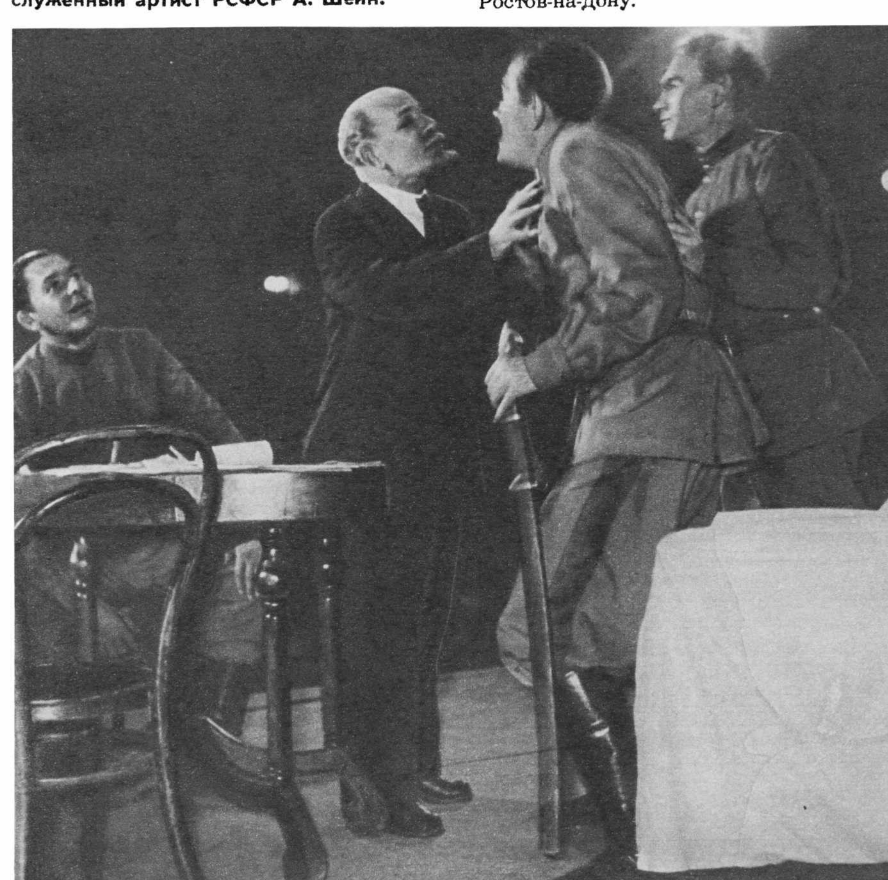
Ростовский цирк любят и зрители и актеры. Вот и сейчас под куполом цирка выступает лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов Валентина Суркова.

Не один театр на Дону: есть они в Ростове, Таганроге, Новочеркасске, Шахтах... И всюду наряду с классикой и пьесами известных советских драматургов ставятся произведения местных авторов. Ростовским драматическим театром имени М. Горького уже ряд лет руководит его главный режиссер, народный артист РСФСР А. Никитин. Сегодняшний спектакль «Ранней весной» посвящен тем незабываемым дням, когда на Дону шла героическая битва за становление власти рабочих и крестьян. Автор пьесы — местный драматург А. Сунчмезов. Знание истории края, быта и нравов казачества позволило драматургу создать живые, яркие образы тех, кто боролся под руководством коммунистической партии за советский Дон.

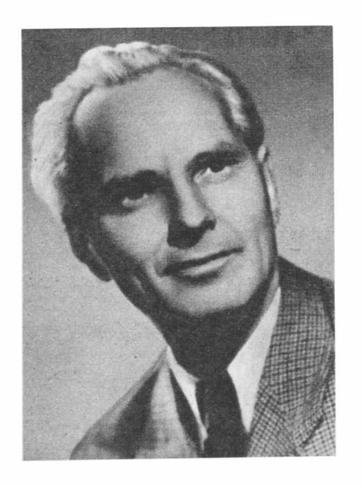
Роль В. И. Ленина исполняет заслуженный артист РСФСР А. Шейн.

Мы рассказали очень бегло о культурной жизни Ростова-на-Дону. Знакомство это может быть продолжено и стать более близким, когда вы попадете в наш родной город... и, конечно, полюбите его.

Ростов-на-Дону.

В редакции журнала «Дон». Главный редактор писатель М. Соколов (в центре) беседует с авторами.

Из новых стихов

Степан ЩИПАЧЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ВЬЮГА

Ой, вьюга, ой, вьюга какая!
Клубится, пылит, под ногами
метет.
И женщина в ботиках, еле шагая,
С разъезда в рабочий поселок
идет.

Под шубкой, под ситцевой
кофточкой стужа
Уже подбирается к самой груди.
Февральская вьюга воронки
кружит,
И женщине трудно дорогу найти.

Но пусть перезябнет она не на
шутку,
Пусть брякнет не скоро дверное
кольцо,
Лишь было б кому отряхнуть ее
шубку,
Замерзшее целовать лицо.

МЕДСЕСТРА

Хотя всего ей двадцать восемь,
Заботам не видать конца:
Белоголовый мальчик Ося
Растет у Вали без отца.

Сама себя не зная толком,
Она идет, проста, мила.
Привычно валенки метелкой
У белой двери обмела.

Вошла. Смеется. Людям рада.
Так день рабочий настает.
На белизне ее халата
Остался ржавчинками йод.

Ей некогда сидеть без дела,
Упёршись локотками в стол.
Спешит к больным — уколы
делать,
Кому-то капать валидол.

Прямой тропинкою в аптеку,
В районный центр пришлось
пойти.
Опять под валенками снегу
Похрустывать на всем пути.

В поселке всякий знает Валю,
Ее нелегкое житье,
Ее заботы, но едва ли
Кто видел грустною ее.

В ней что-то детское осталось.
Хотя приметишь иногда
В глазах приветливых усталость,
А складку горькую у рта.

* * *

Он с ней сидел тогда не рядом
И был еще едва знаком,
Но, взгляд ее встречая взглядом,
Был всех счастливей за столом.

Прошло с той новогодней ночи
Не много месяцев и дней,
И хоть разлуки все короче,
Но расставанья все трудней.

Они опять в глухой аллее,
Где виден сонный водоем,
И с каждым днем ему милее
Она в ребячестве своем.

Себя в прозрачном, легком
платье
Не сразу даст поймать ему
И вдруг притихнет, станет гладить
Его бровей глухую тьму.

Слова любви, нежны и скупы,
Все жарче рвутся из груди.
Уже податливые губы
От губ его не отвести.

О близость первая! «Не надо...
Не надо...» — девушка твердит,
Но рук нетвердая ограда
Уже ее не защитит.

* * *

Ю. Ж.

Нет, не придумать сравненья
иного!
Что-то в тебе есть от хлеба
ржаного.

Я вспоминаю тот вечер морозный,
Месяц над дачами, снежные
сосны,
Жаркие щеки твои вспоминаю...
Что же еще о тебе я знаю!

Мало, но знаю тебя и такую:
Дружишь с одним, но о нем
не тоскуешь.

Тело твое молодое, ржаное
Благословенно, как счастье
земное.
Я не соперник. Но что же так
ноет
Сердце мое, обожженное зноем!

НА ФЕСТИВАЛЕ

Горластые трубы, баяны,
Стук бубнов. Веселье — рекой.
От тонких бровей китаянок
У многих потерян покой.

Тут нет ни отсталых, ни слабых.
Тут властвуют песня и смех.
Медлительные арабы
С достоинством смотрят на всех.

Французы... Им рады недаром.
Кому не подумалось тут:
Не правнуки ли коммунаров,
Не внуки ль Жореса идут!

Вот негры, крепки и проворны,
Черны, не придумать черней:
Не солнце ли, ставшее черным,
Томится в крови у парней!

Светлы северяне. И в этом
Еще раз уверились вы:
Глаза у норвежцев и шведов
Белесой живой синевы.

Всемирное шествие длится,
И в память вошли, как мечта,
Полячек точеные лица,
Воспетая их красота.

Но в праздничном этом величье,
В цветистой людской тесноте,
Уверен я, многих москвичек
Ничьей не затмить красоте.

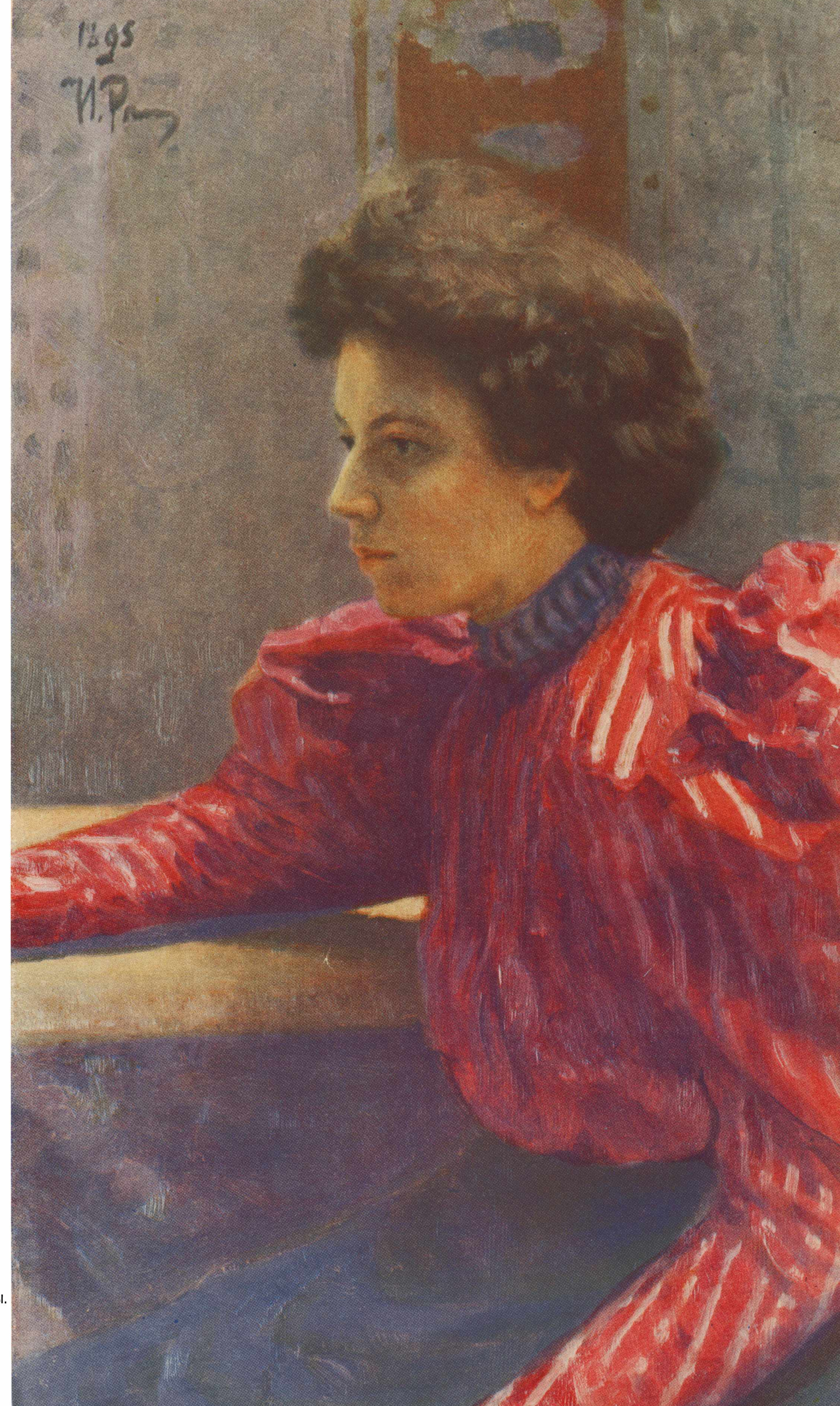
Будь счастлива, молодость, где бы
Ни шла ты сквозь вьюги и зной!
Да здравствует мирное небо
Над каждой былинкой земной!

Я вижу, читаю на лицах:
Пора все народы сроднить.
Эх, взять бы, забыв о границах,
Да всех их переженить!

И всю нераздельно эту,
Что счастью людскому под стать,
Прославленную планету
В приданое им отдать.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ ИСКУССТВ
УЗБЕКСКОЙ ССР.
ТАШКЕНТ

И. Е. Репин (1844—1930).
ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ НАДЕЖДЫ.
1895 год.

К. А. Трутовский (1826—1893). ПРИЕЗД УЧИТЕЛЬНИЦЫ. 1885 год.

В. К. Каменев (1823—1874). ЛЕСНОЙ ПЕЙЗАЖ. 1860 год.

В. Е. Маковский (1846—1920). БАБУШКИН ПАСЬЯНС. 1881 год.

Ф. С. Журавлев (1836—1901). ЧИНОВНИК. 1874 год.

ПОХИЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ

Рассказ

Международный гроссмейстер
А. КОТОВ

Рисунки Г. **ЕПИШИНА**.

Февральский вечер казался Алимову нескончаемым. Отложив в сторону какой-то проспект с яркими цветными картинками, он полулежал в забытьи в уголке большого кожаного дивана. Темный абажур настенной лампы бросал на пол резко очерченный круг света, остальная часть комнаты скрывалась в полутьме. За широкой стеклянной дверью, ведущей на балкон, порывистый ветер, завывая, гнал к берегу огромные волны и с яростью разбивал их о камни и гравий; к черным зеркалам дверных стекол мягко липли крупные хлопья мокрого снега; пушистые белые комочки таяли и медленно сползали вниз узкими водяными струйками.

Уже неделю Алимов жил один в модном курортном отеле Гааги на самом берегу Северного моря. Летом сюда со всех концов света съезжаются тысячи богатых туристов. Для них тогда открываются театры, казино, кабаре, строят купальни с узкими, хрупкими мостиками, легкие пристани для причала яхт и прогулочных катеров. Зимой все это было закрыто, да и в самом отеле лишь в двух нижних этажах проживали немногочисленные гости.

Одиночество угнетало Алимова. Сквозь тонкие перегородки из соседних номеров слышался приглушенный говор на непонятных ему языках; жизнь текла где-то в стороне от Евгения, никому он был здесь не нужен, для всех он был чужой. Мысль его ни на чем не задерживалась, понемногу он перестал ощущать действительность и прислушивался к ударам крови в висках, к биению собственного сердца. Ему начало казаться, что он уже когда-то, давным-давно был здесь, именно в этом же самом месте и именно в этой самой обстановке, и что его тогда так же снедала тоска и ему так же было скучно.

Легкий стук в дверь заставил Евгения подняться.

— Войдите! — пригласил он нежданного гостя.

— Добрый вечер!

Кто-то открыл дверь, вошел и, щелкнув выключателем, осветил комнату ярким светом.

В первые секунды Алимову показалось, что он все еще продолжает грезить: так поразило его то, что он увидел. Щурясь от яркого света, на него смотрели большие голубые глаза, любопытные и слегка удивленные. Темная бахрома ресниц делала взгляд этих глаз еще более выразительным.

— Я должна убрать вашу комнату на ночь,— тихо промолвила гостья.

В дверях стояла стройная девушка; скромное, простенькое платье, облегавшее ее хорошо сложенную небольшую фигурку, было прикрыто передником, которые носили все горничные отеля. Белокурые волосы сзади падали на плечи, а спереди были уложены в одно из тех замысловатых сооружений, создать которые способны только женщины. Аккуратная, подобранная, она оставляла впечатление какой-то особенной чистоты. Когда она смущалась, румянец разливался по щекам, уходя и прячась на висках под мягкие густые волнистые волосы, и от этого лицо ее казалось еще милее.

Ее маленькие ловкие руки быстро навели порядок в номере, и она уже собиралась уходить. Но Алимову не хотелось оставаться одному.

— Подождите, пожалуйста, минуточку,— обратился он к девушке.— Я совсем один, не с кем даже слова сказать. Побудьте со мной.

Девушка остановилась у двери.

— А разве вы один в Гааге? Где же ваш друг, уехал?

— Да, уехал. Но ничего, скоро много наших приедет.

— Простите, кто это — ваши? Откуда вы?

— Угадайте...

Они произносили отрывистые, короткие фразы, за которыми люди обычно стараются скрыть свою растерянность при первом знакомстве.

— Во всяком случае, вы не англичанин: я вижу это по произношению.

— Я русский, из Москвы.

Ровные брови девушки поднялись с удивлением.

— Русский, из Москвы?! Интересно! К нам приезжали русские, но из Москвы еще никого не было. Извините меня,— добавила горничная.— Я должна уйти на несколько минут — убрать другие номера. Потом приду опять.

И она исчезла, вновь оставив Алимова одного. За окном все так же бушевала непогода, шторм, пожалуй, еще больше усилился, темнота сгущалась, ветер крепчал, грохот волн становился еще более угрожающим. Но Евгению теперь это уже не казалось таким страшным.

Прошло минут пятнадцать. Опять стук в дверь, и та же девушка появилась вновь. Она отказалась сесть: не полагалось,— и продолжала стоять у входа, оставив дверь слегка полуоткрытой.

— Почему вы сидите дома, шли бы куда-нибудь в кино? — спросила горничная. И, выслушав ответ, согласилась с Алимовым: — Да, вы правы, сейчас в кино у нас мало интересных фильмов. Тогда идите в дансинг танцевать,— предложила она и, заметив фотографию на тумбочке у кровати, тут же переменила тему разговора.— А это кто, ваш сын? Хороший парень!

— А у вас есть дети?

— Нет, я еще не замужем.

— Простите, сколько вам лет?

— Отгадайте...

— Лет восемнадцать — девятнадцать,— погрешил Алимов против собственной совести, явно уменьшив возраст девушки года на три — четыре. Какой вежливый мужчина не делал то же самое, отвечая женщинам на вопросы о возрасте!

— Ну... что вы! Мне скоро будет двадцать четыре.— И, как все женщины в таких случаях, она внимательно посмотрела в глаза Алимова, желая отгадать, искренни ли его слова.

— Почему же вы, такая красивая, не выходите замуж?

— Так...— Тень печали, появившаяся на ее лице, дала понять Алимову, что этого вопроса лучше было бы не задавать.

...Они познакомились. Девушку звали Полинс, или, как ее именовали подруги, забавно растягивая букву «и»,— Полии-иинс. Она была дочерью рыбака, жившего с большой семьей в загородном поселке. Дом ее находился далеко от гостиницы, а дежурство начиналось рано утром, и Полинс всю неделю жила вместе с другими горничными в одном из номеров отеля. Лишь в свободные дни она отправлялась домой, где ее встречали радостно, как кормилицу семьи.

Полинс с любопытством присматривалась к непохожему на других человеку, появившемуся в их отеле. Ей нравилось его широкое открытое лицо. Но, пожалуй, больше всего нравилось Полинс, как русский разговаривал с ней. Он не поучал ее, как это делали некоторые важные клиенты, но в то же время не допускал и фамильярности.

Во время дежурства Полинс заходила к нему в номер, чаще же они встречались в холле. Придерживаясь заведенных в отеле правил, Полинс всегда стояла, опершись на спинку кресла. Иногда к их беседам присоединялись другие горничные, обычно небольшими стайками сидевшие в уголках, занятые шитьем или вязанием. Девушки болтали, и чаще всего разговор их сводился к вопросу о замужестве; Евгений говорил им о Москве, о своей стране, о которой они ничего не знали или, если знали, то только небылицы, вычитанные в газетах.

Отовсюду стали съезжаться делегации разных стран. Пустынный отель оживился, в номерах и коридорах все чаще звучали смех и разноязычные говоры. Полинс заметила, как начинали волноваться администраторы, лишь только речь заходила о русских, как подчеркнуто старались они выразить свои симпатии к приезжим из далекой, непонятной им страны. В этой нарочитой внимательности проскальзывали, однако, заметные нотки настороженности, и Полинс вскоре увидела, что это поняли и русские. Вежливо обращаясь с хозяевами, они в то же время старались быть подчеркнуто официальными.

Евгений познакомил Полинс со своими друзьями, и вскоре ее голосок был слышен во всех номерах, занятых советской делегацией. Кто на английском языке, кто на немецком, кто просто на языке жестов — все пытались что-то рассказать Полинс. Как всем приезжавшим в то время в Голландию, русским выдали продуктовые карточки, а ведь известно, что мужчина лучше просидит весь день голодным, чем пойдет в магазин за продуктами, да еще по карточкам. Полинс охотно взяла на себя эту заботу, и вскоре превратилась в хлопотливую хозяйку беспомощного в бытовых делах мужского коллектива.

Через несколько дней Полинс настолько привыкла к своим новым друзьям, что не

чувствовала неудобным оставаться одной в обществе нескольких мужчин; порой ей казалось, будто они знакомы уже несколько месяцев. Ни один из этих молодых людей ни разу не сказал ни одной двусмысленности или скользкой шутки. А ведь горничных было трудно чем-нибудь удивить: очень ко многому привыкли они в курортном отеле...

Заболел Вано Думбадзе: не выдержал голландского климата. Евгений попросил Полинс посмотреть за их юным товарищем. Когда вечером русские вернулись в отель, в номере больного все было прибрано, на тумбочке у постели стояли вазочка с фруктами и букет ранних цветов. Полинс купила это на собственные деньги. А русские уже знали, какая мизерная зарплата у горничных и как бережливы и экономны голландские женщины...

Наступила весна, снег стаял, на клумбах у отеля завозились старательные садовники, загородные поля запестрели прямоугольниками распустившихся тюльпанов. Люди тянулись к морю. В воскресенье русские тоже пошли погулять по набережной. Полинс сквозь раскрытые балконные двери видела, как они несколько раз прошли под окнами отеля. Девушка не удержалась и вышла на балкон. Стояла чудесная погода, свежий ветерок приносил Полинс привычный запах соленой, пахнущей йодом морской воды. Далеко во все стороны раскинулось темно-зеленое Северное море; маленькие бурунчики белой пены резвились, перебегая с гребня на гребень.

На набережной царило хорошо знакомое Полинс оживление. Вон там важно и чинно, словно темно-серые гуси, выступают семьи известных в Гааге богачей. Не дай бог, кто-нибудь посторонний случайно врежется в их компанию — его ждут молчаливые удивленные взгляды и недоуменно поднятые брови. А там, у самой воды, с азартом болтают друг с другом рыбачки. Им не страшен мокрый песок: тяжелые башмаки, выдолбленные из целого куска дерева, надежно предохраняют от сырости.

«Наверно, в церковь ходили рыбачки: одели лучшие черные платья и черные чулки,— подумала Полинс.— А воротнички «Мария Стюарт» вымыты, наглажены — и впрямь пчелиные соты».

Взгляд девушки остановился и на ручных колясках инвалидов, выбравшихся из домов погреться на солнце. В Голландии много ревматиков. Сгорбленные, согнутые страшной силой болезни, они похожи на каких-то жутких черных птиц.

— Полинс, идите с нами гулять! — послышался голос Евгения.

Под балконом стояли русские. Девушке захотелось спуститься вниз, пройтись по набережной, взяв Евгения под руку, поболтать с ним, посмеяться над его шутками. Но это нарушит все правила отеля. Нет, лучше не надо! И она лишь приветственно помахала рукой своим друзьям.

Вечером, усталый от множества хлопот, Евгений возвращался к себе в номер. В полутемном коридоре кто-то вдруг стремительно бросился к нему.

— Хэлло! Хау ду ю ду! Добри вечер!

Это был только что прилетевший из-за океана Арнольд Дэвис, знакомый Алимову по прежним встречам. Внешний вид Арнольда всегда вызывал в Евгении ощущение чего-то чересчур уж точно исполненного, слишком четкого, аккуратного. Его редкие светлые волосы неизменно были гладко расчесаны, с идеально прямым пробором; правильные черты лица казались выточенными искусным гравером. На нем был элегантный, широкий, почти до колен светло-коричневый пиджак и узкие темно-синие брюки.

— Хау ар ю? Как поживайт? Ваше здоровье! — вспомнил Арнольд немногие известные ему русские слова.

Они поговорили о последних новостях, об общих знакомых, немного о предстоящих делах. Жизнерадостный и веселый, Арнольд самую незначительную новость встречал так бурно, таким раскатистым смехом и возгласами «Хо-у-у!», будто ему сообщали о том, что он получил миллионное наследство. При этом он размашисто и сильно хлопал собеседника по плечу: «О'кей!».

Они уже собирались расходиться, как вдруг Арнольд толкнул Алимова в бок.

— Смотри, смотри, какая девочка!

По коридору к ним приближалась Полинс. Арнольд не спускал глаз с красивой горничной, оглядывая ее с головы до ног. Поравнявшись с ними, Полинс улыбнулась, посмотрев в сторону Алимова, и прошла мимо.

— Поздравляю, Евгений. Хороша девочка! — завистливо сказал Дэвис.

Алимов впервые встретился с Дэвисом два года назад, тоже в Голландии, в одном из маленьких городков на севере страны, где они прожили в одной гостинице около месяца. Новые знакомые оценили в Арнольде не только его деловитость и большие технические познания. Остроумный, общительный и жизнерадостный, Арнольд быстро сходился с людьми, подкупал их простотой обращения. Он был достаточно образован, разбирался в вопросах искусства, хорошо знал музыку. Он был хорошим товарищем, доставлял в минуты отдыха своим друзьям много веселья. Арнольд не скупился. Приглашая в ресторан, он угощал даже случайных компаньонов, не считаясь с затратами. Когда кто-то заметил ему, почему это именно он обязательно берет на себя расходы, Арнольд воскликнул:

— Американская душа — широкая душа! Как и русская!

На это можно было отвечать только взаимной щедростью.

Как-то, гуляя по городу, они случайно зашли во двор одного дома и очутились в маленьком уютном садике. Здесь были клумбы разносортных цветов, причудливо постриженные кустики и даже целый лабиринт из зарослей дикого винограда. Посредине маленькой зеленой полянки, за невысокой изгородью, стояла низкорослая, старая яблоня; ствол ее был очищен от шелухи и покрашен белой краской; ветки с немногими яблоками беспомощно клонились к земле, но были поддержаны подпорками.

Все сгрудились у изгороди, стараясь прочесть надпись на дощечке, прикрепленной к колышку у самого корня яблони. Арнольд решительно перешагнул через изгородь и пошел к дереву, твердо ступая модными «мокасинами» по зеленой, ровно постриженной траве.

— Эту яблоню посадила какая-то королева! — крикнул он, прочтя надпись. И тут же сорвал яблоко с дерева; попробовав, поморщился: — Брр...р! Кислое! — Затем, бросив его наземь, сорвал другое.

— Зачем ты так, Арнольд? — спросили его спутники, когда они срочно ретировались из сада.— Это же музей!

— Ну и что ж! В крайнем случае заплатил бы,— спокойно ответил Дэвис.

В другой раз, осматривая выставку уникальных изделий голландских кружевниц, Арнольд стал упрашивать девушку-гида помочь ему купить понравившийся экземпляр.

— Как? Нельзя продать? — удивленно спрашивал он, и Евгений так и не определил, действительно ли Арнольд не понимал, что это музейный экземпляр, или это была просто капризная настойчивость.

Власть денег Арнольд распространял и на женщин.

— Любовь, сила и деньги,— заявил он как-то в минуту откровения.— Против этого не может устоять ни одна женщина. Я знал женщин всех национальностей. Прелестнее всех креолки Кубы.

Евгению с товарищами далеко не все нравилось в Арнольде, но, в конце концов, не собирались же они его перевоспитывать! Им приходилось по-прежнему бывать с ним, но их никогда не покидала некоторая настороженность.

В один из непогожих дней несколько человек из разных делегаций собрались в большом номере гостиницы. Арнольд был в ударе и смешил всех, забавно пародируя общих знакомых, но Евгению почему-то не было весело. В номере с каждой минутой становилось темнее: надвигалась гроза. Изредка с самого края неба, где море сливалось с свинцово-синим небосводом, надвигались тучи. По взбудораженной водной поверхности мчались высокие островерхие волны, грозя уничтожить все на своем пути. Во многих местах хлопья туч тонули в морской пучине, и этот союз разбушевавшегося моря и неба предвещал беду.

В дверь постучали. Вошла Полинс.

— Простите, я должна закрыть дверь на балкон,— сказала горничная.— Скоро будет гроза.

Арнольд сразу перестал болтать, смолкли и остальные. Евгений насторожился. Он помнил некоторые слова Полинс и заметил, что между ней и Арнольдом происходит что-то неладное.

Арнольд искал встреч с горничной, приглашал ее в кино, на танцы, в ресторан. Рассердившись на ее несговорчивость, он пытался заинтересовать Полинс красивыми безделушками, к которым «должна» тянуться душа женщины, но и это не возымело действия.

Арнольд злился. Надо было поддержать ореол любимца женщин. При каждом случае он пытался доказывать всем, что имеет успех у Полинс, нравится ей — старался показать это и жестами, и намеками, и неожиданной фамильярностью с ней. Полинс же только пренебрежительно и холодно улыбалась в ответ.

И сейчас, когда девушка закрыла балконную дверь и пошла к выходу, Арнольд вдруг взял ее за подбородок и усмехнулся:

— У-у, милочка!

Этой вольностью Дэвис явно хотел и подчеркнуть разницу между собой и горничной, и предъявить известные права на близость. Полинс вспыхнула, но все же удержалась и, взглянув в лицо Арнольда, резко отвернулась.

Поступок Арнольда никому не понравился. Он понял это и разозлился. Девчонка! Они, русские, избаловали горничную — играют в равноправие. Надо показать ей ее место!

— Пойдите в мой номер, Полинс,— важно приказал Арнольд.— Возьмите в шкафу грязное белье и отдайте в стирку...

* * *

Дела Евгения в Голландии заканчивались, и он с товарищами уже собирался домой, как вдруг Полинс исчезла. Не появлялся и Арнольд. По таинственному шушуканью горничных, вначале уклончиво избегавших отвечать на вопросы о Полинс, Евгений понял, что с ней что-то произошло. И только через два дня он узнал подробности случившегося.

Когда под вечер Полинс вошла в номер Арнольда, тот запер дверь на ключ. Девушка гневно потребовала открыть дверь.

Арнольд начал уверять Полинс, что без ума от нее, не спит ночами, думая о ней. Он не был оригинален и лишь в бесчисленный раз повторял фривольные фразы. Первый козырь Арнольда — «любовь» — не подействовал. Тогда, обняв Полинс, он попытался силой сломить ее сопротивление.

В номере Арнольда на высокой подставке стояла небольшая скульптура из розового

мрамора «Похищение Прозерпины», оригинал которой находится в Риме, в вилле Боргезе. Замечательный итальянский скульптор Бернини создал в семнадцатом веке это удивительное изваяние.

Мускулистый гигант с пышной волнистой бородой держит на груди нагую отбивающуюся Прозерпину. У женщины волосы распущены, покрывало слетело с покатых плеч, голова и верхняя часть туловища откинулись назад, лицо выражает муку, губы раскрылись в бесплодном крике о помощи. Пальцы маленьких женских ног судорожно сведены, одна рука отталкивает гиганта, другая поднята вверх, и тонкие пальцы этой руки выражают отчаяние и беспомощность.

Почти теряя сознание, Полинс вдруг увидела гадкое лицо Дэвиса. Отвращение вернуло ей силы: на секунду вырвавшись от Арнольда, Полинс стремительно бросилась к двери. В этот момент сзади нее что-то загрохотало: зацепившись за платье девушки, мраморная статуэтка упала и разбилась на куски.

Полинс остановилась. Холодный ужас сжал сердце девушки; она нагнулась и попыталась собрать, соединить воедино осколки драгоценной скульптуры. Ничего не получалось.

— Что я наделала! — шептала перепуганная Полинс. Она вспомнила слова, сказанные как-то администратором: «Будьте осторожны, девушки. Эта статуэтка стоит более трех тысяч гульденов. Лучше держитесь подальше от этой хрупкой вещицы».

Три тысячи, да ведь это же больше ее годового заработка! Боже мой, что же делать, что теперь скажут дома? Незаметно склеить, как-то собрать кусочки? Нет, слишком мелкие осколки, все пропало.

Испуганная, ошеломленная девушка только теперь заметила, что Арнольд вновь пытается обнять ее, бормоча, что он заплатит за разбитую статуэтку, даст ей еще много денег.

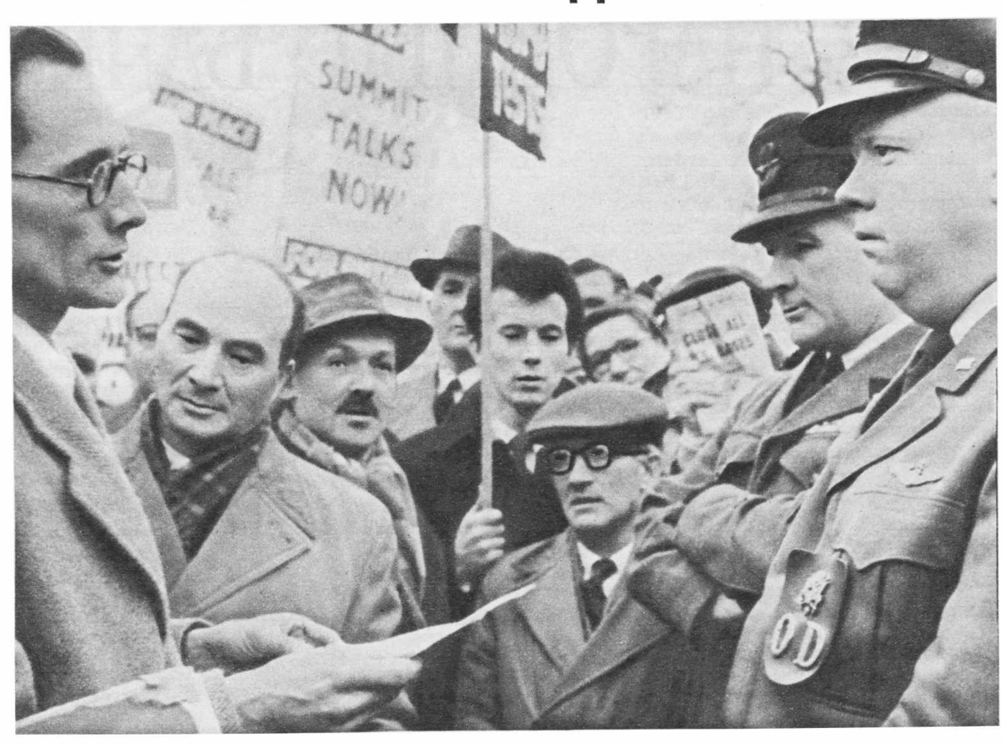
«Деньги! — вспыхнула Полинс.— Все у вас деньги!»

Резко поднявшись, она взмахнула рукой и тотчас услыхала крик Арнольда. Схватившись за лицо, Дэвис бросился к зеркалу. Полинс повернула ключ в двери и выбежала из комнаты.

— Что с тобой, Полинс? Что это у тебя в руке? — засыпали вопросами подруги раскрасневшуюся, растрепанную девушку.

Полинс держала холодную тонкую руку Прозерпины, мраморные пальцы были отбиты и торчали острыми зубцами бело-розового камня. И только сейчас она поняла, что именно этот кусок мрамора вызвал внезапный крик Арнольда. Спустя века Прозерпина отомстила Плутону.

НЕСЧАСТЛИВОЕ ДЕЖУРСТВО

На смущенном лице упитанного офицера, стоящего справа, написано: знает кошка, чье сало съела. Офицер этот — майор военно-воздушных сил США, размещенных в Англии. Буквы «ОД» на гимнастерке майора Пиблза означают, что на свою беду он сегодня дежурный по базе. Рядом с ним со скрещенными руками, словно желая сказать «мое дело — сторона», стоит офицер английских королевских ВВС. Незавидная поза для англичанина!

Майор Пиблз вступил в дежурство в тот самый день, когда более десяти тысяч англичан в различных частях Англии вышли на улицу с требованием ликвидировать базы американских атомных бомбардировщиков и запретить строительство ракетных пусковых площадок на территории Англии.

Твердый разговор англичан с майором Пиблзом произошел на Уедерсфильдской базе, расположенной в Восточной Англии. Представитель демонстрантов Нэвиль Карей с полной откровенностью высказывает ему мнение английского народа об американских бомбардировщиках с грузом водородных бомб, постоянно совершающих полеты над головами англичан.

— Чем дольше вы будете оставаться в Англии,— говорит Нэвиль Карей ошеломленному майору Пиблзу,— особенно, если вы привезете сюда ядерные ракеты — тем глубже будет неприязнь к вашей стране, которую уже сейчас ощущают миллионы англичан. Небывалое единодушие царит сейчас во всех слоях английского народа — он требует прекращения патрульных полетов с водородными бомбами и не желает иметь на своей земле американские стартовые ракетные площадки.

Нэвиль Карей кончает говорить, и сотни людей скандируют: «Янки, отправляйтесь домой!» Чтобы передать это требование, многие приехали на базу издалека.

Сэм РАССЕЛ,
английский журналист.

* * *

С тех пор Полинс не появлялась. Исчез и Арнольд, он теперь старательно избегал русских, и, пожалуй, правильно делал: вряд ли эти встречи принесли бы Дэвису что-нибудь приятное. Евгений внимательно карaулил Вано: вспыльчивый, горячий грузин каждый раз в разговоре с друзьями грозил расправиться с «грязным Мефистофелем, покупающим за доллары честь и душу».

Подруги Полинс сказали, что хозяева не разрешили ей продолжать работу, что они еще раздумывают, какое принять решение. Потолковав с друзьями, Евгений подумал, что, может быть, стоит сходить к администратору отеля.

— Откровенно говоря, я считаю, что Полинс ни в чем не виновата,— сказал ему администратор.— По-моему, и хозяева так думают, но они сделают все возможное, чтобы не обидеть гостя. И они будут правы. Сами посудите: в прошлом году в нашем отеле побывало больше десяти тысяч туристов из-за океана, и сейчас, перед началом летнего сезона, опасно портить отношения с клиентом из Соединенных Штатов. Это может сделать плохую рекламу. А вы разве не так бы поступили?

Что можно было ответить? Евгений пожал плечами.

— Конечно, денег она заплатить не сможет,— продолжал администратор, видимо, приняв жест Евгения за одобрение.— Думаю, дело кончится только увольнением горничной. А жаль: после этого печального инцидента ей трудно будет устроиться в другом отеле.

Командировка подходила к концу. Все попытки Евгения и его друзей найти Полинс не увенчались успехом. Что они могли поделать со своим уставом в этом чужом монастыре!

Настал день отъезда. Евгений и его товарищ спустились в просторный застекленный вестибюль отеля; пока служащие грузили в машины их багаж, они прощались с хозяевами, администраторами.

За огромными стеклами окон бушевала снежная буря: теплая погода ночью вдруг резко изменилась, пришли из-за моря тяжелые, свинцовые тучи, начавшие было расцветать тюльпаны на полях покрылись толстым слоем снега. К гостинице подъезжали новые туристы, чтобы провести у моря пасхальные праздники; разодетые дамы, выходя из машин, морщились, недовольные погодой, и зябко кутались в дорогие меха. Старушки-рыбачки, экономившие центы на трамвайных билетах, медленно проезжали на велосипедах мимо отеля, оставляя на белой скатерти свежего снега длинные темные полоски следов. Полураздетые ребятишки, привыкшие было к теплой погоде, шлепали босыми ногами по мокрому снегу, наперегонки устремлялись к автомобилям, чтобы первым открыть дверцу и получить монетку.

— Скверная погода,— сказал один из служащих отеля, показывая на снежный буран.— Но для вас это хорошо: я слыхал, что непогода в дорогу считается в России хорошим предзнаменованием.

Алимов рассеянно слушал и отвечал на вопросы голландцев.

— Алимов,— вдруг услышал он шепот и, повернувшись, увидел в углу вестибюля знакомую фигурку. Узнав об отъезде русских, Полинс пришла проститься, хотя вряд ли ей очень хотелось появляться в гостинице. Друзья Евгения бросились к ней, наперебой расспрашивая ее, пожимая ее маленькую руку.

Евгений последним подошел к Полинс.

— Здравствуйте, Полинс. Как дела? — спросил он девушку.

— Спасибо, Евгений. Хорошо,— ответила Полинс.

В голосе ее было столько печали, что в душе у Евгения поднялась целая буря чувств. Ему хотелось помочь Полинс, успокоить ее, вновь вызвать улыбку на ее милом лице. Но он хорошо понимал, что помочь Полинс не может.

— Какая ужасная погода! — прервала молчание Полинс.

Алимова позвали. Все было готово, пора ехать.

— Прощайте,— сказала Полинс.—Мне было так хорошо со всеми вами! Я буду долго вас помнить.

Пожав ему руку, она отвернулась и пошла из отеля, видимо, боясь расплакаться.

Еще минуты две Евгений видел, как ветер бросал снежинки на ее простенькое, свободно свисавшее пальто, как он ожесточенно трепал концы ее голубой косынки. Ни разу не обернувшись, она исчезла в беснующемся хороводе белых бабочек.

ШОТЛАНДСКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

С. МАРШАК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ВЕРНЫЙ СОКОЛ

— Недаром речью одарён
Ты, сокол быстрокрылый.
Снеси письмо, а с ним поклон
Моей подруге милой.

— Я рад снести ей письмецо
По твоему приказу.
Но как мне быть! Ее в лицо
Не видел я ни разу.

— Мою подругу ты найдешь
Меж дев звонкоголосых
По гребням, пряжкам золотым
В густых, волнистых косах.

К ее ты дому прилетишь —
Садись на дуб соседний.
Сиди и пой, когда домой
Придет она с обедни.

Красавиц много будет с ней —
Их двадцать и четыре.
Звезд много в небе, но луна
Одна в полночном мире!

Вот сокол к за́мку прилетел
И сел на дуб соседний
И песню девушкам запел,
Вернувшимся с обедни.

— Вы ешьте, пейте без меня,
Красавицы-девицы,
Послушать песню я хочу
Залетной вольной птицы.

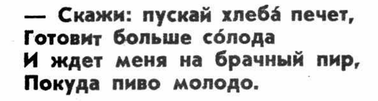
— Свою мне песню
вновь пропой,
Мой сокол быстрокрылый.
Какую весточку с тобой
Прислал сегодня милый!

— Твой верный друг ответа ждет
На нежное посланье.
Тебе он шлет свою любовь
И молит о свиданье.

— Скажи: пускай хлеба́ печет,
Готовит больше со́лода
И ждет меня на брачный пир,
Покуда пиво молодо.

— Твой верный друг залога ждет.
Он чахнет в ожиданье.
Не может жить он без тебя
И требует свиданья!

— Для друга прядь моих кудрей
Возьми, о сокол ясный.
Я шлю кольцо с руки моей
И встретиться согласна.
Пусть ждет в четвертой
из церквей
Шотландии прекрасной!

К отцу с мольбой пошла она,
Склонилась у порога.
— Отец, мольба моя одна.
Исполни, ради бога!

— Проси, проси, родная дочь,—
Сказал отец сурово.—
Но выкинь ты из сердца прочь
Шотландца молодого!

— О нет, я чую свой конец.
Возьми мой прах безгласный
И схорони его, отец,
В Шотландии прекрасной.

Там в первой церкви прикажи
Бить в колокол печальный.
В соседней церкви отслужи
Молебен погребальный.

У третьей — дочку помяни
Раздачей подаянья.
А у четвертой — схорони...
Вот все мои желанья!

В светлицу тихую пошла
Красавица с поклоном,
На ложе девичье легла
С протяжным, тихим стоном.

Весь день, печальна и бледна,
Покоилась в постели,
А ночью выпила она
Питье из сонных зелий.

С лица, холодного как лед,
Сбежал румянец алый.
Три дня, три ночи напролет,
Как труп, она лежала.

Сидела в за́мке у огня
Столетняя колдунья.
— Ох, есть лекарство у меня! —
Промолвила ворчунья.—

Огонь велите-ка раздуть,
А я свинец расплавлю,
Струей свинца ожгу ей грудь
И встать ее заставлю!

Ожгла свинцом колдунья грудь,
Ожгла девичьи щеки,
Но не встревожила ничуть
Покой ее глубокий.

Вот братья кедры топором
Сестре на гроб срубили
И крышку гроба серебром
Тяжелым обложили.

А сестры младшие скорей
Берутся за иголку
И саван шьют сестре своей,
Рубашку шьют из шелку...

— Спасибо, верный сокол мой,
Мой вестник легкокрылый.
Вернулся рано ты домой.
Ну, что принес от милой!

— Принес я прядь ее кудрей,
Кольцо и обещанье
Прибыть к четвертой из церквей
Шотландских на свиданье.

— Скорее, паж, коня седлай,
Дай меч мой и кольчугу.
С тобой мы едем в дальний край
Встречать мою подругу!

Родные тело в храм внесли
И гулко отзвонили,
К другому храму подошли
И мессу отслужили.

Вот в третьем храме беднякам
Раздали подаянье.
Потом пошли в четвертый храм,
Где милый ждал свиданья.

— Эй, расступитесь, дайте путь
Вы, родичи и слуги!
В последний раз хочу взглянуть
В лицо моей подруги.

Но лишь упала пелена
С лица невесты милой,
Она воспрянула от сна
И с ним заговорила:

— О дай мне хлеба поскорей,
О дай вина немного!
Ведь для тебя я столько дней
В гробу постилась строго.

Эй, братья! Вам домой пора.
Погромче в рог трубите.
Как обманула вас сестра,
Вы дома расскажите.

Скажите всем, что не лежу
Я здесь на ложе вечном,
А в церковь светлую вхожу
В наряде подвенечном,

Что ждал в Шотландии меня
Не черный мрак могилы,
А ждал на паперти меня
Избранник сердца милый!

ТОМАС-РИФМАЧ

В траве у берега реки
Лежал спокойно верный Том.
Глядит, красавица с холма
К воде спускается верхом.

Зеленый шелк — ее наряд,
А сверху плащ красней огня.
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Склонив колени перед ней,
Том сотворил земной поклон.
— Привет мой деве пресвятой!—
Перекрестясь, воскликнул он.

— Ты ошибаешься, мой друг.
Меня святою не зовут.
Я королева той страны,
Где эльфы вольные живут.

Сыграй и спой мне, верный Том.
Да не робей, вставай с колен!
Но не целуй меня в уста
Иль попадешь надолго в плен.

— И в рай и в ад пойти я рад.
Я не боюсь твоих угроз! —
И верный Том поцеловал
Ее в уста, алее роз.

— Ну, если так, пойдем
со мной.
Не знаю, к худу иль к добру,
Тебя, мой рыцарь, на́ семь лет
К себе на службу я беру.

На снежно-белого коня
Она взошла. За нею — Том.
И с каждым щелканьем копыт
Вдаль уходил родимый дом.

Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Была пустыня впереди,
А за плечами — край жилой.

— Сойди с коня,
мой верный Том,
И головой ко мне склонись.
Тебе три чуда покажу,
А ты их помнить поклянись.

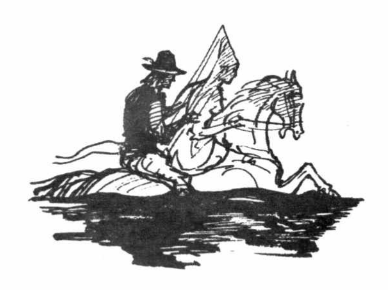
Перед тобою три пути.
Один суров, тернист и крут.
Он к добродетели ведет.
По нем немногие идут.

Другая — торная — тропа
Полна соблазнов и услад.
Ее зовут тропой Небес,
Но этот путь — дорога в ад.

Бежит сквозь папоротник вдаль
Дорожка третья, как змея.
Она в Эльфландию ведет,
Где скоро будем ты да я.

Что б ни увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой.
А проболтаешься, мой друг,
Так не воротишься домой!

Через потоки в темноте
Несется конь то вплавь,
то вброд.
Ни звезд, ни солнца в высоте,
И только слышен грохот вод.

Несется конь в кромешной мгле.
Густая кровь коню по грудь.
Вся кровь, что льется на земле,
В тот мрачный край
находит путь.

Но вот пред ними сад встает,
И фея, ветку наклонив,
Сказала:
— Съешь румяный плод —
И будешь ты всегда правдив.

— Благодарю,— ответил Том.—
Мне ни к чему подарок ваш.
С таким правдивым языком,
Небось, не купишь —
не продашь.

Такой язык не угодит
Ни женщине, ни королю!
— Ни слова больше,
верный Том,
И делай то, что я велю!..

В зеленый шелк обут был Том,
В зеленый бархат был одет...
И про него в краю родном
Никто не знал семь долгих лет.

Двадцатый юбилейный

Юр. ВАНЬЯТ

Итак, сегодня, в четвертое воскресенье марта, миллионы любителей советского футбола сядут у радиоприемников. Они с радостью услышат знакомые такты спортивного марша, извещающие о первом матче XX чемпионата СССР. В Тбилиси, Одессе, Кишиневе, Киеве и Баку будет поднят флаг соревнований.

Наступает семимесячная страдная пора для любителей этой замечательной игры: ведь нынешний сезон особый. Спортивная общественность 17 мая отмечает 60-летие отечественного футбола. 8 июня мы всем сердцем будем с нашей сборной командой в Гетеборге, где она проведет первый матч финального турнира на первенство мира. После «шведского месяца» возобновятся игры на первенство страны, матчи на кубок, состоятся международные встречи.

В этом обзоре мы вспомним историю наших чемпионатов...

Много воды утекло в матчах девятнадцати минувших турниров. Много команд побывало в классе «А» за эти годы. «Метеорами» мелькнули здесь тбилисские «Локомотив» и «Спартак», горьковское «Торпедо», армейцы Свердловска, ростовское и одесское «Динамо», московский «Буревестник», дольше других задерживались бакинский «Нефтяник», сталинградский «Трактор», рижская «Даугава», вильнюсский и минский «Спартак», ереванское «Динамо». Многим запомнилась харьковская команда «Локомотив». Позабыли уже о московской команде «Крылья Советов», где тренер А. Дангулов воспитал немало молодых игроков, ныне известных мастеров — Н. Симоняна, С. Коршунова, В. Федорова, А. Гомеса, Г. Дуганова, Р. Сагасти. Не существует также больше команды мастеров ленинградской «Красной зари», московского «Сталинца», московского «Металлурга», давшего нам Г. Федотова, К. Бескова, А. Чернышова, Н. Ильина и других мастеров.

В последние годы первенство страны в классе «А» разыгрывается по твердой двухкруговой системе при 12 участниках — «недюжинной дюжины».

Каких же результатов добились за предыдущие годы ведущие команды нашей страны?

Ниже мы публикуем сводную таблицу одиннадцати команд класса «А».

Название команд	Сколько раз участв. в чемпионатах	Сколько			Забито мячей	Пропущено мячей
		побед	ничьих	поражений		
1. «Динамо» (Москва) . . .	19	263	78	78	1 068	442
2. «Спартак» (Москва) . . .	19	224	90	105	919	508
3. ЦСК МО (Москва) . . .	17	222	86	83	959	457
4. «Динамо» (Тбилиси) . . .	18	198	100	115	794	584
5. «Динамо» (Киев)	19	143	125	151	605	658
6. «Торпедо» (Москва) . . .	16	158	105	122	679	587
7. «Локомотив» (Москва) . .	16	132	79	144	487	574
8. «Зенит» (Ленинград) . . .	16	131	113	156	525	653
9. «Крылья Советов» (Куйбышев)	11	76	84	111	276	405
10. «Шахтер» (Сталино) . . .	10	71	74	107	327	448
11. «Молдова» (Кишинев) . .	2	13	15	16	62	85

Примечание. Команда «Адмиралтеец» (Ленинград) в чемпионате участвует впервые.

Если не считать «таинственного незнакомца» — ленинградского «Адмиралтейца» (команда «Авангард», перешедшая из класса «Б») и «Молдовы» (бывшая «Буревестник»), которая лишь в третий раз вступает в борьбу за звание чемпиона, таблица красноречиво говорит о достижениях опытных бойцов нашего футбола.

Как и следовало ожидать, объективная статистика показывает успехи «трех футбольных китов» — московских команд «Динамо», «Спартак» и коллектива армейских футболистов. Причем показатели восьмикратного чемпиона — динамовцев — абсолютно лучшие по всем статьям (победы, поражения, забитые и пропущенные мячи).

О чем говорят цифры? Прежде всего об упорной дуэли «Динамо» с двумя другими чемпионами — армейцами и «Спартаком».

А теперь вспомним о достижениях каждой из трех команд.

В первом чемпионате страны столичное «Динамо» установило своеобразный рекорд, который никто и никогда не повторит: дело в том, что тогда чемпионат состоял всего из... 6 туров и «Динамо» набрало 12 очков — сто процентов! После первых успехов «Динамо» пережило кризис: менялся состав, осваивалась новая система «трех защитников». Затем наступил долгий период больших успехов, достигнутых коллективом под руководством тренера М. Якушина. И лишь в 1951—1953 годах, после ухода очередного поколения игроков, почувствовалось ухудшение защитных линий, что, в свою очередь, ослабило игру нападения. Но и этот кризис был преодолен. Ныне чемпион СССР — команда «Динамо» — очень силен (особенно в обороне) и имеет хороший резерв.

У «Спартака» после замечательных шести чемпионатов в послевоенные годы наступил кризис, приведший трехкратного чемпиона на... 10-е место. И лишь с приходом тренера А. Дангулова команда решительно выбралась из этого игрового кризиса, начала занимать первые места и овладела кубком СССР.

Начиная с 1952 года по классу и технике игры «Спартак», на мой взгляд, является наиболее эффективной командой в нашем футболе, уступая динамовцам в атлетической подготовке и игровой дисциплине.

Армейский коллектив, как известно, занимал в первых чемпионатах... последние места. Но стараниями тренера М. Рущинского, а затем Б. Аркадьева была создана новая мощная команда, которую в шутку прозвали «командой лейтенантов». В период с 1945 по 1951 год армейский коллектив, бесспорно, был сильнейшим в нашей стране.

Жизнь остальных команд, а особенно динамовцев Тбилиси, Киева, а также московских коллективов «Торпедо» и «Локомотива», сопровождалась взлетами и падениями.

Однако в прошлом году обе московские команды, укомплектованные молодыми игроками, добились заметных успехов: торпедовцы заняли второе место, а железнодорожники — четвертое и к тому же выиграли кубок СССР.

Тбилисские динамовцы, которых теперь тренирует известный футболист Вас. Соколов, приобрели молодых, но уже хорошо зарекомендовавших себя игроков из тбилисской армейской команды и надеются в предстоящем сезоне вернуть свою былую славу.

Динамовцы Киева стали «средней футбольной единицей». А жаль, так как команда имеет большие возможности.

«Шахтер» прочно занял в последние годы позицию «золотой середины». Теперь, с приходом в команду тренера А. Дангулова, любимая команда горняков должна укрепить свои позиции среди сильнейших клубов страны.

...Пожалуй, пора включать радио. Что нас ждет сегодня? Забьет ли Никита Симонян в Кишиневе свой 130-й в чемпионатах гол, или, быть может, возьмет Лев Яшин свою одиннадцатую одиннадцатиметровку? Впишет ли «Адмиралтеец» свое первое «золотое» очко в классе «А»? А может быть, «Локомотив» сделает свою 80-ю ничью. Кто знает!..

Но твердо знаем все мы лишь одно: наши футболисты в этом юбилейном году должны играть лучше, быстрее, разнообразнее, техничнее, ибо им предстоит весьма серьезный экзамен в Швеции.

К 90-летию со дня рождения А. М. Горького

ЧЕЛОВЕЧЕСКИ СЕРДЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

И в это осеннее утро, как обычно, из типографии, что на углу Головинского проспекта и Лорис-Меликовской, выбежали горластые мальчишки и, бросившись врассыпную по улицам, оглашали их криками:
— «Кавказ»! Покупайте газету «Кавказ»! Читайте новости!

Новости были, разумеется, самые «животрепещущие»: выздоровел делопроизводитель тифлисской городской управы, произошла драка с поранением в Муштаиде, в Терской области распространилась эпидемия холеры, поспорили из-за наследства некие Мутафовы... И вдруг нечто совершенно неожиданное, чужеродное, как умная улыбка на тусклом и унылом лице официоза канцелярии главнокомандующего по гражданской части на Кавказе,— рассказ «Макар Чудра», о сильных и красивых людях, для которых свобода дороже жизни, превыше любви.

В этот день 12 (24) сентября 1892 года вряд ли кто-нибудь из читателей «Кавказа» заметил рождение великого художника слова. Но страницы «Кавказа» на сей раз порадовали многих тифлисцев, всех, кто знал, что под псевдонимом «М. Горький», впервые появившимся в литературе, скрывался их друг, служащий тифлисских железнодорожных мастерских Алексей Пешков. И особенно радовался этому один человек, которому уже значительно позже Горький посвятил такие сердечные слова:

«Дорогой друг и учитель мой, Александр Мефодиевич!

С той поры, как я, счастливо для себя, встретился с Вами, прошло тридцать четыре года; с того дня, как мы виделись второй и последний раз, истекло двадцать два года.

За это время я встретил сотни людей, среди них были люди крупные и яркие. Но — поверьте! — никто из них не затемнил в памяти сердца моего Ваш образ.

...Вы первый, говорю я, заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже с лишком тридцать лет честно служу русскому искусству».

«Пусть знают,— писал М. Горький А. Калюжному,—как хорошо отнестись к человеку человечески сердечно».

А. М. Калюжный, на квартире которого (ныне улица Клары Цеткин, № 146) в 1892 году жил Горький и где написал он свой первый рассказ, на три года пережил своего «великого ученика». Незадолго до его кончины журналист Г. Бебутов сделал литературную запись воспоминаний А. Калюжного о встречах с М. Горьким.

Ниже мы приводим отрывок из этих воспоминаний.

А. М. Горький с А. М. Калюжным в Тифлисе в 1903 году.

В Тифлис я приехал осенью 1890 года. Ехал из Сибири, где был в ссылке, водным путем по Каме, Волге — в Баку.

В первый же год я поступил на службу по найму в Управление Закавказских железных дорог. Заведующим статистикой тогда был Дробный (тоже из поднадзорных). Он знал меня, но боялся принять на работу. У него служил старшим счетоводом Михаил Яковлевич Началов. Началов сказал Дробному: «Ведь терпит же начальство меня, поднадзорного. Я подаю в отставку — примите Калюжного». Тогда тот пошел с докладом к начальнику дорог, и дело устроилось.

Началов, с которым я сблизился, однажды познакомил меня с безвестным тогда Пешковым.

Алексей Максимович, придя осенью 1891 года в Тифлис, устроился на службу с помощью наших железнодорожников.

Алексей Максимович с радостью воспользовался предложением поселиться в моей квартире, в одной из трех комнат, пока семья моя находилась на даче. Он перешел ко мне летом и жил в течение июня, июля и начала августа 1892 года. Одну комнату занял у меня Н. М. Флеров, корректор газеты «Кавказ».

В долгих беседах со мной Пешков не рассказывал о том, что пришлось ему претерпеть в жизни. Биографии своей почти не касался. Больше говорил о путешествии, о картинах жизни, о народе.

Он был хорошим рассказчиком, картинно и неподражаемо ярко передавал свои наблюдения, но лишь то, что складывалось в интересный эпизод. О мелочах не упоминал. Он больше касался живых, непосредственных впечатлений, творческими же темами и планами ни с кем не делился. Это все зрело в нем самом.

Когда беседы наши оживлялись воспоминаниями, я часто твердил ему: «Пишите, пишите вот так, как рассказываете, и у вас будут тысячи читателей». Это говорилось вообще, относительно всех его воспоминаний, наблюдений.

Я даже не расспрашивал Алексея Максимовича, когда видел, что он сам не хочет рассказывать. Единственное, что я внушал Горькому,— это уверенность. Человек он был не робкий, но уверенности в своих силах у него тогда не было, потому что не было и серьезного творческого опыта.

Позднее на одной из своих книг, присланной мне, Горький написал: «Сегодня исполнилось 9 лет с той поры, как напечатан был мой первый рассказ. Это случилось благодаря Вам, Александр Мефодиевич. Крепко пожимаю вашу руку, дорогой учитель».

Я думаю, что его благодарность ко мне выражена в таких теплых словах, идущих от широкой души, только потому, что я первый сказал ему: «Пишите, ведь вас будут читать тысячи, а вы все рассказываете». Какой же я учитель такого большого художника!

И я написал Алексею Максимовичу о том, что учителем для него было само природное дарование, и далее: «Дружба же ваша мне очень дорога: я чувствую действительно гордую радость вместе с чувством нежной благодарности. А это — жизненно. В самом деле: 11,5 лет тому назад в Тифлис пришел юноша большого ума и нежно чуткого сердца... Он не сознавал еще в себе огромных сил. Жизнь не баловала его, но он уже не боялся жизни и решил бороться в ее волнах за лучшую долю и себе и людям... Теперь я буду радоваться, что еще может быть целые годы моей жизни будут озаряться вашею дружбою. Моя душа для вас, дорогой и славный друг, открыта...»

Письмо это недавно я случайно встретил в одном из сборников материалов о Горьком, а так, конечно, оно не могло бы сохраниться в моей памяти.

В ту пору, когда Алексей Максимович жил в моей квартире, он однажды принес с собой «Этику» Спинозы.

Книгу Спинозы Алексей Максимович принес из библиотеки учительницы Ольги Кайдановой. Библиотека помещалась на Михайловской улице, в небольшом, довольно тесном помещении. Книг было тысячи три — четыре. Пешков некоторое время работал в этой библиотеке над вырезкой статей из старых журналов и подборкой их. Работа не оплачивалась.

Пользовался он также моей небольшой библиотечкой, сложившейся из самых различных книг.

Алексей Максимович писал тогда стихи, они удавались ему, отличались музыкальностью. Посвятил он одно стихотворение Тренюхиной — девушке, работающей в библиотеке Кайдановой,— и понес его, не показав мне. Помню еще стихотворение. Оно было на революционную тему, касалось русской молодежи. Я сожалею, что не переписал это стихотворение...

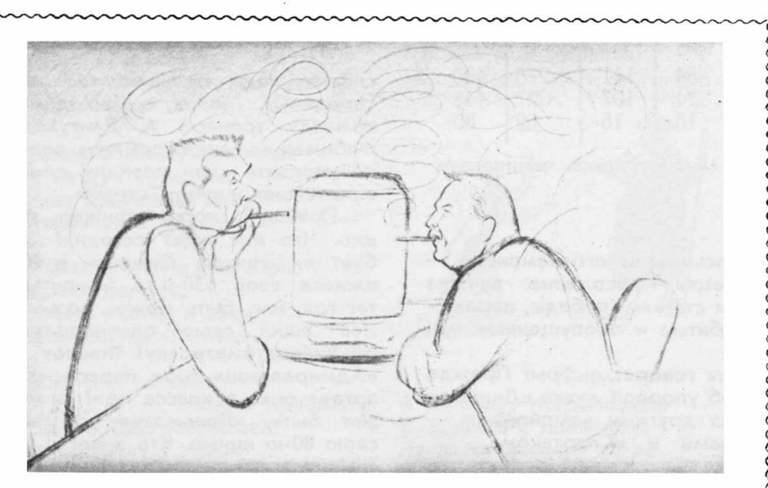
У Пешкова была еще тетрадка, заполненная, по-видимому, стихами. Но он никому ее не показывал. «Это, — говорил, — пустяки». И лежала тетрадь в котомке.

С рассказом «Макар Чудра» Алексей Максимович пошел в редакцию газеты «Кавказ» один. Я только предупредил моего приятеля журналиста Цветницкого. Псевдоним себе придумал Алексей Максимович сам. Потом он говорил мне: «Не писать же мне в литературе — Пешков?!».

Владимир Дмитриевич Цветницкий находился под надзором полиции. Давал уроки и подвизался в газете.

Встретившись с Горьким на улице, уже после того как рассказ был напечатан, Цветницкий обнял, расцеловал его и сказал: «Пишите»... И при мне потом повторял: «Он может писать, может писать»...

Осенью 1892 года Горький уехал в Нижний.

А. М. Горький и Демьян Бедный. Дружеский шарж В. Дени. Набросок. Из фондов Центрального Государственного архива литературы и искусства СССР.

Внучка о деде

А. М. Горький с внучкой Дарьей на Волге. 1934 год.

Мы сидим в доме Алексея Максимовича Горького и беседуем с его внучкой Дарьей Максимовной Пешковой, артисткой Театра имени Евг. Вахтангова.

Мы просим ее рассказать о своем великом дедушке.

— Мне было только девять лет, когда он умер, — сказала Дарья Максимовна. — Мои воспоминания могут показаться очень наивными. К тому же они и отрывочны.

Известно, что дедушка был очень организованный человек, строго соблюдавший режим дня. Вставал он в восемь часов утра, завтракал и до половины второго работал. В эти часы ему никто не мешал. Но нас он нередко пускал к себе и очень просто и понятно беседовал о своем прошлом, о том, как надо жить.

Дедушка очень любил огонь, и, когда мы жили в Крыму или в Горках, он ежедневно разжигал костры. Мы с сестрой принимали в этом деятельное участие, помогая ему собирать хворост, сухие листья. На костре варили картошку, пекли в золе яйца. И нам и деду это доставляло огромное удовольствие.

Помню, как в Горки приезжал Ромен Роллан и жил у нас.

Однажды поздно вечером, когда мы уже заснули, меня разбудили, одели и повели к дедушке. Я никак не могла понять, в чем дело. Оказывается, на дачу приехал кавказский ансамбль песни и пляски. В его составе было два мальчика, моих сверстника. Вот дедушка и решил меня с ними познакомить. Ромен Роллан был восхищен выступлением этого ансамбля. На нас большое впечатление произвели мальчики, которые лихо отплясывали лезгинку с кинжалами в руках и в зубах.

Живя летом на даче, дедушка любил ходить в лес за грибами. Он обычно брал нас с собой, учил запоминать грибные места, распознавать разные грибы. Он любил и птиц. Очень интересно рассказывал нам об их жизни. У нас в комнате всегда были клетки, в которых жили щеглы, чижи, дрозд. Мы сами за ними ухаживали, кормили, чистили клетки.

Он часто дарил нам книги. У нас была большая детская библиотека. Дедушка всегда требовал, чтобы мы ценили и любили книги. Бранил нас, когда видел, что мы неаккуратно обращаемся с книгой.

Он не любил дорогих игрушек. А когда мы жили в Сорренто, их у нас было много. Игрушки нам часто дарили приезжавшие к дедушке гости. Сам он дарил нам только игрушки, требующие труда: склеивания, сборки. Вообще считал, что игрушки полезны, когда они приучают детей ценить труд. Всячески поощрял самоделки. Когда мы уезжали из Сорренто, он не позволил везти с собой игрушки, и мы их роздали детям итальянских рыбаков.

Ко дню рождения дедушки мы с сестрой Марфой постоянно готовили ему сюрпризы. В этот день всегда бывали у нас гости, устраивались вечера. Дедушка любил всякую самодеятельность. Сестра хорошо рисовала. Он собирал и хранил ее рисунки.

Вспоминаю, как мы с сестрой выступали в день его рождения. Сестра была в русском сарафане, в платочке и, укачивая куклу, очень трогательно пропела колыбельную песенку. Дедушка даже прослезился. А я надела высокие сапоги отца, большую шапку и прочла стихотворение Некрасова «Мужичок с ноготок». Дедушка очень смеялся и сказал, что у меня хорошая дикция и что я буду актрисой. Его предсказание сбылось.

Однажды я сочинила пьесу, в которой, помимо других персонажей, были две волшебницы — добрая и злая. Решили ее сыграть. Мне как автору предоставили выбрать роль, и я взялась играть добрую волшебницу. А злую никто из ребят играть не хотел. Тогда нас выручил художник Павел Дмитриевич Корин: он решил сыграть эту роль. Но он так загримировался, что все участники спектакля перепугались, разбежались, и постановка не состоялась.

Когда дедушка жил в Крыму, он часто писал нам смешные письма. Вот одно из таких писем:

«Дорогие, милые мои девочки Максимовны. Что ж это вы все хвораете? По-моему, это даже стыдно!

Вот мне скоро уже сто лет, а я все еще прыгаю, как козел, помогаю чистить парк, жечь мусор, убирать камни. Когда вы приедете сюда — вы и не узнаете парка — так ловко мы его выбрили, выстригли, причесали. Вырубили и выкорчевали множество деревьев, истребили массу колючей травы и вообще — настряпали! Каждый день весь парк — после обеда и до чая — в густейшем дыме, одновременно горят пять — шесть костров, даже дорога из Фороса вся в облаках дыма. Я очень скучаю без вас, девохи, и очень жду, когда вы приедете...

Учиться успеете, вы еще очень молодые, вам еще придется жить лет девяносто, а чтоб прожить так долго, надобно беречь здоровье. А все, кто здоровья не бережет — могут завтра же умереть: автомобиль задавит или мухи съедят.

Меня очень обижают мухи, садятся на нос, кусают, мешают работать. Одна особенно надоела, я хотел ее, чертовку, поймать и — пролил чернила, опрокинув чернильницу.

До свидания, родные мои девчурахи!

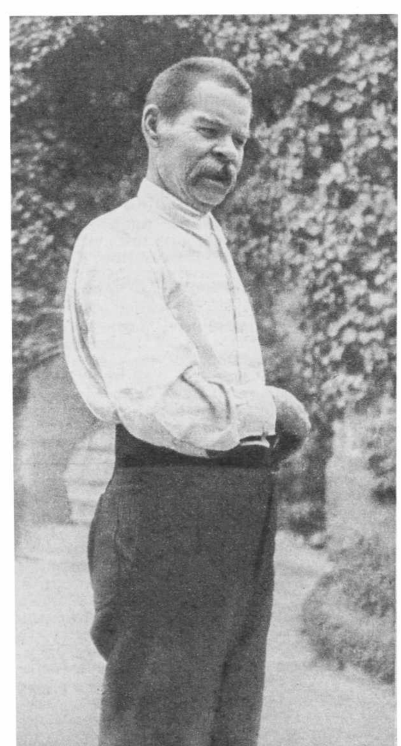
Будьте здоровы! Дед.»

Любил нас дедушка очень, и мы его так же. Его наставления и беседы о том, как надо жить, дали нам много.

М. АМШИНСКИЙ

Из архива «Красной Нови»

В архиве члена редколлегии журнала «Красная Новь» В. Н. Василевского (скончался в 1957 году) сохранилось много интересных документов, связанных с историей советской литературы. Мы публикуем неизвестное письмо А. М. Горького к А. Б. Халатову. В архиве сохранилась и малоизвестная фотография А. М. Горького, сделанная Б. М. Волиным в Сорренто в 1927 году. К фотографии Б. М. Волин в свое время приписал следующее: «Этот снимок мною сделан в одиннадцать часов утра. М. Горький много говорил о Советской России. Собирается в мае в Москву и намерен посетить Юг и Кавказ, где он когда-то работал. Думает пробыть до сентября. Бодр. В хорошем настроении. Много курит. Кашляет. Много работает и прекрасно ориентирован в советской литературе».

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОГО А. Б. ХАЛАТОВУ

Дорогой Артемий Багратович,
извините, что снова беспокою Вас. Необходимо обратить Ваше внимание на глубокую несправедливость, допускаемую кем-то по отношению к прекрасному писателю Сергееву-Ценскому.

Его повести, его роман печатаются в «Новом мире», рассказ в «Красной Ниве», роман «Воля» издан Госиздатом. Он превосходный техник, и литературная молодежь должна учиться по его книгам.

Но вот издательство «Мысль» хотело издать собрание его сочинений, издало уже один том, а остальные кто-то запретил издавать. Почему?

Если это — начало борьбы с «частником» и Госиздат сам хочет издать ценные книги — я понимаю. Но — так ли? Нет ли тут недоразумения, крайне обидного для автора?

И, затем, как все писатели, он живет исключительно на свой литературный заработок. Зачем обижать полезного и ценного человека, который уже почти 25 лет работает, переведен на европейские языки?

Очень прошу Вас, А. Б., обратите внимание на этот факт. Было бы крайне приятно видеть Ценского напечатанным в Госиздате так отлично, как печатается Мамин-Сибиряк, например.

Адрес Сергеева-Ценского: Крым, Алушта.

Простите за беспокойство.

До свидания. Крепко жму руку.

А. ПЕШКОВ

30.XII.27 г.
Сорренто.

Личная библиотека ГОРЬКОГО

Горький был человеком энциклопедических знаний, хотя и не получил законченного образования в учебном заведении. Школу и университет заменили ему книги. Они вошли в его жизнь очень рано, принеся с собой радость познания, сыграв исключительную роль в формировании мировоззрения.

Ненасытная страсть к чтению не оставляла Горького до последних дней его жизни. Об этом свидетельствует и личная библиотека, которую он подбирал десятилетиями.

Как сообщила нам жена Алексея Максимовича Екатерина Павловна Пешкова, уже в 1895 году, живя в Самаре, Горький имел библиотеку, умещавшуюся на небольшой этажерке и книжной полке. Начиная с 1896 года, когда писатель поселился с семьей в родном Нижнем Новгороде, количество принадлежавших ему книг стало быстро возрастать. Близко знавший Алексея Максимовича в то время В. А. Десницкий вспоминает: «Все новое, интересное, выходившее на русском языке, можно было найти в его библиотеке».

Свою книжную коллекцию Горький непрерывно пополнял, находясь и вдали от родных мест. Живя на острове Капри, в Америке, Финляндии, под Берлином, в Сорренто, он часто поручал родным, друзьям, издателям присылать необходимую ему литературу. Но переезды не способствовали закреплению фондов его библиотеки. Уезжая за границу, Горький не раз дарил большое количество книг различным культурным учреждениям Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода и Арзамаса. Одной только публичной библиотеке своего родного города он подарил около тысячи томов.

Таким образом, книги, хранящиеся ныне на московской квартире Горького,— это только часть той обширной библиотеки, которой он пользовался. Знакомясь с нею, мы видим, с каким неослабевающим интересом изучал писатель сокровища культуры.

Общее количество книг в личной библиотеке Горького, включая те, которые хранятся на подмосковной даче в Горках и в Тессели (Крым), где он часто отдыхал, превышает 10 тысяч. Широко представлены собрания сочинений русских и зарубежных классиков литературы, основные произведения советских писателей, лучшие исследования и монографии историков и теоретиков искусства. Специальный раздел по фольклору, этнографии и народному быту, выделенный самим Горьким, насчитывает около 600 томов сборников народных песен, легенд, сказок, пословиц, трудов многих фольклористов и историков. Писатель гордился своим собранием книг по фольклору и истории. Он писал поэту Дм. Семеновскому: «Вам, сударь, нужно приехать ко мне, у меня недурная библиотека по фольклору... да и по истории я не беден книгами».

Горький сохранил у себя много книг, подаренных ему собратьями по перу. В одном из шкафов наше внимание привлекли к себе девять красиво переплетенных томов сочинений А. П. Чехова. На титульном листе первого тома читаем следующие строки: «Милому другу Алексею Максимовичу Пешкову (Максиму Горькому) на память о ялтинской жизни в 1901—1902 г.г. от Антона Чехова, 19 октября 1902, Ялта».

Горький коллекционировал редкие, даже курьезные книги; он радовался, когда находил интересное старинное издание. Самая старая книга, которую мы обнаружили в его библиотеке, издана в 1767 году. Открывая тома с пожелтевшими корешками, читаем удивительные, оригинальные названия. Вот изданная в 1865 году книга И. Прыжова «Двадцать шесть московских лжепророков, лже-юродивых, дур и дураков», «Наставление господским крестьянским девушкам» Алексея Зилова, вышедшее в 1847 году. Тут же находим редчайшее сочинение, изданное в 1809 году: «Понсальвин, князь тьмы. Быль. Не быль. Однако ж и не сказка» — памфлет на князя Потемкина. В детском возрасте (мы знаем об этом по повести «В людях») Алексей Максимович читал книгу И. Калашникова «Камчадалка», изданную в 1833 году. Впоследствии он нашел ее у букинистов, снова перечел, оставив на полях многих страниц свои замечания.

Следы горьковского чтения, имеющиеся на многих книгах его библиотеки, важны для понимания взглядов писателя. Самые ранние пометки Горького мы увидели на страницах трех томов «Афоризмов и максимов» Шопенгауэра. Этот труд, судя по автографу-грифу, Алексей Максимович читал в середине 90-х годов прошлого столетия. Молодой Горький не смог удержать иронии, знакомясь с философией Шопенгауэра. Отчеркнув слова автора «Афоризмов и максимов» о том, что ради сохранения здоровья человек не должен ничем рисковать, Горький заметил: «И в результате получится свинья».

Читая предисловие Л. Толстого к сочинениям Эртеля, Горький коротко выразил свое несогласие с мыслью Л. Толстого, будто русскому народу глубоко присуще религиозное чувство.

А на экземпляре пьесы Л. Андреева «Анатема» Горький написал такое четверостишие:

В этой драме — все прекрасно!
Только — все извращено:
Все смешное в ней — ужасно,
Все ужасное — смешно.

Пометки Горького на прочитанных им книгах несут следы и его собственной творческой работы. Мы перелистываем изданную в 1932 году книгу А. Белого «Маски» — как много замечаний на ее полях! Многие выражения и слова из этого сочинения Алексей Максимович использовал в своей статье «О прозе» (1933 год), наглядно показывая в ней, как А. Белый засорял русский язык «словесным хламом». Внутри экземпляра «Масок» обнаруживаем листок, на котором Горький написал слова, по-видимому, имеющие прямое отношение к А. Белому: «Иногда невольно думаешь, что литераторы стыдятся простых мыслей».

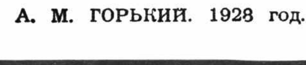
Характерными пометками Горького усеяны страницы книг А. Фадеева, Вс. Иванова, М. Шагинян, Н. Вирты, А. Прокофьева.

Многие пометки и замечания Горького на принадлежавших ему книгах позволяют проникнуть в творческую лабораторию писателя, помогают исследователям его литературного наследия расшифровать некоторые черновые рукописи, хранящиеся в Архиве А. М. Горького. Об этом говорит, например, такой любопытный факт. Готовя к изданию «Историю русской литературы», написанную Горьким в 1908—1909 годах, горьковеды обнаружили в черновой рукописи этого труда многие ссылки на страницы изданий разных произведений русских писателей 18—19 веков. Восстановить цитаты, которые Горький имел в виду, помогла его личная библиотека. Пометки на сохранившихся здесь книгах, которыми он пользовался при написании «Истории», совпали с отметками в черновой рукописи. В результате ценный историко-литературный труд Горького, ранее неизвестный читателю, был издан отдельной книгой.

Страстный библиофил, Горький не был книжным скопидомом. Охотно и щедро одаривал он книгами многих друзей и знакомых. Рассказывая кому-либо о понравившейся ему литературной новинке, он нередко тут же предлагал ее в подарок собеседнику. Особенно часто эту щедрость Горького ощущали писатели. «...У него была веселая манера дарить книги,— вспоминает Корней Чуковский.— Чуть заметит, что вы работаете над какой-нибудь темой, принесет вам из своей библиотеки книги, какие могут пригодиться для вашей работы, и, не говоря ни слова, мимоходом положит перед вами на стол. Мне, например, он подарил несколько книг по Некрасову, в том числе заграничное издание «Кому на Руси жить хорошо»., было похоже, что он раздает нам, подмастерьям, рубанки и молотки для работы».

Чтение неизменно доставляло Горькому высокое удовольствие. Книги были его близкими друзьями, о них он всегда говорил с волнением и энтузиазмом. Миллионы почитателей великого художника слова и сегодня помнят его мудрый завет: «Любите книгу — источник знания...».

А. ШУМСКИЙ,
кандидат филологических наук

А. М. ГОРЬКИЙ. 1928 год.

Фото М. Альперта.

В ГАНЕ

Около двух месяцев плывем океаном вдоль берегов Африки. Издали видна белая пена прибоя, оранжевый песок, тропическая растительность, бамбуковые негритянские деревни. Тропики, штилевой океан, жара, небо, удивительно меняющее цвета, особенно вечернее, для которого не хватает на палитре красок.

За несколько миль до Фритауна — города английской колонии Сьерра-Леоне — появились длинные узкие лодки, которые сопровождают судно до порта. Негры наперебой предлагают маленьких обезьян, изогнутые рога, охотничьи ножи в красивых кожаных футлярах, кувшины, вырезанные из кокосовых орехов. Наш рыболовный тральщик — целое событие: последний советский корабль побывал здесь семь лет назад.

Несмотря на период тропических ливней, наше прибытие вызвало большое оживление на пристани. С борта судна нам казалось, что вся земля покрыта зонтиками. Как бы ни был беден местный житель, у него всегда имеется зонтик: он боится дождей, несущих с собой болезни. Встречавшие были просто поражены, видя нас под дождем без зонтов.

Город оставляет впечатление большой деревни, вытянувшейся вдоль побережья и утопающей в тропической зелени. Жилища здесь без окон, построены из легких дощечек. Около них прямо на улице варят пищу. И тут же торгуют, продается здесь все: горсточка орехов, два — три банана, даже вид жилищ и пейзаж, если вы захотите их сфотографировать. Ребятишки бегут за вами толпой и просят купить обезьянку, безделушку или просто подарить им мелкую монетку. Нищета бросается в глаза всюду.

Но есть в городе и кварталы, где возвышаются белые здания английских административных учреждений и кварталы роскошных особняков — зоны, запретные для местного населения. Здесь живут 600 (!) англичан.

...Гана. Многими интересными встречами дорога для нас стала эта страна. Местные жители толпились у причала, все хотели попасть на пароход.

Полицейский, которого я рисовал, спросил о дальнейшей судьбе портрета. Я рассказал ему об огромном интересе советских людей к жителям Ганы. На следующий день он привел свою дочь и пояснил мне, что она послужит лучшим образцом местной красоты и уж пусть советские люди знакомятся с населением Ганы по портрету дочери, а не его. В другой раз мне пришлось рисовать пожилую женщину, служащую порта, но было уже поздно, и я попросил ее прийти завтра, чтоб закончить портрет. Она принесла огромную корзину апельсинов, манго и бананов и пришла с двумя братьями — все хотели представлять свой народ в Советском Союзе. Студенты, которые проделали большой путь, чтобы встретиться с нами, позировали четыре часа подряд под палящими лучами солнца...

Поднимаясь с друзьями в город, я разговорился со старым негром, живописно задрапированным в полосатую материю. Это был вождь племени. Человек с очень любопытной биографией, он знал даже немного русский язык. Это облегчило нашу беседу. В течение трех часов, пока я писал его портрет, вождь племени рассказал мне о молодых годах, о трудной жизни кочегара на пароходе, о своих скитаниях по разным странам и морям, в которых он провел больше чем двадцать лет. Служил он и на русских судах в годы империалистической войны, и потому сейчас его особенно интересовала жизнь советских моряков.

Местное население с большим вниманием относилось к моей работе. У меня вообще создалось впечатление, что народ Ганы очень любит изобразительное искусство: даже одежду они украшают живописными и графическими рисунками, иногда это пейзажи или сказочные картинки, даже портреты.

Настоящих друзей встретили мы в этой солнечной стране. Портреты многих с приветом советским людям привез я на Родину.

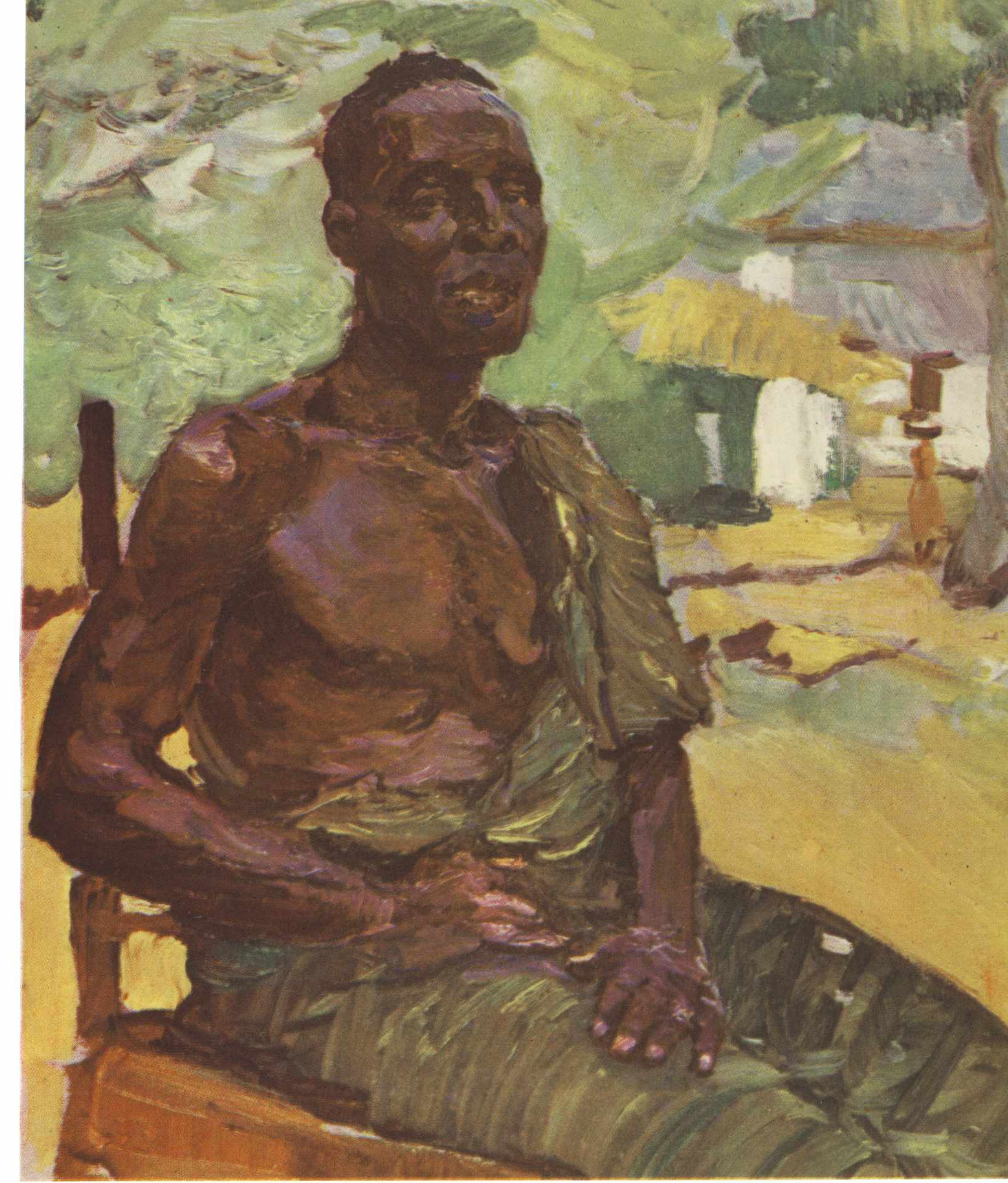
В. ЕЗДАКОВ

ВДОЛЬ БЕРЕГОВ АФРИКИ

Этюды В. Д. ЕЗДАКОВА.

У берегов города Фритауна. Колония Сьерра-Леоне.

Вождь племени. Гана.

Гибралтар осенью.

Студенты Аккры в гостях у экипажа советского судна. Они проделали путь в двести километров до Такоради, чтобы встретиться с людьми из Советского Союза.

В порту Такоради. Гана.

Документальная повесть

Андрей НОВИКОВ

Лейтенант погорячился

Один из трех заброшенных на территорию СССР, Виктор, приехав в Ростов, поселился у старушки, некогда владевшей пекарней. Вот уже второй день старушка порывалась что-то сказать Виктору — он это чувствовал,— но не решалась. Наконец она сказала:

— Знаешь что, сынок? Ты уж мне для порядку покажи свой паспорточек. Так-то оно спокойнее будет.

— С удовольствием, бабушка! Чего сразу не сказала? — с наигранной веселостью проговорил Виктор и протянул старухе свой паспорт.

Неграмотная старуха, повертев паспорт в руках, сказала:

— В грамоте я слаба, не привел господь. Я мигом до соседей дойду!

Виктор насторожился. Из окна он наблюдал, как старуха зашла в дом к соседям, а спустя несколько минут вышла оттуда в сопровождении молодого человека, по виду сверстника Виктора. Вернувшись к Виктору, она кивнула головой на пришедшего вместе с ней парня и сказала как бы в оправдание:

— Соседки дома нету, муж ее на работе. Так я уж вот этого парня попросила проверить. Он вроде тебя, тоже рыбку у нас в Дону половить приехал.

Старуха возвратила Виктору его паспорт.

— Я ей толкую, что все в порядке, — сказал пришедший парень. — Нет, говорит, пойдем со мною...

— Конечно, — перебила его старуха, — чтобы все было по закону. Теперь, сам понимаешь... — бормотала она, выходя из комнаты.

Виктору понравилось открытое лицо его сверстника. Парень стал прощаться. Уже в дверях он нерешительно обернулся и сказал Виктору:

— Коли вы рыбой интересуетесь, то можем завтра вместе поехать. Я тут места знаю. — Уходя, сосед приветливо улыбнулся.

— Спасибо, вечерком сговоримся.

Мелькнула мысль: «Завтра мне уезжать, старухе сказал, что приехал ловить рыбу, а сам ни разу даже не был на рыбалке. Это может показаться подозрительным. Пожалуй, надо воспользоваться предложением парня... В паспорте он ничего не заметил. Не так уж плохо делают их американцы».

Он вышел из дому и долго ходил по городу. Позже в одном из магазинов купил лески и крючки.

Вечером он зашел к парню и уговорился встретиться рано утром. Ночь Виктор проспал спокойно. На рассвете он почувствовал, что его трясут за плечо. Встрепенувшись, он уже было сунул руку под подушку, где лежал пистолет, но, увидев перед собой старуху, успокоился.

— Пора! — сказала старуха. — Вставай, а то всю рыбу проспишь. Счастливо тебе. Приноси, чтобы на неделю хватило, — смеясь, добавила она.

Виктор быстро оделся и, взяв портфель, с которым не расставался — там были деньги и шифровальные блокноты, — вышел как раз в ту минуту, когда сосед выходил из калитки своего дома. Они двинулись за город. По пути им встретился молодой парень — знакомый соседа,— которого звали Митей. Сосед пригласил и его. Почему-то Митя не понравился Виктору.

— Что это у вас снасть такая неважная? — сказал Митя.

— У меня еще в чехле удочки были, — ответил Виктор, — да в поезде забыл.

— Я вам свою одну удочку дам, — сказал сосед, — выручим товарища.

...Пришли к реке. Сосед-рыболов ловко приготовлял снасти. Виктор заметил, как Митя запутал леску и с трудом справлялся с ней. Закидывая удочку, он чуть не задел Виктора. Виктор стал внимательно следить за поведением Мити. Все больше и больше не нравилась Виктору эта рыбная ловля. Его мало огорчало, что не было ни одной поклевки, тревожило то, что очень уж часто поглядывал на него Митя.

— Что-то не клюет, — сказал Виктор, — я пойду накопаю свежих червей. — А сам в это время думал вовсе не о червях.

— А где же тут черви? — спросил Митя.

— А вот возле дома бакенщика хлев стоит. Там наверняка есть.

— Пожалуй, и правда надо подкопать, — сказал Митя, — я пойду с вами. Да вы портфель-то оставьте, — посоветовал он Виктору.

— Да ладно уж! У меня там баночка для червей, — ответил тот после паузы.

Подходя к дому бакенщика, Виктор волновался. Сомнений быть не могло. Надо уходить.

Виктор завернул за угол дома и, увидев лодку, опрометью бросился в нее. Оттолкнувшись от берега, он начал быстро грести к середине реки. Виктор видел, как, бросив лопату, Митя подбежал к воде и бросился вплавь догонять лодку. Теперь сомнений не было. Митя подплывал все ближе и ближе, тогда Виктор выстрелил. Очевидно, преследователь был ранен: Виктор заметил, как вяло задвигались у него руки. Но на берегу был еще «сосед». Виктор поднял голову: пламя из дула пистолета «соседа» было последним, что он увидал.

В излучине реки показался глиссер. Выскочивший на берег майор Бакланов и несколько оперативников склонились над раненым чекистом. Вскоре к берегу подтащили лодку. В ней лежал Виктор. Пощупав пульс Виктора, Бакланов сказал:

— Мертв. Как же вы так, товарищ Потапов? — сказал он, обращаясь к «соседу». — Поторопились... Наповал уложили.

— Не рассчитал, товарищ майор, — оправдывался чекист.

— Ведь мы договорились, спокойнее, не торопиться... Важно было узнать, для чего он приехал в Ростов.

Майор минуту подумал и продолжал:

— Очевидно, вели себя неосторожно, шпион заподозрил что-то. Чего ради он в лодку прыгнул? Ваш помощник — человек молодой, посматривать надо было за ним. — Бакланов повернулся в сторону, где перевязывали раненого. — Как у него дела?

— Ничего опасного, — ответил один из сотрудников, перевязывавший Митю, — крови много потерял.

К месту происшествия собрались люди, рыбалившие поблизости в это воскресное утро. Один из них, толстячок в сетчатой рубашке и соломенной панаме, разглядывал внимательно труп Виктора.

— Стойте! Стойте! — прокричал толстячок. — Я же его вчера видел на свалке, когда ходил копать червей.

— На какой? — Бакланов даже привстал. — Где эта свалка?

— Да вон там. — Толстяк махнул рукой в сторону города.

— Садитесь на катер. Поедемте,— попросил Бакланов.

— А как же?..— Толстяк показал на удочки. — Там же не клюет. — Потом, сообразив, добавил: — Да что я говорю! Конечно, поедем.

— Может, и клюнет, — ни к кому не обращаясь, сказал майор.

Вместе с оперативниками толстяк направился к катеру, закричав кому-то оставшемуся на берегу:

— Сенька! Смотри, лески не запутай! Да подсекай порезче! — Голос его потонул в шуме мотора.

Ни фальшивые документы, извлеченные из карманов Виктора, ни яд, ни блокноты с шифрами пока не давали возможности напасть на след других заброшенных шпионов. Зато в записке, которую нашел майор в тайнике на свалке, было написано: «Карл! Уезжаю 2 ноября. Как уговорились, еду на юг. Там — на базаре».

А жизнь идет

...Кравец едет в Харьков. А навстречу ему мчатся поезда, везущие тракторы, уголь, нефть.

Сама жизнь проносится перед его глазами.

На станции он долго и пристально рассматривает новый самоходный комбайн, не интересующий, конечно, американскую разведку.

В Харькове живет человек, школьный товарищ, которому он всегда верил безгранично. В годы детства его слово было для Владимира почти законом.

Поезд пришел в Харьков перед рассветом. На привокзальной площади Кравец осмотрелся. Двинулся вдоль по улице; никто не преследовал его. Он долго бродил по городу, прошелся вдоль ограды парка Шевченко. Ноги после бессонных ночей гудели, словно налитые свинцом. Как приятно легла на лицо мелкая водяная пыль от прошедшей поливочной машины! Проехали автомобили с надписями «Хлеб», «Молоко». Город просыпался. Открывались булочные, спешили на занятия студенты. В здание школы прошли ребята. Кравец вспомнил недавнее посещение Первомайска. Мальчонку с мокрым чубом, пса, который заворчал на него, едва паренек шепнул ему: «Чужой».

«И это в родном-то доме...» — подумал Кравец.

Он много поездил за эти дни, многое повидал, разговаривал с самыми различными людьми. Присматриваясь к Харькову, он подумывал о том, чтобы обосноваться здесь, устроиться учиться, достав предварительно какие-нибудь документы. Не раз за эти дни он уже решал было порвать заграничные связи и зажить спокойно. Порой у него мелькала мысль, что его могут разыскать американцы, хотя он и понимал, что это почти невозможно. С другой стороны, он постоянно боялся попасть в советскую контрразведку. Отец, конечно, сказал бы: «Будь как будет». Но сын был не таков. Он мучительно искал выхода.

Кравец долго стоял возле здания с вывеской «Технологический институт». Ему безумно захотелось войти внутрь...

...Алексей встретил его радушно. Они вспоминали, как играли на берегу Буга в военные годы, как чуть не погибли оба, возясь с неразорвавшимся снарядом.

Кравец оглядывал комнату Алексея. Скромно, чисто; чертежный стол, рейсшина. Оказывается, Алексей не только работает на тракторном заводе, но и учится.

— Институт отбирает все вечера, — пожаловался он полушутя.

«Пусть бы он у меня отнял треть жизни», — подумал Кравец.

Они пошли посидеть в кафе «Заря»: больших ресторанов Кравец избегал. Он рассказал Алексею длинную, выдуманную им историю о тех годах, в течение которых они не виделись. Разговор снова перешел к сегодняшней жизни.

— А ты неплохо устроился, — сказал Кравец.

— Устаю немного. Нелегко работать и учиться. А впрочем, ничего, — засмеялся Алексей.

После нескольких рюмок разговор стал откровеннее.

— Ты когда-нибудь размышляешь о том, что будет с тобой, ну, скажем, через два — три года?—

Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 11 и 12.

спросил Кравец. — Как сложится твоя судьба?

— Нет, — откровенно сказал Алексей; он был немного обескуражен таким вопросом. Потом, подумав, добавил: — Нет, я, конечно, размышляю... Об экзаменах, о том, что буду делать на новой работе, когда кончу институт.

— Ну, а вообще?

— А что вообще? — недоуменно спросил Алексей. — О чем я должен думать?

— Ну, скажем, если изменится политическая ситуация?

— А как это она может измениться?

— Ну, власть, предположим?

— Что?! — Алексей громко расхохотался. Он посмотрел на Кравца и засмеялся опять. — Власть! Ха-ха! Знаешь, Володька, — сказал он, положив руку на плечо Кравца, — это тебе какой-то кретин там в лагере наговорил, а ты повторяешь. Да ты посмотри, что делается в стране. А заводы, целинные земли!.. Да ну тебя к бесу! Что я буду объяснять, ты же парень с головой, не хуже меня все видишь.

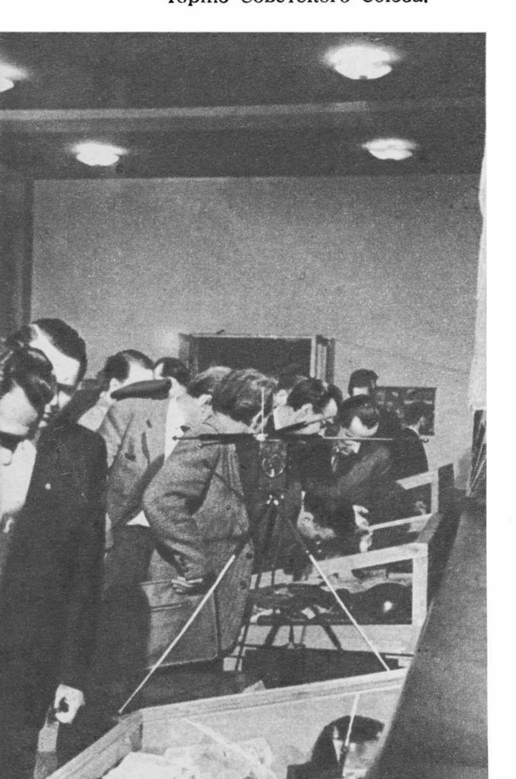
— А все-таки, — не отставал Кравец.

— Да ты что, разыгрывать меня взялся? Вон смотри, наши ребята идут, только не вздумай при них ляпнуть: на смех поднимут.

Ребята подошли. Кравец познакомился с ними. Каждый оживленно говорил теперь о своих делах, потом загорелся спор о последнем фильме. Порой все тонуло во взрывах хохота. Незаметно для самого себя Кравец стал как бы членом их дружеского кружка. Ребята даже подняли тост за его здоровье. Никогда в жизни у него не было такого прекрасного вечера. Он забыл, кто он и что. В эти минуты из головы вылетели страх, вечное сознание опасности, подстерегавшей его на каждом шагу — может быть, даже у входа вот в это кафе. «Это здорово — быть среди таких ребят, — думал он. — Жить и работать с ними».

Только один раз Кравец встрепенулся, когда кто-то из парней назвал количество тракторов, которые их завод выпускает в месяц. Но тотчас же он попытался выбросить из головы эту цифру. Нет, он уже не мог воздвигать невидимую стену между собой и этими ребятами, их веселыми улыбками и светлой жизнью. О, как мешала ему эта цифра! Она способна была отравить весь вечер.

«К черту ее, к черту!» — мысленно твердил Кравец.

Журналисты на пресс-конференции в Берлине рассматривают образцы шпионского снаряжения, с которым были заброшены шпионы на территорию Советского Союза.

Снова в пути

С вокзала он все же послал открытку в разведывательный центр. Кравец долго стоял в нерешительности перед почтовым ящиком. Мучительные сомнения не прекратились и после того, как открытка исчезла в узкой прорези. В ней тайнописью он сообщал о трудностях, связанных с легализацией, и цифру, услышанную в кафе. Кравцу невдомек было, кто и с какой целью подсказал ему эту далекую от действительности цифру. И все же грустно было покидать Харьков. Мучительно тяжело расставаться с ребятами. Он снова остается один, со своей неприкаянностью, страхом, сомнениями, отравляющими мозг.

Все чаще приходила мысль о невыполнимости полученных от американской разведки заданий. «С кем их выполнишь?» — спрашивал себя Кравец. — С Алексеем? Смешно! Даже Олечка выдала бы его чекистам через пять минут». Он вспоминал инструкции, в которых говорилось о том, кого и как надо вербовать. «Попробуй подступись к ним!»

Проезжая Ростов, Кравец только мельком взглянул из окна на здание вокзала и отвернулся. «Уже пятое число. Поздно», — подумал он.

...Гуляя по Тбилиси, он вдыхал аромат этого веселого города. Порой ему хотелось остаться тут навсегда. Жить, как живут здесь все. И обязательно учиться.

О том, как тяжело все-таки будет жить с таким камнем на сердце, думать не хотелось. «Может быть, потом пойду с повинной, простят за давностью», — мелькало иногда в голове. Теперь он отчетливее начинал понимать, насколько был обманут.

Шалва, у которого он поселился в Тбилиси, не очень интересовался, чем занимается Кравец. Это был добродушный пожилой человек, на животе которого с трудом сходился серебряный кавказский поясок. Жена его, тихая женщина, целый день занималась многочисленными детишками. Кравец никак не мог сосчитать, сколько же их в семье, да и легко было спутать их с соседскими детьми.

Он долго ходил по базару, а Виктора все не было. Кравец побывал в музее. Поднимался на фуникулере в парк. Подолгу бесцельно следил за стремительно проносящейся в каменной котловине Курой.

Кравец снова возвращался на базар.

Виктора не было.

«С ним, очевидно, что-то случилось, — думал Кравец. — А что? То же, что может произойти и со мной в любую минуту. Может быть, бросить все? Двинуться на границу, перебраться на турецкую сторону, сказать первому попавшемуся офицеру, что я агент «Карл», назвать ему пароль «Демир топрак» («Железная земля»), и все... Переправят в американское посольство. Нет... Это все нервы».

Его уже несколько дней не покидало предчувствие недоброго, то и дело казалось, что чей-то взгляд следит за ним. Кравец мгновенно оборачивался, поблизости никого не оказывалось. «Это просто нервы, — думал он. — Надо держаться».

Иногда ему казалось, что его схватят сейчас, стоит только повернуть за угол. «Ну и пусть, — думал он, — теперь все равно. Может, и лучше: короче будет дорожка, не навек же посадят».

Взять с поличным

Майор Бакланов доложил по телефону в Москву о том, что Кравец слоняется по Тбилиси, видимо, в ожидании Виктора.

— Какие у него еще намерения? — спросил генерал.

— Ни с кем больше не встречается. В чемодане привез с собой рацию, которую спрятал в тайнике за городом.

— Если он приехал в Тбилиси только ради встречи с Виктором, тогда надо его брать, — сказал генерал. — Хорошо бы с поличным...

...Расстроенный, возвращался вечером домой Кравец.

В доме Шалвы шел пир, был канун седьмого ноября.

— Где ходишь весь день? Садись скорее за стол! — кричал подвыпивший Шалва. — Праздник! Гулять надо. Налейте гостю штрафной!

Постепенно выпитое вино и царившее вокруг веселье успокоили Владимира. Он вышел во двор подышать свежим воздухом и вдруг заметил мелькнувшую тень.

«Не может быть!» — подумал он. Осторожно выглянул за ворота. Никого нет.

С утра он ходил по праздничным улицам города, разукрашенным плакатами и цветными гирляндами. Кругом было веселье, смех, песни. Люди шли и шли по проспекту, и казалось, не будет конца этому людскому потоку.

...Был разработан и приведен в действие план захвата шпиона с поличным. Именно вещественные доказательства, арест во время выполнения шпионского задания, могли дать материалы для обвинения. Важно было поставить американского агента в положение, при котором он не сможет отрицать свою вину во время следствия.

В этот день кое-кому из оперативных работников пришлось распрощаться с надеждой посидеть за праздничным столом в кругу семьи.

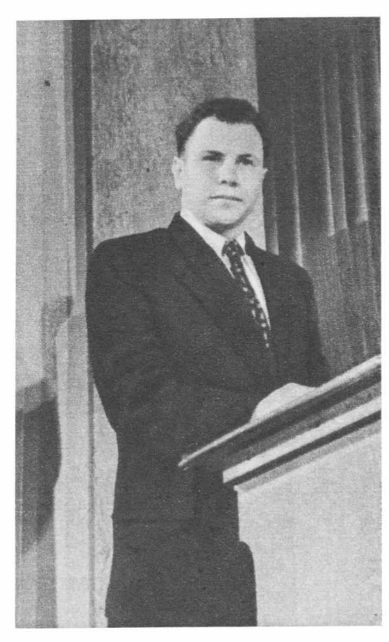
Вечером в городе зажглась иллюминация. Каскад огней струился с вершины горы Давида. Повсюду звучала музыка.

Кравец пробрался к своему тайнику на окраине города. В лесочке было темно. Вдалеке над городом светились облака. Вспышки салюта то и дело озаряли небосвод. Кравец огляделся. Никого. Выкопав рацию, он готовился передать радиограмму в центр о невозможности работать.

«Стоит ли передавать? Может, просто послать их к черту? А Рочестер, Гаррисон?»

Антенна заброшена на дерево, проверено напряжение. Подходит условленное время. Кравец на мгновение представил себе радиста, с которым он около года тренировался, не видя его никогда.

Кравец положил перед собой бланк радиограммы. Первая группа букв во второй строке пропущена, — это означает, что он работает не по принуждению чекистов, что с ним все в полном порядке...

В. Кравец выступает с заявлением на пресс-конференции в Берлине.

Шпион протянул руку к ключу.

Словно стальные тиски сдавили запястье.

— Спокойно! — услышал он за спиной.

Мгновенно были вывернуты все карманы, прощупан воротничок рубашки.

Шпион еще не успел разглядеть тех, кто так бесшумно и ловко схватил его с поличным.

— Куда его, товарищ майор?

— В машину... Мы пока останемся здесь.

...Спустя некоторое время Бакланов доложил о захвате шпиона.

— Кравец сообщил, что с ним был еще Николай, — сказал Бакланов. — Разрешите доложить намеченные мероприятия по его розыску.

— Операция с Николаем уже закончена, — прервал Бакланова генерал. — Берите с собой Кравца и возвращайтесь в Москву...

Искупить вину

— Что со мной будет? — спросил Кравец после допроса.

— Это зависит от вас. — Майор Бакланов минуту подумал и продолжал: — Вы же сами показывали, что вас должны связать с двумя другими агентами. Вот и подумайте, что вам делать.

Он думал всю ночь, потом целый день. Ходил из угла в угол по камере, ломая голову над тем, как ему быть. Было ли предательством то, что он собирался делать? Кого он мог предать? Людей, которые сделали ему так много зла? По вине которых он попал за эту решетку? Сейчас ему было не жаль тех, кто растлил его душу, когда ему еще не было и восемнадцати лет.

Если он хочет искупить вину хоть в какой-то мере перед страной, которую он начал считать своей настоящей родиной, то должен это сделать. В конце концов плевать ему на американцев. Он хочет здесь жить.

— Я знаю, что я должен сделать. И сделаю все, чтобы искупить свою вину, — сказал он майору.

Антенна направлена на запад.

Передатчик наготове, проверено напряжение. Перед Кравцом лежит бланк зашифрованной радиограммы. Первая группа букв во второй строке пропущена. Дальше идет зашифрованный текст о том, что с ним все благополучно, что работа начата. Сведения «военного» порядка записаны им под диктовку майора Бакланова.

Кравец положил руку на ключ. Взглянув на часы, Бакланов кивнул ему головой.

— Ну! Давайте! Не зря же вас там обучали!

Кравец усмехнулся. Запищала морзянка. Неизвестный Кравцу в лицо радист, так много тренировавшийся с ним и знающий его радиопочерк, должно быть, одобрительно кивнул головой. Убедившись, что это работает «Карл», он начал записывать текст радиограммы.

С того дня «Карл» часто выходил в эфир. В американском разведцентре были очень довольны его информацией. Она докладывалась высокому начальству, в ответ «Карл» получал благодарности и даже был извещен, что за отличную работу на его счет положена некоторая сумма.

Игра эта длилась долго, пока наконец...

Из разведцентра передали, что Кравцу предстоит встретиться с двумя другими агентами. Они передадут ему деньги, а он, в свою очередь, должен связать их с людьми, способными разведать расположение советских ракетных площадок. Надо было подыскать еще и таких людей, которые знакомы с производством ракет,— это было главное, что интересовало американцев, и об этом они запрашивали уже неоднократно. Кравцу были сообщены клички и приметы агентов, которые должны будут с ним встретиться. Одного из них, Дрейка, он знал еще по занятиям в разведшколе. Кравец условился о пароле, дате и месте встречи.

Имя Дрейка насторожило сотрудников Комитета госбезопасности. Если это был тот самый Дрейк, он знает Кравца лично. Это усложняло операцию по поимке шпионов: в ней должен был участвовать сам Кравец.

За три дня до условленной встречи оперативная группа вылетела из Москвы. Сидя в самолете, Кравец рассматривал бегущие внизу поезда, караваны барж, поля, обнесенные квадратами лесозащитных полос.

Вот оно, то место, где ночью Кравец выбросился на парашюте. Он вспомнил темный фюзеляж старого бомбардировщика, понурые, молчаливые лица своих напарников. Сейчас в кабине было тепло и уютно. Кравец попивал чай, перелистывая страницы журнала. Самолет сделал вираж над морем и пошел на посадку.

...Еще и еще раз оперативные работники исследовали пункт встречи. Точно были распределены места и обязанности каждого. Предусматривая всевозможные варианты, сотрудники разрабатывали дополнительные меры предосторожности. Почтамт, где должен был встретиться Кравец с агентами, был людным местом. Приходилось думать о безопасности посетителей, которые будут находиться в зале почтамта во время встречи. Заподозрив что-либо неладное, шпионы могли затеять перестрелку.

Кравец подходил к почтамту, неся в руках, как это было условлено, большой голубой конверт. Он не заметил, как еще на улице двое ожидавших его шпионов пристально наблюдали за ним. Они проверяли, один ли он идет, нет ли за ним слежки.

Ровно в назначенное время Кравец вошел в здание почтамта. В зале было полно народу. Он узнал нескольких человек, летевших вместе с ним из Москвы. Один был равнодушен ко всему окружавшему, увлеченный упаковкой фруктов. Другой помогал старичку заполнить телеграфный бланк. Третий считал деньги у окошка. Кто-то писал письмо.

Кравец волновался. В случае какого-нибудь осложнения ему могла достаться первая пуля. «Но я же шел на это?.. А может быть, меня вызвали сюда для того, чтобы рассчитаться?» — мелькнуло в голове. Он тотчас же отбросил эту мысль и успокоился. Здесь вокруг были люди, которые не дали бы его в обиду.

Кравец стоял, погруженный в свои мысли. Он даже чуть вздрогнул, когда услыхал над самым ухом пароль:

— Если отправить в Архангельск фрукты, не испортятся?

— Если авиапочтой, то, безусловно, нет, — ответил на пароль Кравец.

Рядом с ним стоял незнакомый человек. Второго не было. Кравец чуть не спросил: «А где же Дрейк?», — но вспомнил, что это может насторожить агента.

— Пойдем, — предложил Кравец.

— Да, тут народу полно, — согласился незнакомец.

Пока они шли по улице, разговор шел на вполне безобидные темы.

Кравец не видел Дрейка, неотступно следовавшего за ними, подобно ищейке вынюхивавшего все вокруг.

Майор Бакланов успокоился только тогда, когда ему доложили, что находившийся на почтамте Дрейк двинулся вслед за Кравцом и его новым «знакомым». Приметы Дрейка ранее сообщил Кравец.

На морском вокзале толпились отдыхающие. Несколько парней сошли с подошедшего к пирсу прогулочного катера. Мальчишки, распластавшись на животах, смотрели в подернутую масляными кругами воду, ожидая, когда беспечный бычок заглотает наживку. Девушки не решались взять билет на пароход: уж очень качает на волнах.

В зале ресторана морского вокзала посетителей было немного. Кравец и шпион заняли столик в углу. Недалеко сидели трое мужчин и, заканчивая обед, весело о чем-то разговаривали. В стороне лежали войлочные шляпы, сумки, в которых виднелись груши. Было занято еще несколько столиков.

Кравец хотел было уже спросить о Дрейке, когда шпион, кивнув в сторону, проговорил:

— А вот и он.

Присев и едва поздоровавшись, Дрейк начал говорить о предстоящих делах. Беседу прерывал подходивший официант. Дрейк заметил, как странно рассечен у него подбородок. Когда-то мать говорила ему: «Не верь людям с таким подбородком». Он тут же перестал об этом думать, поглощенный деловым разговором. Выпили за встречу, потом за удачу в делах. За соседним столиком трое мужчин, расплатившись с официантом, поднялись. Они проходили мимо их стола, когда Дрейк увидал, как схватили за руки его напарника. Сам он не успел и шелохнуться. Одно только мгновение была свободна левая рука, но официант с рассеченным подбородком, как тисками, сжал ее. «Вот и все»,— подумал Дрейк.

Он увидал спокойно сидящего Кравца, которым никто не интересовался.

— Продался! Сволочь! — закричал Дрейк.

Бывший шпион Кравец усмехнулся...

Перед мировой общественностью

Была ранняя весна. Зазеленела травка на берлинских улицах. Развалившись в вольере, нежились на солнце любимцы жителей Берлина — два медведя. В парках пели птицы. Кравец ходил по городу, вдыхая запах весны. Он любовался новыми домами, разглядывал прохожих, витрины магазинов.

В назначенное время он вошел в огромный зал, переполненный журналистами. Зал был заставлен штативами теле- и кинокамер. Вспыхивали лампочки фотокорреспондентов, шумела разноязыкая журналистская толпа. Началась пресс-конференция, и Кравец услышал, как застрекотали камеры, увидел, как забегали карандаши по страницам блокнотов. Подошла его очередь. Кравец поднялся на трибуну.

Он волновался, но после первых слов успокоился, услыхав, как ровно и уверенно звучит его голос.

— Я один из тех молодых перемещенных советских граждан, которых американская разведка толкнула на путь шпионажа и диверсий против Советского Союза. Но сегодня, надо полагать, она исключит меня из своей картотеки как агента, не сумевшего оправдать ее надежд. — Вот уж где он мог высказать все, что у него накопилось! Он говорил на весь мир, и голос его звучал все увереннее... — Вы понимаете, что таким прожженным шпионам нетрудно было меня опутать... — Заканчивая речь, он сказал: — Однажды после передачи мной очередной военной «информации», составленной на основе богатого воображения, американцы сообщили мне, что я буду за такие сведения награжден. Думаю, что мои бывшие начальники из американской разведки, подготовившие такого агента, как я, также не останутся без «наград».

Потом Кравец отвечал на вопросы, совсем забыв, как он волновался, входя сюда.

* * *

Мы идем по заводскому двору. Здесь работает Владимир Кравец, по вечерам учится, готовится поступить в институт.

Рабочие шли после конца смены.

— А вот и Кравец, — сказал представитель завкома, знакомя меня с ним.

Мы начали разговаривать.

— Володя, ты недолго! — крикнул кто-то из группы молодых людей, проходивших мимо. — Я на сеанс в пять тридцать билеты взял. Не опаздывай!

Мы прошли с Кравцом в читальню. Уселись в уютном уголке, и он поведал мне о своем тяжелом прошлом.

Передо мной сидел один из трех, о которых мне подробно рассказывал майор Бакланов.

На пресс-конференции в Берлине.

ГРАМОТА ИМЕНИ ЧЕРЕПАНОВЫХ

ГРАМОТА
имени
русских изобретателей-тагильчан
Е. А. и М. Е. Черепановых

Тагильская грамота имени Е. А. и М. Е. Черепановых.

В центре Нижнего Тагила на мраморном постаменте установлена бронзовая скульптурная группа. Она изображает выдающихся механиков Ефима и Мирона Черепановых, крепостных уральского заводчика Демидова. Город чтит память народных умельцев. На почетном месте в краеведческом музее стоит точная копия первого в России паровоза, созданного Черепановыми, а Нижне-Тагильский городской Совет и горком партии учредили в честь своих знатных земляков специальную грамоту, которой награждаются лучшие новаторы предприятий города.

Почетной грамотой имени талантливых русских изобретателей Черепановых награжден недавно старший мастер сталеплавильного отделения Уралвагонзавода Степан Барин. В № 52 журнала «Огонек» за 1955 год уже рассказывалось о том, что сталевары восьмой печи Уралвагонзавода, применив новый метод футеровки электропечей, предложенный С. Бариным, обязались в честь XX съезда КПСС довести количество плавок без ремонта печи до десяти тысяч. Многим тогда не верилось, что можно достичь таких невиданных в истории металлургии показателей. Ведь еще недавно больше 70—80 плавок в кампанию никакая электропечь не выдерживала...

А восьмая электропечь выдала четырнадцать тысяч плавок и продолжает работать без капитального ремонта уже более шести лет. И не одна она. Свыше десяти тысяч плавок в кампанию дали пятая и седьмая электропечи.

Много нового произошло и в жизни самого автора «вечной футеровки» за истекшие два года. Он побывал на Всесоюзном совещании рационализаторов и изобретателей, немало потрудился над специальным кинофильмом, посвященным пропаганде его метода, а в этом году заканчивает вечернее отделение машиностроительного техникума... Метод Степана Барина уже перешагнул цехи Уралвагонзавода, начал применяться на ряде других заводов Советского Союза, крепко заинтересовались им и за рубежами нашей Родины — в Чехословакии, Польше, Китае...

Познакомились мы в Нижнем Тагиле и с другим обладателем черепановской грамоты — Аркадием Сабениным, мастером скоростной проходки горных выработок рудника «Третий Интернационал». Разработанные им новые приемы позволили увеличить скорость проходки в полтора — два раза. Не так давно Сабенин побывал в Китае и передавал там свой опыт китайским горнякам. Китайские друзья оказались на редкость любознательными и способными учениками. Как драгоценную реликвию хранит сейчас Аркадий Сабенин алое шелковое знамя, которое он привез с собой из Китая. Это знамя было присуждено проходчику Ан Гуану за высокие показатели в труде. Ан Гуан подарил его своему советскому другу.

Более ста миллионов рублей сберегли государству нижнетагильские рационализаторы и изобретатели за последние два года. За это время 315 лучшим новаторам вручены почетные грамоты имени Черепановых.

А. ГРИГОРЬЕВ

Автор «вечной футеровки» электропечей С. Барин.

Они узнали правду

История этой фотографии не совсем обычна. Вокруг алжирского знамени запечатлены шесть венгерских юношей. Снимок сделан в Алжире. Обманутые клеветнической западной пропагандой, эти юноши в ноябре 1956 года отправились искать счастья в обещанном им западном «раю». Судьба их оказалась весьма обычной: чтобы не умереть с голоду, они согласились вступить во французский Иностранный легион и были немедленно отправлены на подавление национально-освободительного движения в Алжире.

Быть палачами алжирских патриотов молодые венгры не захотели. Выбрав удобный момент, они бежали из легиона и перешли на сторону алжирских борцов за свободу, которые предоставили им убежище и помогли перебраться в Марокко.

Юноши направили письмо венгерскому радио с просьбой рассказать всем об их горьком опыте. Они просят помочь вырваться из ада и другим венгерским юношам, которые все еще томятся в казармах Иностранного легиона.

С глубокой благодарностью вспоминают они простых людей Алжира, принявших в них самое теплое участие.

«Это связало нас навеки. О храбрых алжирских солдатах, о гостеприимстве простых жителей гор и Сахары мы будем рассказывать всем, когда вернемся на родину»,— так заканчивается письмо венгерских юношей, желающих честной работой загладить свою вину перед родиной.

Венгерское правительство разрешило этим юношам вернуться на родину.

Е. ТУМАРКИНА

Госпитали для Бирмы и Камбоджи

Проект главного входа в госпиталь, сооружаемый в городе Таунджи (Бирма).

Всесоюзный государственный проектный институт Министерства здравоохранения СССР заканчивает проектирование госпиталей, которые будут построены в Бирме и Камбодже. Директор института М. П. Перепелицына сообщила корреспонденту «Огонька»:

— Госпиталь в Бирме решено строить на окраине города Таунджи, на небольшой возвышенности, среди яркой тропической зелени. Он рассчитан на двести больных.

Проект учитывает климатические условия Бирмы. Пятиэтажное здание повернуто фасадом не на юг, как это делается в нашей стране, а главным образом на северо-восток, с тем чтобы избежать палящих солнечных лучей. С этой же целью окна скрыты специальными козырьками и затянуты тонкими сетками — защита от насекомых. Все лечебные корпуса, оборудованные по последнему слову медицинской техники, соединяются между собой и со зданием кухни открытыми галереями с крышей, с тем чтобы госпиталь мог нормально работать во время тропических ливней, когда движение по улице затруднено.

К строительству госпиталя приступят в этом году. Работы будет вести бирманская строительная фирма при консультации и техническом надзоре со стороны советских специалистов. Проектное задание уже одобрено бирманской правительственной комиссией, и в ближайшее время заканчивается составление рабочих чертежей.

Одновременно институт ведет также проектирование госпиталя и для Камбоджи, который будет строиться в столице государства — городе Пном-Пень — в новом городском районе.

Этот госпиталь предназначен для пятисот больных, столько же человек в день смогут посетить поликлинику при госпитале. Кроме обычных отделений, здесь откроют радиологическое, которое оборудуется мощными гамма-установками.

В ближайшее время советские специалисты выедут в Камбоджу, где согласуют проектное задание с представителями правительства.

Я. ЯКОВЛЕВ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ПРО ЗАЖИГАЛКУ»

Под таким заголовком была в № 5 нашего журнала опубликована статья, в которой высказывалось мнение о том, что пора наладить массовый выпуск зажигалок.

Выступление журнала вызвало многочисленные отклики читателей. «Все правильно в статье и заслуживает всяческого одобрения,— пишет из Сталинграда подполковник запаса Г. И. Сомов.— Нужны нам хорошие зажигалки: и простые, дешевые, и подарочные». Та же мысль выражена в письмах А. И. Нилова из села Роменье, Шаховского района, Московской области, пенсионера Б. В. Гольдина из города Спасск-Рязанский, калужанина А. П. Беляева, жителя Ахтырки, Сумской области, Н. Ф. Бровко и других. П. Кравченко из Новосибирска пишет, что для охотника зажигалка куда удобнее и надежнее спичек. Студент Воронежского университета М. Г. Птушкин считает, что зажигалки очень нужны геологам, находящимся в полевых условиях. Подполковник запаса Б. И. Краснокутский из Саратова, В. А. Вершинин из Алушты и Ф. А. Мизинский, работающий в совхозе «Вольно-Чернихово», Брестской области, отмечают, что зажигалки особенно нужны инвалидам, лишившимся руки. Москвичи П. В. Кугенев и Д. М. Айзенберг, а также А. И. Якубовский из Кесемской МТС, Калининской области, предлагают изготовлять не только карманные, но и бытовые зажигалки для домашних хозяек.

Статья «Про зажигалку» обсуждалась на совещании представителей производственных и торгующих организаций, проведенном заместителем председателя исполкома Моссовета П. И. Леоновым. Исполком Моссовета вынес , постановление, обязывающее Управление металлообрабатывающей промышленности и Мосгорпромсовет организовать массовое производство карманных и бытовых зажигалок. Московские предприятия уже во второй половине нынешнего года выпустят 100 тысяч карманных зажигалок четырех видов и 10 тысяч бытовых зажигалок для газовых приборов. Одна из двух карманных зажигалок, которые начнет изготовлять завод «Металлодеталь», будет названа «Огонек».

Будет хорошо, если и в других городах совнархозы, облсоветы, горсоветы возьмутся за выпуск зажигалок с такой же оперативностью, как это сделали москвичи.

Над садами—«КА-15»

Опрыскивание с вертолета «КА-15».

Фото А. Фуникова.

...В окрестностях Алма-Аты, на склонах гор и в глубоких долинах, цветущим ковром раскинулись фруктовые сады. В тот год прекрасная весна обещала богатый урожай, но на деревья напали вредители сада. В горах самолеты сельскохозяйственной авиации не могли вести борьбу с ними. Тогда на помощь пришел вертолет «МИ-4». Он медленно летает над вершинами деревьев, распыливая из специальных аппаратов химикаты. Вертолет поднимался над склонами гор и хорошо «обрабатывал» те места, которые были недоступны для самолетов.

Опыт применения вертолета в горах для борьбы с вредителями растений дал хорошие результаты и показал большие его преимущества перед самолетами. Наиболее эффективная химическая «обработка» растений с вертолета достигалась на скорости не более 40 километров в час.

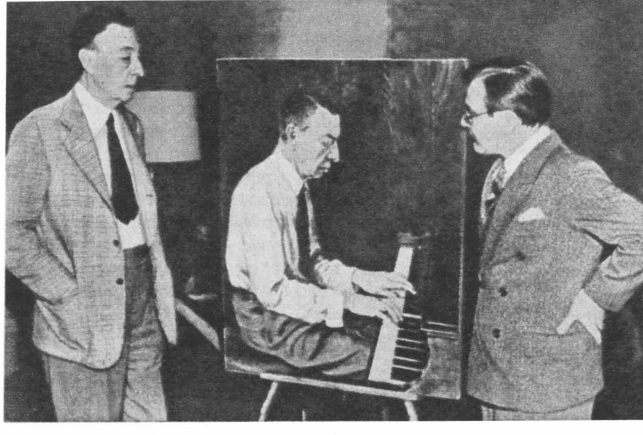
Как известно, вертолет не нуждается в аэродроме: для его взлета достаточно небольшой ровной площадки. Но в применении к сельскому хозяйству у этой машины есть еще одно преимущество: вращающиеся лопасти ротора гонят вниз мощный воздушный поток, который подхватывает химикаты и не дает ветру уносить их. Химикаты, распыляемые самолетом, оседают преимущественно на верхней стороне листьев. Вредители же нередко находятся на нижней стороне. Нисходящий воздушный поток от ротора вертолета способствует лучшему попаданию химиката на обе стороны листьев.

Сейчас в Государственном научно - исследовательском институте Гражданского воздушного флота проходят испытание вертолеты «КА-15» и «МИ-1», приспособленные для сельскохозяйственных работ. Они созданы коллективами, возглавляемыми главными конструкторами Н. И. Камовым и М. Л. Миль.

«КА-15» в отличие от «МИ-1» имеет два вертикальных трехлопастных винта, вращающихся в разные стороны. По бортам вертолета укреплены баки для загрузки химикатов. Этот вертолет снабжен специальной сельскохозяйственной аппаратурой: опрыскивателем, опылителем и аэрозольным генератором. От баков в стороны выходят трубы с рядом отверстий, через которые распыляются жидкие химикаты. Новый вертолет успешно прошел первую стадию испытаний.

А. ГОЛИКОВ

Последний портрет Рахманинова

... Июль 1940 года. В небольшом домике курортного местечка на берегу Атлантического океана, где вместе с семьей проводит лето Сергей Васильевич Рахманинов, уже несколько лет живет гость. Распорядок дня не меняется. Как всегда, после завтрака Сергей Васильевич садится за рояль. А рядом, установив мольберт, располагается сын его друга, художник Борис Федорович Шаляпин. И каждый, не мешая другому, занимается своим делом.

Через десять дней портрет готов. Ему суждено было стать не только лучшим, как об этом говорил и сам композитор, но и последним живописным портретом Рахманинова. Через три года Рахманинов скончался.

Когда многочисленные покупатели просили художника продать им портрет, он отказывал, говоря, что лучшее и единственное место для его произведения там, где всеми помыслами был Рахманинов последние годы жизни: в СССР. В ответ на запрос Московской консерватории и Музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки об условиях приобретения портрета Борис Шаляпин ответил: «Я счастлив принести этот дар моей Родине».

1 апреля исполняется 85 лет со дня рождения великого русского композитора, пианиста и дирижера. Последний портрет Рахманинова, находящийся в Музее музыкальной культуры, привлекает внимание многих посетителей.

На этом впервые публикуемом снимке С. В. Рахманинов и Б. Ф. Шаляпин запечатлены в день окончания работы над портретом.

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

Из тысячи кусочков стекла...

Несколько лет подряд работает над оригинальным макетом фрагмента Московского Кремля со Спасской башней часовой мастер тбилисской артели «Зустри дро» Вадим Михайлович Грачев.

Макет изготовлен из разноцветного органического стекла. Он смонтирован на мраморной панели и состоит из тысячи с лишним частей, выпиленных и вырезанных из органического стекла.

Панель, на которой смонтирован макет, выложена цветной мозаикой, состоящей из семисот разноцветных кубиков.

С. КИЛАДЗЕ

В. М. Грачев у макета фрагмента Московского Кремля.

Заметки из зала суда

Сорняку хорошо на плохом поле

За окном мокрая весенняя метель. В зале, где идет суд, сумрачно. На скамье подсудимых, понурив головы, сидят одиннадцать человек. Так что скамья не одна, а целых четыре. Адвокаты еле разместились за длинным столом. Председательствует член Мосгорсуда О. И. Чувилина. Терпеливо и умело она раскрывает вину каждого подсудимого. Двое из них брали взятки. Это Поташов и Бунин. Остальные девять давали. Это Кожокин и другие. Наш закон требует подвергать наказанию как берущих, так и дающих. Кстати заметим, кое-кто думает, что если эту статью закона изменить и впредь осуждать только «взяткобрателей», то таким образом появится панацея против взяточничества. Я бы лично столь большие надежды на такое изменение закона не возлагал. Взятки взяткам — рознь. Чаще всего взятка — это не что иное, как вполне сознательный и обоюдный заговор берущего и дающего для совершения преступления против закона. Однако это предмет специального разговора...

Тут бравшие и дававшие не только уличены, но и сами сознаются. Кто же эти люди? Михаил Поташов возглавлял жилищно-коммунальную контору треста «Мосотделстрой» № 1; Василий Бунин — управляющий домами при общежитии строителей. При сем при том они получили взятками более 20 тысяч рублей. Почти все взятки давались за то, что должно было быть сделано без всяких взяток: за предоставление жилищной площади и прописку в общежитии. В иных случаях в придачу за предоставление работы.

Начало этой взяточнической аферы относится к 1954 году, когда еще не было никаких ограничений в наборе рабочих-строителей из числа иногородних. Приезжал человек в Москву, где развертывалось гигантское строительство, и шел на одну из строек. Его принимали на работу и предоставляли место в общежитии. Семейных устраивали особо. Так строителями и жителями Москвы стали тысячи и тысячи рабочих различных специальностей. Набиралcя и обслуживающий персонал рабочих общежитий. Так происходило это и в тресте «Мосотделстрой». Но вот в большом хозяйстве треста появляется мерзавец — Поташов. Он не хочет жить на заработную плату. Он видит среди строительных рабочих недавних крестьян — народ, по его мнению, в столичной жизни не просвещенный. И Поташов решает этим воспользоваться.

Дело организуется солидно. Появляется помощник. На должность управдомами Поташов устраивает своего надежного приятеля Бунина. Впрочем, для почина он за это берет взятку и с него: 1 500 рублей. Дальше они действуют вдвоем. Бунин становится при Поташове «главным администратором» по взяткам. Одновременно свершаются и другие темные дела. Крадутся дрова. Люди, работающие в других местах, зачисляются на фиктивную службу в общежитии. Но хотя службы эти фиктивные, зарплата вполне реальная, и ее получает... Поташов.

Несколько лет безнаказанно орудовали жулики. Что же им помогало так долго оставаться неразоблаченными? В приговоре суда в формуле обвинения Поташова записано: «...пользуясь отсутствием должного контроля за его деятельностью со стороны руководства треста». Что скрывается за этой фразой? Идем в трест и беседуем с его управляющим Г. Кулешовым. Да, он сожалеет, что распределение так называемой служебной жилплощади передоверил своему заму Кудрявцеву, а тот все «прошляпил».

— В прошлом году, как раз перед моим отпуском, вот в этом кабинете были и Кудрявцев и Поташов. Я спросил: «Как там у вас, никаких нарушений нет?» Они в один голос: «Что вы, Григорий Никитич, у нас — полный ажур»... И вот, приезжаю из отпуска и узнаю: Поташов арестован и все такое прочее. Передоверил Кудрявцеву...

А были ли для этого основания? Разве не пытался тот же Кудрявцев на глазах у управляющего дважды протащить на должность коменданта общежития пьяницу, своего приятеля Самойлова? Разве не Кудрявцев странным образом «забыл» о полученном им акте бухгалтера конторы, в котором вскрывалась часть преступлений? Ведь это очень странная история: бухгалтер говорит, «акт был», а Кудрявцев уверяет, «не был». Разве руководитель треста не был обязан в свое время задуматься над этими и другими подобными фактами и усомниться: заслуживает ли такого беспредельного доверия зам? Или: почему ему никогда не казалось странным, что замом по большому строительному тресту работает человек несведущий, в прошлом начальник пожарной охраны другого треста?

...Управляющий трестом на суде не был. А зря. Он бы услышал там, как его заместитель, выступая свидетелем, пытался выручить взяточника Поташова и как суд вынужден был в приговоре отметить, что «показания свидетеля Кудрявцева нельзя признать достоверными». Быть на суде Кулешов поручил своему юристу. А тот, видите ли, заболел. Так что руководитель треста спустя десять дней после суда еще не знал всего объема преступлений, свершенных за его спиной.

— Времени нет,— говорит он.— Объекты, сроки, графики... Старая и грустная песня!

У этого дела есть и еще одна сторона. Жулики чувствовали себя спокойно и продолжали обирать рабочих еще и потому, что знали: в общежитиях никакой политико-воспитательной работы, по существу, нет. Да и как она могла быть, если те же жулики за взятку в 6 800 рублей на должность воспитателя взяли Кожокина, человека с низшим образованием? Вот, оказывается, как иногда подбираются кадры воспитателей!

Суд наказал всех виновных. Поташов и Бунин лишены свободы на 10 лет. Но в тресте «Мосотделстрой» должны глубоко и тревожно задуматься над уроками судебного дела. Да и только ли в одном этом тресте? Ведь речь идет о «родимых пятнах» прошлого...

Ни одно преступление не возникает само по себе. Непременно должны быть условия, порождающие, а затем и охраняющие его. Сорняку хорошо только на плохом поле. А плохое поле — у нерадивого хозяина...

Василий **АРДАМАТСКИЙ**

ПОЛОВИНА

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки **А. КАНЕВСКОГО.**

На завод пришли три письма:

ЛИЧНО директору завода тов. Ларину,

ЛИЧНО секретарю партийной организации тов. Зимину,

ЛИЧНО председателю завкома тов. Кошате.

Они были в одинаковых конвертах, надписанных одной и той же рукой, без адреса отправителя.

Управделами Маша, которая с девичьих лет и до седых волос работала на этом месте, сказала:

— Не иначе как анонимки. Ведь это надо, запечатали сургучом! Мало того, что «лично» подчеркнуто красным карандашом, так вот вам еще сургуч! Недоверие. Бывают же люди!

Она взяла письмо, адресованное директору, и вошла в кабинет. Заводские остряки говорили про эту комнату, что в ней все гомерическое, начиная с зарождающихся планов и кончая столом и самим хозяином. Если бы за огромный стол сел кто-нибудь худощавый и маленький, Маша долго бы не могла привыкнуть, и ей все казалось бы, что в кабинете пустовато. Она положила конверт на стол и сказала:

— Личное. Такие же в партком и в завком.

— Ладно,— сказал директор.— После.

В конце дня он позвонил Маше:

— Пожалуйста, Машенька, Зимина и Кошату.

— Зимин на стройке, Кошата в клубе, сейчас придет.— Она всегда все знала.

— Читал? — спросил директор, когда Кошата с видимым удовольствием уселся на диван: он замотался за день.

— Не дочитал,— сказал Кошата, вынимая из своего старенького планшета распечатанное письмо.

— Значит, вовсе не читал. Это человеческий документ. Помнишь историю с Дергачевым, когда он убежал от троих детей? Такие штуки сразу прочитывают. Тем более разборчиво, напечатано на машинке. Это от жены Чугунова. Тебе, наверно, то же самое, под копирку?

— Наверно,— сказал Кошата.— Только тебя она за женщину не принимает, а у меня наверху приписка чернилами: «Милая, дорогая Кошата, вы сами замужем, вы должны меня понять!»

— Обиделся, что она к тебе обращается и не узнала точно, женщина ты или мужчина?

— Мне, в общем, все равно,— нахмурившись сказал Кошата.— А не дочитал, потому что было некогда. Между прочим, она ведь только недавно приехала. Чугунов полтора года без нее жил бобылем.

— Ну и как, в смысле того, что в письме? А, черт, да ведь ты же не знаешь! Читай сейчас, при мне. Это важно. Уж если она написала нам, посторонним людям, то воображаю, какой у них тарарам в семье! То-то я смотрю, Чугунов ходит чернее тучи. А я его...— Директор хотел сказать «очень люблю», но подумал, что при исполнении обязанностей и в официальной обстановке не стоит говорить так про кого-нибудь из своих подчиненных, и сказал: — Я его уважаю и ценю. Великолепный, смелый инженер.

— Я его очень люблю,— ласково сказал Кошата.— Хороший мужик. Мне, между прочим, к письму приложена фотография. А тебе нет?

— Не-ет. Это тебе, значит, как отзывчивой женщине. Ну-ка, дай, а ты читай пока.

Кошата углубился в письмо и время от времени издавал то презрительные, то возмущенные восклицания.

— Да... Половина... Нечего сказать...— мрачно произнес он, складывая письмо.— Помоев не пожалела, все выплеснула. А на фотографию поглядеть — улыбка, ямочки на щеках, чернобурка, прямо баронесса с Монмартра.

— Баронессы на Монмартре не живут,— уточнил директор.— Это не их район, не аристократический.

— Мне все равно,— сказал Кошата.— Мне Чугунова жаль. Ждал, встречал, радовался. А ведь после такого письма вместе жить уже нельзя, надо разводиться. Как по-твоему?

Директор все еще смотрел на фотографию и задумчиво произнес:

— В молодости, наверно, была скромная, хорошенькая. Мечтала...

— Ну уж не знаю, о чем она мечтала! — сердито сказал Кошата. Он только что вспомнил, что ему надо еще пойти в котельную и в общежитие к пожарным, и он ощутил знакомый душевный зуд от невыполненных дел.— Ее мечты остались позади: московская квартира и все тридцать четыре удовольствия. А теперь она рвет и мечет, что муж поехал работать за пять тысяч километров. И это называется половина, да? У нас с вами такие половины, да? — И сконфузился от того, что как будто похвалился своей женой.

— Ну, в общем, так, — сказал директор.— Я пока с Чугуновым разговаривать не стану, но в прятки играть тоже нехорошо. Ты скажи ему по-честному, что мы трое получили письмо от его жены. Письмо, конечно, не показывай, чтоб человека не нервировать. Перескажи своими словами.

— Все равно и своими словами тоже нехорошо получится,— сказал Кошата.— Она вон до чего дописалась: будто у нас в проходной специально вахтеры поставлены, чтоб не допускать на территорию завода оскорбленных жен! Ей-богу, если б такие женщины направляли свою атомную энергию на мирные общественно-полезные цели, ведь они горы бы своротили.

— Кошата, а ты твердо уверен, что у Чугунова никаких... ну, что ли, компрометирующих поползновений насчет женского пола? — осторожно спросил директор.

— Он на такие пошлости, как пол, внимания не обращает,— строго и обиженно сказал Кошата.— Конечно, он у себя в цеху и посмеется и пошутит с девчатами. Но ведь я тоже шучу!

— Понятно,— сказал директор.— Она особенно упирает на то, что он поздно возвращается домой. А она, дескать, отдала ему молодость, красоту, пожертвовала московскими друзьями, квартирой, которую обставляла, как гнездышко. Не знаю, Кошата, не представляю себе Чугунова в роли стрижа, который таскает в гнездышко мошек.

— Такая заставит, будешь таскать! — Кошата поднялся с дивана, его томила мысль о пожарных.— В общем, так: я поговорю с Чугуновым. А с ней как быть? Она просит ее принять.— Кошате показалось, что директору очень не хочется принимать чугуновскую половину.— А ее пускай примет Зимин, ладно?

— Да, да,— согласился директор.— И, пожалуйста, чтоб это не было достоянием всего завода. Всегда найдется кто-нибудь, кто скажет: нет дыма без огня.

Мысль о пожарных опять сверкнула перед Кошатой, и он, наспех сказав, «все понятно», стремительно зашагал к двери.

Это было в субботу, а в понедельник управделами Маша снова получила три письма, запечатанные сургучом.

Передавая конверт директору, Маша сказала:

— Она будет до тех пор бомбардировать, пока не выведет нас из строя.

— А почему вы думаете, что это она, а не он? — удивленно спросил директор.— Ведь на конверте нет имени отправителя.

У Маши было лицо, как у следователя в детективном фильме, спокойное и непроницаемое.

— Это Чугунова, — сказала Маша, в глубине души наслаждаясь удивлением директора. — Как узнала? Очень просто. Когда у нас производственное совещание, она по нескольку раз звонит: «Совещание не кончилось, а Чугунов там?» Ну, а тут, за несколько дней до получения этих писем, ее же голос спрашивал: «Как фамилия предзавкома? А секретаря партийной организации?» Конечно, это просто моя догадка, я ничего не утверждаю.

— До чего хитра! — сказал директор.— Только вот что, Машенька...

— Я знаю. Неужто вы думаете, что я позволю себе об этом с кем-нибудь?..—Маша пожала плечом и посмотрела на директора сверху вниз, потому что она стояла и на полголовы возвышалась над ним, глубоко сидящим в кресле.— К тому же совершенно неизвестно, что в новом письме.

— Прочитаем,— сказал директор.— Вы не уходите, поскольку вы уже в курсе дела. И потом — женский ум, это даже хорошо.

— Да, это даже лучше,— сказала Маша таким тоном, что директор не счел возможным отстаивать преимущества мужского ума.

Он начал читать сперва про себя и вдруг воскликнул:

— Ты скажи на милость!

Это относилось не к Маше, с которой он был на «вы» с тех пор, как она заочно окончила юридический факультет, вышла

замуж за Кошату и начала заметно седеть.

— «...Умоляю, — читал директор, — не придавайте значения моему первому письму! И не исключайте моего мужа из партии и из профсоюза, как я того требовала два дня тому назад. Я уже телеграфировала в редакцию, чтоб они там не писали про него фельетон...»

— Ужас какой-то,— страдальчески сказала Маша.— Мы тут бережемся, чтоб никто не узнал, чтоб не пала тень на человека, а она по редакциям и по всему свету! И главное — не исключайте его из партии! Что ж она думает, что это раз—два, она вчера написала, а мы сегодня уже исключили? Ненормальная какая-то.

— Она дальше так и пишет,— сказал директор.

«...У меня страшно расшатана нервная система, в особенности в связи с переездом и оставлением насиженного гнезда. Я подвержена астено-адинамическому синдрому. Симптомы: понижение работоспособности, утомляемость, забывчивость, плохой сон и аппетит. А также маниакальному синдрому: повышенное настроение, ускорение течения мыслей, двигательное возбуждение...»

— Бред,— растерянно сказал директор.

— Вовсе нет.— Маша теперь сидела и смотрела на директора уже снизу вверх, но все равно с видом некоторого превосходства, потому что она понимала суть дела, а он пока не понимал.— Это из медицинского справочника. У меня такой есть. Я иногда в него заглядываю, когда ребятам или Кошате недомогается. Очень интересная книжка.

— Да, но зачем же в письме на имя директора, в партком и завком писать про свое двигательное возбуждение?

— Чтоб оправдаться,— сказала Маша.— Ведь она своего мужа сперва оклеветала и отлично понимает, что это мерзко. А чем оправдаться? Только маниакальным синдромом.

— Черт те что! — сказал директор.— Она бы занялась чем-нибудь, хотя бы хозяйством. А то мозг работает вхолостую и производит всякие... синдромы. И откуда вы все знаете, Маша? Впрочем, конечно, высшее образование...

— Образование ни при чем,— сказала Маша.— Просто я сама женщина. И я тоже одно время ревновала Кошату.

— Господи! — У директора это вырвалось невольно, и он сейчас же понял, что это невежливо. Но Маша удивительно умела не замечать чужие невежливости.

— Я его ревновала,— повторила она,— но ведь нужно иметь чувство собственного достоинства. Лазить по карманам и читать чужие записные книжки, помоему, это нехорошо. Я очень страдала от его отчужденности. Я так ясно представляла себе, что он полюбил другую. А потом выяснилось: Кошата не полюбил другую, он потерял восемьсот рублей членских взносов и скрывал это от меня. Он почти месяц ходил с отсутствующим видом и не смотрел мне в глаза, пока я не сказала: давай объяснимся хладнокровно, я готова ко всему, самому худшему. Тогда он сказал: «Да уж, хуже некуда»,— и сознался, что потерял восемьсот рублей.

— Н-да, всякое бывает,— согласился директор.— Однако я очень рад, что эта чугуновская история окончена.

— Мне кажется, она еще не окончена,— зловеще сказала Маша, выходя из кабинета.

Кошата все-таки поговорил с Чугуновым. В обеденный перерыв они вместе пошли в столовую. Он рассудил, что когда ешь, пьешь или куришь, разговаривать легче. Инженер ел блинчики с мясом и говорил растроганно:

— Я ее люблю! Да, может быть, у нее тяжелый характер... Да, может быть, я виноват, что я ее не перевоспитывал. Но вот ты, Кошата, ты свою жену перевоспитывал?

— Нет,— сказал Кошата.— Она в десять раз воспитаннее меня, чего ж я буду?..

— Ну, твое счастье. А я, когда возвращался с работы домой, находил свое счастье в ее улыбке, в прикосновении милых рук. И право, я даже не вслушивался, что она там щебечет. Она дома, со мной, ну и все! И вообще, если хочешь знать, я не верю в это перевоспитание. Это в теории. А на практике, когда на тебя прикрикнут или пальнут тарелкой,— это я не про мою говорю, а вообще,— разве можно в такой накаленной атмосфере заниматься перевоспитанием?

— Да, уж тут впору думать только о самообороне,— согласился Кошата.— Ну, в общем, ты скажи своей половине, чтоб она хоть от писем-то воздержалась. Объясни, что у нас и другие дела есть. Да и совестно как-то читать.

— Я понимаю,— сказал Чугунов и радостно улыбнулся.— Она мне уже обещала, поклялась памятью покойной тети. Она ее очень любила. Ах, Кошата, ты себе не представляешь, как бывает хорошо, когда мы с ней помиримся!

— Нет, отчего же, я себе представляю,— сказал Кошата.— Это как если все дождь, дождь, а потом солнце... А вот в общежитии у пожарных до того залило, что форменный потоп.

Маша была права, когда говорила, что чугуновская история еще не кончена. Через неделю опять пришли три письма. Чугунова писала:

«Я доведена до крайности. У меня возбуждение психогенного характера: истерия, реактивные психозы. Мой муж, мой бывший муж (!!) вчера опять вернулся домой почти в полночь, а на мои звонки в цех никто не отвечал! Когда он вошел в комнату, я увидела на его лице ярко выраженные симптомы депрессии. Как известно, больные могут в течение длительного периода почти не спать... Да! Я вас спрашиваю в последний раз: какой может быть спокойный образ жизни у него и у меня, если в его цехе работают одни женщины?! А эта фотография в журнале, где девчонка-работница нагло стоит почти вплотную около инженера Чугунова под видом того, что она перенимает опыт! Ведь это с вашего ведома? С меня достаточно! Я молчать не стану! Я напишу в обком и в газету! Я полтора года не ехала, звала его назад к семейному очагу».

В кабинете директора три человека прочитали три одинаковых письма. Потом Зимин сказал:

— Я сам съезжу к Чугуновой, не то она и своего мужа и нас доведет до реактивного психоза. Может быть, она правда больная, тогда ее надо лечить. Можно будет предоставить ей путевку в санаторий.

Вечером он вошел к директору в кабинет. Молча сел, закурил.

— Был?

— Был. Она не больная. Она веселая. Поила меня чаем. Помоему, она думает, что ее жизнь — самое интересное, что есть на свете, а Чугунов и все мы просто играем в бирюльки. А еще говорят — половина! Но если одна половина у Чугунова работает на заводе, изобретает, можно сказать, горит творческим огнем, а другая половина пишет скандальные письма и вообще чадит, что же из себя представляет целое?

— Ух, это ужасно сложная штука!— сказал директор.—Она была молоденькая, хорошенькая, он влюбился и потерял рассудок. Как гласит восточная мудрость: «В любви теряют рассудок, в браке замечают эту потерю». Но Чугунов не замечает. Он теперь влюблен в свою работу.

Они вышли вместе и пошли по заводскому поселку. Казалось, что где-то в темноте прячется молодая и красивая весна. То она тихонько смеется за чьей-то калиткой, то вскрикивает и замолкает. Может быть, целуется? И удивительно хорошо пахнет своим особенным, чистым, весенним запахом.

Они проходили мимо маленького дома, где временно жили Чугуновы. Окна светились. Через открытую форточку донесся знакомый голос: «Передаем легкую музыку». Директор сказал с надеждой:

— Может быть, сейчас она клянется именем покойной тети, что больше не будет? И может быть, нам тоже поставить крест на этих письмах и на этой истории?

— Да? — насмешливо спросил Зимин.— А завтра примчится фельетонист из газеты, будут звонить из обкома...

В темноте прерывистый мальчишечий голос произнес:

— Не спеши, рано еще. Я бы с тобой просидел так всю жизнь...

Снова Елизавета Быкова

В матч-реванше В. Смыслов — М. Ботвинник встречаются два москвича. Но в этом соревновании вся борьба еще впереди.

Две москвички — Ольга Рубцова и Елизавета Быкова — уже закончили свой шахматный «конфликт». О. Рубцова хорошо стартовала и лидировала 4 : 2, но после этого шахматистки обменялись ролями и последовал «пулеметный залп» Елизаветы Быковой — шесть побед подряд!

Развязка настала в 14-й партии, когда счет стал 8,5 : 5,5 в пользу Быковой.

Рубцова стала экс-чемпионкой, а Быкова вернула себе потерянное звание чемпионки мира. Реванш состоялся.

На снимке: вице-президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ) В. Рагозин вручает золотой кубок Елизавете Быковой.

Фото Л. Великжанина.

Перелистывая альбомы...

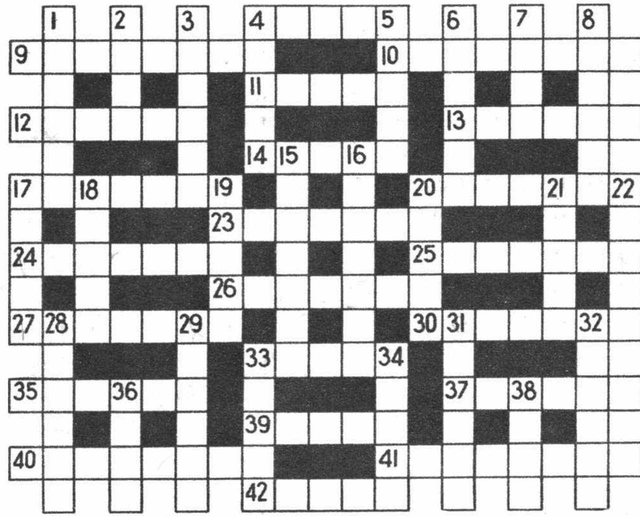
Перед нами альбомы из собрания Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Долгие годы владельцы этих альбомов старательно собирали автографы выдающихся людей — писателей, художников, композиторов. Свои записи оставили А. С. Пушкин, Т. Г. Шевченко, Адам Мицкевич, Иван Вазов, Эмиль Золя, Марк Твен. Здесь стихи, афоризмы, дружеские пожелания на память неутомимым собирателям. Часть альбомов украшена оригинальными рисунками Айвазовского, Васильева, Репина, Левитана, известных советских художников — это картинная галерея в миниатюре. Вот нотные строчки — автографы композиторов, оставленные А. Г. Рубинштейном, П. И. Чайковским, М. Ф. Гнесиным.

Мы публикуем шуточную нотную запись «Чижик, чижик» П. И. Чайковского, сделанную им в альбоме М. А. Головиной в 1876 году, и рисунок И. И. Левитана 1888 года из альбома С. П. Кувшинниковой. К рисунку Левитана Т. Л. Щепкиной-Куперник сделан лирический комментарий:

Бывают дивные мгновенья на земле —
Все дремлет в сказочной прозрачной полумгле.
Под светом месяца, изменчивым и чудным,
Заснуло озеро. Умолкнул шепот волн,
В прибрежную траву лениво брошен челн,
И все полно покоем беспробудным.
О, если б всколыхнул вдруг ветер эту тишь!
О, если б зашептал проснувшийся камыш,
Проснулось озеро и о любви запело!
О, если б, не боясь ни волн, ни странной тьмы,
Ленивый этот челн вдруг отвязали мы
И к счастью полетели смело!

Н. ЧЕРНИКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Морской курорт. 9. Переводчик при дипломатических представительствах в странах Востока. 10. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 11. Птица, обитающая в Южной Америке. 12. Поручитель. 13. Растение семейства гвоздичных, сорняк. 14. Герой раннего рассказа М. Горького. 17. Французский писатель XIX века. 20. Часть радиоустановки. 23. Краткое изречение. 24. Угольный бассейн. 25. Боевой корабль. 26. Главный город государства. 27. Имя героини оперы Н. В. Лысенко. 30. Форма поощрения. 33. Город в Кемеровской области. 35. Часть речи. 37. Область в Испании. 39. Простейшее механическое орудие. 40. Болгарская разменная монета. 41. Летчица, Герой Советского Союза. 42. Оттенок звучания.

По вертикали:

1. Старинное название артиллерийских орудий. 2. Деталь швейной машины. 3. Водоскат на реке Вуокса в Финляндии. 4. Писатель и общественный деятель Индии. 5. Уведомление о переводе денег. 6. Созвездие. 7. Спортивный снаряд. 8. Летательный аппарат. 15. Отпадение одного или нескольких звуков в конце слова. 16. Форма международных расчетов. 17. Сосуд для жидкостей. 18. Приспособление на металлорежущих станках. 19. Типографское оборудование для ручного набора. 20. Столица государства на Ближнем Востоке. 21. Тонко скрученная пряжа. 22. Главная артерия. 28. Роман А. Толстого. 29. Кустарник со съедобными плодами. 31. Метод исследования. 32. Китайское судно. 33. Прием воздушного боя. 34. Один из древнейших городов Греции. 36. Немецкий писатель. 38. Приток Оби.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

1. Эльбрус. 5. Грузия. 6. Пролог. 8. Руставели. 9. Гроза. 11. Чаква. 13. Терек. 15. Стамеска. 16. Киловатт. 20. «Рубин». 21. Атлас. 22. Якоби. 25. Великатов. 26. Сеялка. 27. Сухуми. 28. Титания.

По вертикали:

1. Эпикур. 2. Стрела. 3. Брюллов. 4. Чонгури. 7. «Кавказ». 9. Глиссер. 10. Арлекин. 11. Чайкина. 12. Абрикос. 13. Таможня. 14. Картули. 17. «Галька». 18. Абхазец. 19. Почтамт. 23. Беркут. 24. Косуля.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

КРАТКАЯ СТАТИСТИКА

В США опубликованы недавно любопытные статистические данные. Подсчитано, что в 1957 году оборот от продажи жевательной резинки составил 282 миллиона долларов, оборот от продажи средств ухода за волосами достиг 122 миллионов. В то же время на медицинские исследования страна затратила меньше 14 миллионов долларов.

Журнал «Нейе берлинер иллюстрирте» (ГДР)

ДЬЯВОЛЬЩИНА С МОЛОТКА

Лондонская фирма Чавер и К°, занимающаяся распродажей, объявила о поступлении на аукцион интересного документа из времен испанской инквизиции. Это заключенный в 1756 году договор о том, что некая монахиня продает свою душу и тело дьяволу. Договор найден среди материалов одного инквизиторского судебного процесса, который велся на Канарских островах в 1775 году. Химическая экспертиза показала, что документ написан кровью.

Журнал «Нейе берлинер иллюстрирте»

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

После продолжительных и бурных дебатов муниципалитет японского города Масаяма решил сломать старый деревянный мост через реку Асахи, протекающую через город, и построить новый. Столь решительная мера вряд ли покажется удивительной, если обратить внимание на местную статистику: в течение прошлого года в реке утонуло 42 человека, которые провалились через многочисленные дыры в старом мосту, среди утонувших — два члена муниципалитета.

Журнал «Дер штерн» (ФРГ)

РУКА-СТАЙЕР

Объединение английских секретарей-машинисток и стенографисток объявило, что опытным путем установлен следующий оригинальный факт: рука квалифицированной стенографистки проходит в течение рабочего дня по бумаге расстояние около двадцати пяти километров.

Журнал «Дер штерн»

Перевел В. АГРОНОВ.

На вкладках этого номера репродукции картин И. Репина — «Портрет дочери Надежды», К. Трутовского — «Приезд учительницы», В. Каменева — «Лесной пейзаж», В. Маковского — «Бабушкин пасьянс», Ф. Журавлева — «Чиновник», две страницы этюдов В. Ездакова «Вдоль берегов Африки» и две страницы цветных фотографий.

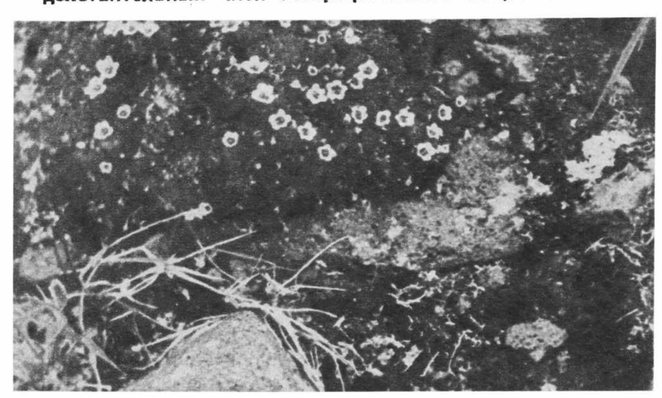
Отвечаем читателям

Цветы Арктики

— Встречаются ли цветы на самых крайних землях Арктики? — спрашивает читатель Н. Нешаев из Сталинабада.

В Арктике минула полярная ночь. Под снежным покровом природа сохранила свои растительные заповедники. Приходит и сюда капризная весна, а вслед за ней под ослепительным незаходящим солнцем дружно тронется в рост полярная флора. На самом далеком архипелаге Арктики — Земле Франца-Иосифа — на восьмидесятом градусе северной широты желтыми огоньками загораются полярные маки. Нежными голубыми цветочками, словно собранными в букеты, скрывающими от взора листья, соперничают с цветом неба камнеломки. Белыми крапинками цветов говорит о своем местонахождении полярный салат; его мясистые листья вкусны, как редис. Желтыми и белыми цветочками украшают арктическую поросль лютики. Спокойно колышутся злаковые растения, очень далекие родственники ячменя и овса. Мягкими коврами на илистых наносах ручьев и первичных образованиях почвы раскинулись зеленые, красные, желтые и белые мхи. К камням как будто прилипались лишайники. На каждом шагу в зарослях видишь полярную иву; она растет, как трава: ее ствол чуть толще спички, в высоту она достигает двадцати — тридцати сантиметров, а за лето подрастает всего на несколько миллиметров. Но зато ее толстое корневище простирается иногда на один — два метра. Просто восхищаешься этим карликовым деревцем: до чего же стойко сопротивляется оно арктическим невзгодам! Изредка попадается здесь и такая же крохотная полярная березка.

П. ЧУМАК,
действительный член Географического общества СССР

На Земле Франца-Иосифа, в долине Молчания.

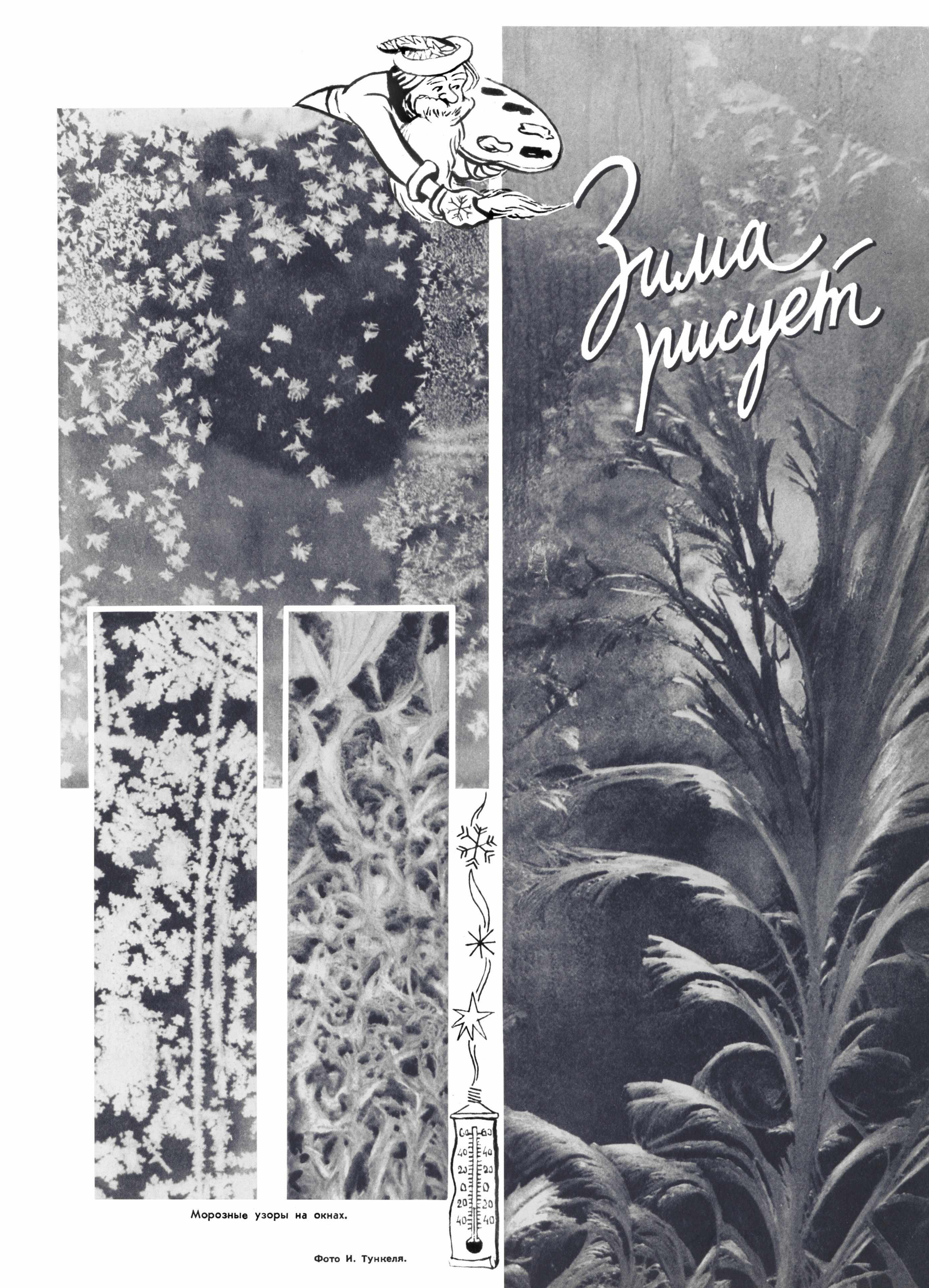
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00973. Подписано к печати 19/III 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 260. Заказ № 585.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Морозные узоры на окнах.

Фото И. Тункеля.

Цена номера 3 руб.